37
1071

ПРОРОЧЕСКІЕ

ИЛИ

ВѢЩІЕ СНЫ.

Апологетическое изслѣдованіе въ области Библейской Психологіи.

—

Законоучителя Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко

Свящ. П. Свѣтлова.

X

КІЕВЪ.

Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица д. № 4.

1892.

Пров. 1959
Пр.

BF
1071

Отъ Кіевскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать разрѣшается Цензоръ священникъ Арсеній Царевскій.

640
37

ВВЕДЕНІЕ.

За послѣднее время науку и общество стали все болѣе и болѣе интересовать таинственныя явленія духовной жизни; недавнее увлеченіе сомнительнаго характера спиритическими явленіями смѣнилъ въ настоящее время живой интересъ къ гипнотизму со всѣми его загадочными феноменами, какъ внушеніе въ особенности, сомнамбулизму, чтенію мыслей, а также интересъ къ загадочнымъ и поразительнымъ феноменамъ сна. давно сближаемаго наукою съ вышеприведенными и другими ненормальными психическими состояніями Изъ наиболѣе загадочныхъ психическихъ феноменовъ сна представляются и всегда всѣмъ представлялись такъ называемые, пророческіе сны (сновидѣнія) [1]). Древній интересъ къ изученію и объясненію ихъ пробудился въ настоящее время, о чемъ свидѣтельствуетъ появляющіяся въ наукѣ изслѣдованія о снахъ и хорошій сбытъ этихъ изслѣдованій въ читающей публикѣ. Къ сожалѣнію, направленіе, въ ко-

[1]) Наше русское слово «Сонъ», означающее и періодическую смѣну духовно-тѣлеснаго бодрствованія и отдыха, и сновидѣнія, неточно. Въ другихъ языкахъ для этихъ различныхъ понятій имѣются и соотвѣтствующія слова: ὕπνος—ἐνύπνιον, somnus—insomnium, шена, тардема-хѣломъ (евр.), Schlaf-Traum, Sleep.,—Dream, Sommeil—rêve, songe (rêve—сонъ пустой, songe—болѣе, чѣмъ простая игра представленій во снѣ).

торомъ ведутся теперь подобныя изслѣдованія, совершенно противоположно послѣдованіямъ древнихъ: оно проникнуто духомъ горделиваго презрѣнія къ господствующей вѣрѣ въ пророческіе сны и вообще вульгарнымъ психологическимъ идеямъ, тогда какъ древніе въ своихъ изслѣдованіяхъ впадали въ другую ошибку, хотя быть можетъ меньшую, опираясь на господствующія въ жизни понятія и на то, что называется здравымъ смысломъ. Истина здѣсь, какъ и вездѣ, по серединѣ. Наука не можетъ свысока относиться къ простымъ житейскимъ понятіямъ: послѣднія предшествуютъ ей и являются ея источникомъ, какъ показываетъ исторія наукъ. Наука не должна забывать этого родства своего съ простымъ, непосредственнымъ знаніемъ, пропуская его черезъ очистительное горнило критическаго анализа. Между тѣмъ въ своихъ изслѣдованіяхъ большинство психологовъ исходитъ изъ предвзятаго взгляда на вѣру въ сны, какъ на остатокъ первобытнаго, грубаго и унизительнаго суевѣрія. При той быстротѣ, съ какою вообще распространяются нынѣ всякія научныя идеи въ массѣ путемъ періодической прессы, неудивительно, что и эта господствующая въ наукѣ точка зрѣнія на вѣру въ сны, какъ суевѣріе, въ настоящее время вошла въ катехизисъ средней или массовой „интеллигенціи“ То, что у ученыхъ еще въ концѣ концовъ остается вопросомъ, для интеллигента становится дѣломъ рѣшеннымъ: для него рѣшено безвозвратно, что пророческіе сны выдумка, вѣра въ нихъ суевѣріе или то, что нѣмцы называютъ „ein überwundener Standpunkt“.

Этому, столь ясно выраженному и смѣло выдвигаемому популярно-научному воззрѣнію на пророческіе сны противостоитъ, столь же ясно выраженное, древнее воззрѣніе на пророческіе сны въ Библіи. Вѣра въ пророческіе сны, несомнѣнно, какъ и во всѣхъ религіяхъ историческихъ, въ христіанской религіи является однимъ изъ составныхъ ея элементовъ, правда не имѣющихъ догматической важности, но

за то важныхъ въ другомъ отношеніи. Такъ какъ къ подробному изложенію Библейскаго ученія о снахъ мы перейдемъ ниже, то здѣсь приведемъ пока лишь общія положенія Библейскаго ученія о пророческихъ снахъ. Во первыхъ, Библія, которая есть слово самаго Бога, признаетъ существованіе пророческихъ сновъ; во вторыхъ, она разсматриваетъ пророческіе сны, какъ одинъ изъ многочисленныхъ способовъ Божественнаго откровенія людямъ, общенія Божества съ людьми. Этого достаточно, чтобы вопросъ о снахъ пророческихъ получилъ въ глазахъ всякаго, понимающаго дѣло, не только научную, но и религіозную важность—именно въ виду вышеуказаннаго популярно-научнаго воззрѣнія на пророческіе сны и приговора науки надъ вѣрою въ нихъ, въ силу котораго она объявляется суевѣріемъ. Какіе выводы. отсюда слѣдуютъ, можно было бы и не говорить; но всякій довѣрчивый къ наукѣ, про себя, конечно, долженъ будетъ сдѣлать выводъ: значитъ, христіанская вѣра поддерживаетъ и распространяетъ суевѣріе. Возможность же и даже неизбѣжность такого вывода для богослова дѣлаютъ обязательнымъ рѣшеніе вопроса, есть ли вѣра въ сны суевѣріе и права ли въ своемъ воззрѣніи на нее наука.

Необходимое для цѣлей нашего изслѣдованія изученіе обширной литературы вопроса о снахъ представляло намъ не разъ доказательства того, что рѣшеніе этого вопроса для апологетической богословской науки становится насущною задачею; указывая на противорѣчіе вѣры въ сны съ наукою и важность ея въ общей системѣ вѣрованій христіанскихъ, многіе, выражаясь вульгарнымъ языкомъ, бросаютъ перчатку христіанскимъ богословамъ апологетамъ, какъ бы приглашая ихъ этимъ самымъ оправдать и такъ или иначе объяснить это библейское воззрѣніе на пророческіе сны „Вѣра въ пророческіе сны“, говоритъ одинъ изъ такихъ писателей „не только не отвергается въ христіанской религіи, но эта религія implicite предполагаетъ ее, какъ составную часть сво-

его ученія. Если въ настоящемъстолѣтіи эта вѣра отчасти [1]) ослабѣла, то это не вслѣдствіе сомнѣній въ существованіи твердыхъ основаній для нея въ священномъ писаніи, а вслѣдствіе общаго упадка догматизма, который характеризуетъ наше время". Указавъ на нѣкоторые библейскіе пророческіе сны, авторъ продолжаетъ: „но изъ всѣхъ сновъ, передаваемыхъ священными писателями, первый по своей несравненной важности и очевидно божественному происхожденію есть тотъ, на которомъ преимущественно основана сама тайна Божественнаго Воплощенія. Попробуйте выбросить сонъ, въ которомъ Іосифъ получилъ извѣщеніе о сверхъестественномъ зачатіи св Маріи отъ Духа Святаго (Мѳ. 1, 20),—и эта тайна будетъ исключительно зависѣть отъ исторіи о благовѣщеніи Архангела Дѣвѣ Маріи, по необходимости передаваемой самою Дѣвою Маріею (Лк. 1, 35). Но въ такомъ щекотливомъ случаѣ, по очевиднымъ основаніямъ, не можетъ быть абсолютно достовѣрнаго показанія. Это еще не все. Именно во снѣ маги были предупреждены о козняхъ Ирода, и благодаря также сну была спасена жизнь новорожденнаго Христа въ общемъ избіеніи невинныхъ младенцевъ (Мѳ. II, 12—13) О христіанствѣ, такимъ образомъ, можно сказать, что оно обязано своимъ существованіемъ небеснымъ откровеніямъ даваемымъ въ сновидѣніяхъ, и христіане не могутъ

---

[1]) Это «отчасти» совершенно основательно. Англійскій психологъ *Макничъ* жалуется на господство этой вѣры даже среди умныхъ, образованныхъ людей нынѣшняго времени: „Dreams have been looked by some, as the occasional means of giving us an insight into futurity. This opinion is so singulary unphilosophical that I would not have noticed it, were it not advocated even by persons of good sense and education" въ *Philosophyo f Sleep* p. 71.

Подобныя же сѣтованія мы встрѣчаемъ у Цицерона въ его «De divinatione» lib. II cap. LXXII. «Perfugium videtur omnium laborum et sollicitudinum esse somnus. At ex eo ipso plurimae curae metusque nascentur. Qui quidem ipsi... perfecti putantur», и тѣ раздѣляютъ съ невѣждами суевѣріе.

совмѣстно съ остальными своими вѣрованіями принимать какія нибудь теоріи, ведущія къ отрицанію священнаго и пророческаго характера сновъ“ [1]). Конечно, здѣсь преувеличено значеніе въ христіанской религіи вѣры въ пророческіе сны (такъ какъ истина Воплощенія, что должно быть извѣстно и автору англійскому, основывается не на одномъ приведенномъ имъ мѣстѣ); но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что въ виду такихъ заявленіи, какъ это, вопросъ о пророческихъ снахъ дѣйствительно долженъ получить весьма большую важность въ апологетической богословской наукѣ.

Знакомство съ литературою этого вопроса позволяетъ наше собственное, въ духѣ христіанской Апологетики, изслѣдованіе выдавать за первый опытъ изслѣдованія собственно Библейскаго ученія о пророческихъ снахъ, или Библейской психологіи, говоря точнѣе. Кратко формулируя его задачу, мы должны сказать, что изслѣдованіемъ своимъ мы имѣемъ въ виду доказать дѣйствительное существованіе пророческихъ сновъ, т. е. способности человѣческой души узнавать будущее во снѣ или путемъ сообщенія съ сверхчувственнымъ духовнымъ міромъ, или силами своей природы, для обнаруженія которыхъ сонъ представляется, сравнительно съ бодрствованіемъ, болѣе благопріятствующимъ условіемъ. Въ такой постановкѣ вопроса мы не встрѣчали ни одного изслѣдованія въ богословской апологетической литературѣ; но есть, по крайней мѣрѣ—намъ извѣстно, одно апологетическое изслѣдованіе въ другой, чисто психологической постановкѣ. Оно имѣетъ въ виду на загадочномъ феноменѣ пророческихъ сновъ оправдать общее библейское или собственно спиритуалистическое воззрѣніе на душу, какъ субстанцію духовную, самостоятельную и безсмертную, выходя изъ того, совершенно вѣрнаго, предположенія, что безъ допущенія такой души пророческіе сны—необъяснимы.

---

[1]) *Viscount Amberley* «Analysis of Religious Belief» vol. I—II London 1877. vol. I, p. 127 ff.

Шплиттгерберъ. нѣмецкій богословъ, авторъ изслѣдованія „Сонь и смерть или таинственная область душевной жизни“ опредѣляетъ его задачу такъ„:—послужить двумъ основнымъ задачамъ всякаго психологическаго изслѣдованія, именно—насколько можно глубже заглянуть въ существо человѣческой души и лучше доказать ея вѣчное назначеніе. А для этого особенно пригодны сонъ и смерть вмѣстѣ съ другими аналогичными имъ явленіями, такъ какъ сущность души въ этихъ психическихъ состояніяхъ полнѣе, чѣмъ гдѣ либо, открывается, потому что въ нихъ душа отдѣляется до извѣстной степени отъ тѣлеснаго организма и погружается въ свои собственныя внутреннія глубины, такъ что ее можно тогда наблюдать въ болѣе ей свойственномъ видѣ. Въ то время какъ въ бодрственномъ состояніи человѣка душа дѣйствуетъ лишь при посредствѣ тѣла, во снѣ она болѣе или менѣе освобождается отъ матеріальныхъ узъ плоти и тогда раскрываетъ предъ нами свои скрытыя силы, дремлющія въ бодрственномъ состояніи. Эти силы однако полнѣе выражаютъ истинную природу души, чѣмъ тѣ, которыя проявляются ею въ бодрственномъ состояніи, когда къ ея дѣятельности примѣшивается посредство чуждой дѣятельности организма тѣлеснаго; а потому ничто столь непригодно къ опроверженію матеріалистической психологіи, какъ тщательное изученіе души во снѣ и другихъ аналогичныхъ состояніяхъ, когда чище и полнѣе проявляется ея природа“ [1]). Въ концѣ своего сочиненія авторъ выражаетъ надежду, что безпристрастный читатель закроетъ его книгу подъ впечатлѣніемъ, что есть въ насъ что то кромѣ плоти и крови, что-то высшее, неземное, непреходящее. Божественное,—однимъ словомъ, что есть личный, безсмертный

---

[1]) *Splittgerber* «Schlaf und der Tod oder die Nachtseite des Seelenlebens nach ihren haufigsten Erscheinungen im Diesseits und an der Schwelle des Jenseits. Eine psycholog.-apologetische Erörterung» I—II. Auf. 2. Halle 1881. Th. 1, s. 7 f.

духъ“ [1]). Такимъ образомъ Шплиттгерберъ пользуется загадочными феноменами сна, какъ матеріаломъ для апологіи Библейско-спиритуалистической психологіи, увеличивая запасъ аргументовъ въ пользу ея на одинъ болѣе. Но такъ какъ ихъ и безъ того много, то изслѣдованіе о пророческихъ снахъ въ нашей постановкѣ надо признать болѣе цѣлесообразнымъ и необходимымъ; мы, поэтому, въ своемъ изслѣдованіи имѣемъ въ виду интересъ, главнымъ образомъ, чисто апологетическій, связанный съ вопросомъ о пророческихъ снахъ, а не психологическій, какъ у Шлиттгербера. То, что у послѣдняго есть сущность и цѣль, въ нашемъ изслѣдованіи можетъ быть только средствомъ и однимъ изъ частныхъ моментовъ его

Быть можетъ, отсутствіе спеціальныхъ апологетическихъ изслѣдованій вопроса о пророческихъ снахъ въ нашей постановкѣ (если не считать эпизодическихъ замѣтокъ въ курсахъ такъ называемой Библейской психологіи [2]) объясняется недостаточною увѣренностью въ успѣхѣ подобныхъ изслѣдованій въ виду современнаго скептицизма, безапелляціонно рѣшившаго, что вѣра во сны—суевѣріе Но всякій успѣхъ, не въ нашей власти, исполненіе же долга зависитъ отъ насъ, и мы исполняемъ его подкрѣпляемые увѣренностью, что одинъ и тотъ же Богъ есть Богъ науки и откровенія

Достигнуть предположенной задачи мы считаемъ возможнымъ подъ условіемъ достаточнаго изученія не только самаго факта (пророческихъ сновъ), но и всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ объясненій, какія давались и даются сну.

Не смотря на свое разнообразіе, эти объясненія или воззрѣнія на пророческіе сны съ нѣкоторымъ удобствомъ

---

[1]) Ibid. p. 304.

[2]) Въ этомъ отношеніи мы должны упомянуть, какъ о болѣе стоющемъ вниманія, о трудѣ *Delitzsch'a* «System der Biblischen Psychologie» Zw. Aufl. Leipzig 1861. Гл. IV. § 14, s. 275--286.

могутъ быть распредѣлены по тремъ группамъ, асообразно съ этимъ могутъ быть въ обширной онирологической литературѣ отмѣчены три теоріи: религіозная или теологическая. метафизическая и позитивная, или, какъ ея представители неосновательно предпочитаютъ выражаться.—научная.

Теологическая теорія вводитъ въ объясненіе пророческихъ сновъ. содержащихъ предсказаніе будущаго, сверхъестественный факторъ, именно воздѣйствіе міра высшихъ духовъ и въ особенности высочайшаго Духа Бога на душу спящаго, объявляя пророческіе сны дѣйствіемъ духовъ и откровеніемъ Бога человѣку. Древнѣйшая и вмѣстѣ съ тѣмъ простѣйшая формула этого воззрѣнія находится у *Гомера*: „и сны отъ Зевса [1])“ (а также „отъ Аполлона“, дополняется въ греческой миѳологіи), или: — отъ Бога и высшихъ духовъ.

Не такъ просто философское или метафизическое объясненіе пророческихъ сновъ: оно представляется въ нѣсколькихъ формахъ. Но во всѣхъ нихъ общее то, что пророческіе сны выводятся не изъ дѣйствія сверхъестественнаго фактора, т. е. Бога и духовъ, а изъ естественныхъ свойствъ или силъ, лучше—изъ самой природы души, въ силу различныхъ условій и причинъ (напр. богоподобіе, отрѣшеніе отъ тѣла во снѣ .) обнаруживающей свои высшія богоподобныя способности въ состояніи сна; одна изъ такихъ. въ обыкновенномъ состояніи почти непроявляющихся, способностей есть способность предвидѣть будущее. Впервые совершенно полную и развитую теорію въ этомъ родѣ представили древніе стоики, къ ученію которыхъ мы обратимся ниже въ свое время; а въ новѣйшей философіи стоическая теорія въ новой постановкѣ была повторена такими философами. какъ Шеллингъ, Г. Фихте, Гегель и ихъ учениками; при чемъ изъ учениковъ Шеллинга, примѣнившихъ его психологическія идеи къ занимающему насъ психическому

---

[1]) Ilias I, 63: καὶ γαρ τ' ὄναρ ἐκ Διός ἐστιν (Ζεὺς ὀνειροπόμπος).

феномену, слѣдуетъ назвать извѣстнаго и у насъ психолога Шуберта, а также М. Перти, извѣстнаго своими изслѣдованіями о загадочныхъ явленіяхъ духовной жизни. Затѣмъ Фортляге. Фишеръ, Эннемозеръ, Шернеръ, Эрдманъ принадлежатъ къ ученикамъ Фихте и Гегеля.

О Шеллингѣ можно сказать, что онъ своимъ ученіемъ о снахъ, покоящимся на мистическомъ, въ общемъ, философскомъ міросозерцаніи (пантеизмъ), создалъ культъ сновидѣній „Traumcultus“, какъ выражаются нѣмецкіе ученые. Его идеи особенно развиты Шубертомъ и Перти. Сущность шеллинго-метафизической теоріи заключается въ томъ, что она, разсматривая міръ, какъ проявленіе скрытой въ немъ абсолютной силы, міровой души или Духа, должна и всякія индивидуальныя души разсматривать, какъ проявленія одной и той же міровой души или какъ ея части, и на этомъ основаніи приписывать человѣческой душѣ Божественныя свойства міроваго Духа, т. е. всевѣдѣніе, вѣдѣніе будущаго, удобнѣе проявляющіяся въ тѣхъ состояніяхъ, когда душа до нѣкоторой степени отрѣшается отъ тѣла (что предполагается во снѣ) и, по выраженію Шуберта, „приближается къ тѣмъ сферамъ, откуда она получило свое начало“, т е. погружается или возвращается въ лоно міроваго Духа, котораго она составляетъ нераздѣльную частицу. Хотя Перти, авторъ извѣстнаго сочиненія „Таинственныя явленія человѣческой природы“. и отвергаетъ свою связь съ мистико-пантеистической доктриной Шеллинга, въ своей полемикѣ съ Католическими богословами (см. предисловіе ко 2 изданію). однако эту связь не трудно показать выдержками изъ его сочиненія. Его Universalgeist есть міровая Душа Шеллинга. что ясно изъ такихъ выраженій: пространство и время sind nur Formen seiner sichtbaren Wirksamkeit Онъ entlälsst aus sich die... Kräfte, von welchen ein Theil das darstellt, was wir Mysterie nennen. welche Er von innen heraus gestaltet und bewegt .. Universum есть gleichsam der Leib Gottes, in welchem die Sonnen-systeme,

wie Blutkörperchen im Menchenleibe umrollen... sein Bewusstsein das unsere umfasst. Der Mensch sich des Unendlichen, welches in allem und auch in ihm ist, bewusst wird... Истинное понятіе о Богѣ сдѣлалось возможнымъ только благодаря космологіи новаго времени (erst durch die Kosmologie der neuen Zeit)[1]). Конечно, не всѣ философскія воззрѣнія примыкаютъ къ пантеистической доктринѣ Шеллинга, и пантеистическій элементъ не есть необходимость въ метафизическихъ теоріяхъ пророческихъ сновъ.

Здѣсь считаемъ умѣстнымъ сдѣлать небольшой обзоръ или, лучше, перечисленіе изслѣдованій этой группы теорій съ необходимыми поясненіями при этомъ, гдѣ нужно.

Богаче всѣхъ подобными изслѣдованіями литература нѣмецкая. Сюда принадлежатъ сочиненія вышеуказанныхъ философовъ и психологовъ, а также и другихъ. *Германъ Фихте* высказываетъ свой взглядъ въ „Антропологіи. Ученіе о человѣческой душѣ на естественно научномъ основаніи для натуралистовъ, психіатровъ и вообще образованныхъ людей“; *Шуберту* принадлежатъ: „Символика сновидѣній“ и „Исторія души“; сочиненіе *Перти* выше поименовано. *Фортляге* и *Эрдманъ* высказали свой взглядъ не въ спеціальныхъ сочиненіяхъ, а въ общихъ курсахъ по психологіи *Шернеръ* написалъ: „Жизнь сновидѣній“, весьма хорошее по обилію собраннаго матеріала демонстрируемыхъ имъ сновъ, по весьма мѣткимъ замѣчаніямъ касательно символики сновъ и роли воображенія въ сновидѣніяхъ, но отличающееся довольно спутанною и сложною (безъ нужды) классификаціей сновъ, и чрезвычайно тяжелымъ даже для нѣмецкихъ сочиненій стилемъ вслѣдствіе его вычурности. Сочиненіе Фолькельта „Фантастическіе сны“[2]) во многомъ сходно съ сочиненіемъ Шернера и есть довольно рабское ему подражаніе,

---

[1]) По 2 му изданію стр. 5. ff.. 26.

[2]) См. отзывъ *Radestock'a* въ «Schlaf und Traum», примѣч. 50-е.

почему мы не сочли нужнымъ имѣть его подъ руками. Этимъ исчерпываются важнѣйшія работы метафизической группы[1]) — Изъ древнихъ мы должны упомянуть о соч. *Цицерона* „De divinatione“, въ 1-й книгѣ излагающемъ теорію стоиковъ (сар. XX-XXX); *Аристотеля* „Περι ἐνυπνίων“, *Макробія* „In Somnium Scipionis“, *еп. Синезія* „De insomniis“, *Тертуллліана* „De anima“ (сар. 46—48) и *Артемидора* „Ονειροκρίτικον“ (т е. Сонникъ или снотолкователь). О всѣхъ нихъ будемъ имѣть сужденіе въ своемъ мѣстѣ.

Позитивная теорія, неправильно, строго говоря, называющая себя научною, а вышеразсмотрѣнныя „донаучными“ (на основаніи Контова закона о трехъ фазисахъ знанія), не можетъ, конечно, безусловно отрицать достовѣрность пророческихъ сновъ т. е. ихъ существованіе, когда спящій имѣетъ изображеніе или предсказаніе будущихъ событій; поэтому и она объясняетъ такіе сны. Она, въ отличіе отъ донаучныхъ теорій, въ объясненіе этого феномена считаетъ совершенно излишнимъ вводить факторы сверхчувственнаго порядка, неподлежащаго опыту и наблюденію, т. е. высшихъ духовъ (Бога и Ангеловъ) и какія-то магическія силы души, также проблематической; въ этомъ загадочномъ феноменѣ она видитъ дѣйствіе все тѣхъже психологическихъ законовъ, хотя и скрытное, которые лежатъ въ основаніи всѣхъ обыч-

[1]) *Herm. Fichte* «Anthropologie. Die Lehre von der menschlichen Seele. Begründet auf naturwissenschaftlichen Wege für Naturforscher, Seelenarzte und wissenschaftlich Gebildete» Aufl. 3, Leipzig. 1876. *Schubert.* «Die Symbolik des Traumes» Aufl. 4. Leipz. 1862, «Geschichte der Seele» Tubingen 1847 Aufl. 4; *M. Perty* «Die mystischen Erscheinungen der menschlichen Natur» Aufl. 2. B. I—II. Leipzig. und Heidelberg 1872. *Karl Scherner* «Das Leben des Traums» Berlin 1861.—На русскомъ языкѣ въ «Сборникѣ лекцій бывшихъ профессоровъ Кіев. Д Акад.» Кіевъ 1869 въ «Запискахъ по психологіи» *Арх. Θеофана (Авсенева)* мы находимъ прекрасное изложеніе и переводъ сочиненія Шуберта по психологіи и спеціальнаго сочиненія о снѣ «Symbolik des Traums».

ныхъ, насъ не удивляющихъ, явленій бодрственной жизни. Загадочными пророческіе сны представляются лишь для тѣхъ, кто не хочетъ вникнуть въ ихъ дѣйствительныя причины, а также вслѣдствіе особенной сложной комбинаціи психологическихъ законовъ управляющихъ всѣми явленіями душевной жизни. Задача науки внести свѣтъ свой и въ эту темную область душевной жизни, т. е. свести это сложное и загадочное явленіе къ простымъ элементамъ всякихъ душевныхъ явленій и снять съ него мистическое покрывало, накидываемое на него суевѣріемъ, невѣжествомъ, обманомъ и самообманомъ [1]). Все это совершенно естественно для такого міровоззрѣнія, въ которомъ все, не подлежащее извѣстнаго рода опыту, какъ Богъ и душа, признается проблеммою, X-омъ; въ этомъ міровоззрѣніи отводится мѣсто только простѣйшему и элементарному по отношенію ко всѣмъ областямъ бытія и знанія, и заявляетъ себя болѣе или менѣе скрытная монистическая тенденція даже къ черезчуръ большому упрощенію — къ сведенію всего на матерію съ ея извѣстными свойствами. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ наукою вообще, а съ наукою особаго рода, проникнутою духомъ во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворитель-

---

[1]) «Schlafen und Wachen sind complementare Gegensatze, sind eng mit einander verknüpft, stehen, wie wir sehen, im Causalzusammehang und können nur in und aus dieser ihrer Verbindung und Gegenseitigkeit erklärt werden—sie sind beide genau denselben Gesetzen unterworfen. Alle Zustande des Schlafes und des Traumlebens lassen sich auf dijenigen Gesetze zurückfuhren, welche auch fur die Erscheinungen der wachenden Seele, als Erklarungsgrunde gelten, und wenn wir dieses Princip bei der Erläuterung der enzelne Phamomene zu Grunde legen, so werden sich alle Eigentumlichkeiten des Traumlebens befriedigend erklaren lassen;—es wird sich zeigen, dass sie alle einestheils in genauer Verbindung mit einander, anderstheils mit dem Zustande des Wachens stehen, und dass sie in ihrer Zusammenfassung nur eine andre Seite genau derselben Lebensäusserungen bilden, die auch das Wacheh ausmachen» — *Spitta* «Schlaf und Traumzustände» (p. p. 94—95).

ной матеріалистической метафизики. Тѣмъ не менѣе этотъ отдѣльный лагерь въ наукѣ. временное и, до извѣстной степени, мѣстное (Европа и Америка) явленіе въ ней выдаютъ себя за науку. О способахъ, какими „наука“ объясняетъ пророческіе сны. мы будемъ подробно писать послѣ. а теперь представимъ обозрѣніе онирологической литературы третьей группы теорій.

Изъ нѣмецкихъ сочиненій въ этомъ отношеніи извѣстны *Штрюмпеля* „Природа и происхожденіе сновъ“, *Шпитта* „Сонъ и сноподобныя состоянія человѣческой души“, *Радстока* „Сонъ и сновидѣнія“, *Гисслера* „Изъ глубинъ сонной жизни. Психологическое изслѣдованіе на основаніи тщательныхъ наблюденій“; изъ французскихъ *Мори* „Сонъ и сновидѣнія“ (есть и русскій переводъ). *Либо* „О снѣ и аналогическихъ состояніяхъ“, *Макса Симона*„ Міръ грезъ“ (а не „сновидѣній“, какъ переведено русскимъ референтомъ въ „Русск. Вѣдом“. 1890 №№ 74-75); изъ англійскихъ *Макнича* „Философія сна“, *Дж. Аберкромби* „Изслѣдованіе о познавательныхъ способностяхъ и познаніи истины“; изъ русскихъ хорошимъ отраженіемъ идей поименованныхъ авторовъ можетъ быть названа актовая рѣчь въ Нѣжинскомъ Историко-филологическомъ Институтѣ кн. Безбородко *Н. Грота* (изд. и отдѣльно): „Сновидѣнія, какъ предметъ научнаго анализа“ 1878 г.[1]). Этими сочиненіями въ достаточной полнотѣ исчерпывается „научное воззрѣніе“ на пророческіе сны[2]).

---

[1]) См. отзывъ у *Radestock'a* въ его «Schlaf und Traum», примѣчаніе 47-е: «Diese kleine Schrift enlhalt nichts Neues»...

[2]) *Strümpell* «Die Natür und Entstehung der Träume» Leipzig 1874. *Spitta* «Schlaf und Traumzustande der menschlichen Seele» Tubingen 1878.—*Radestock* «Schlaf und Traum» Leipzig 1879 —*Giessler* «Aus den Tiefen des Traumlebens. Eine psychologiche Forschung auf Grumd eingehender Beobachtungen» 1890. Halle-Saale.—*Liébeault.* Le Sommeil et des états analogues considérés surtout au point de vue de l'action du moral sur le phisique» Paris 1866.—*Max.-Simon:* «Le monde des rê-

Изъ разсмотрѣнныхъ здѣсь въ общихъ чертахъ трехъ теорій пророческихъ сновъ сообразно съ задачею своего апологетическаго изслѣдованія преимущественное вниманіе ниже мы должны будемъ удѣлить третьей теоріи: что касается первыхъ двухъ, то въ наши задачи не входитъ отдѣльное ихъ разсмотрѣніе. Если же и потребовалась бы установка въ читателяхъ общаго опредѣленнаго отношенія къ нимъ, то это сдѣлать удобнѣе сейчасъ же.

Для насъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что полное и совершенно удовлетворительное объясненіе пророческихъ сновъ не можетъ заключаться въ какой либо изъ трехъ теорій въ отдѣльности, но оно заключается во всѣхъ нихъ, взятыхъ вмѣстѣ. Греки Гомеровскаго цикла впадали, конечно, въ грубую ошибку, всѣ сны безразлично приписывая сверхъестественнымъ причинамъ, равно какъ объясненіе сновъ одними магическими силами души, или же основными законами всѣхъ обычныхъ душевныхъ явленій было бы не меньшею несообразностью. Иное въ сновидѣніяхъ можетъ быть объяснено по указанію религіознаго воззрѣнія, другое—метафизическаго, третье—научнаго. Само собою разумѣется, что тѣ случаи, когда такъ называемые пророческіе сны поддавались бы естественно-научному психологическому объясненію, относимы могутъ быть собственно къ такимъ снамъ, которые, правда, можно назвать необыкновенными, но никакъ не пророческими. Возможно тщательное разграниченіе сновъ подобнаго рода и пророческихъ, при этомъ надо замѣтить, мы считаемъ дѣломъ важнымъ въ интересахъ самой истины: смѣшеніе естественнаго

---

ves». Paris 1888—*Abererombie*: «Inquiries concerning the intellectual Powers and the Investigation of Truth». 19-th ed. London 1871.—*Macnish*, «Philosophy of Sleep».—Не считаемъ нужнымъ упоминать, какъ о рабскихъ компиляціяхъ, о мелкихъ статьяхъ, появлявшихся въ свѣтскихъ періодическихъ изданіяхъ.

и сверхъестественнаго здѣсь, какъ и вездѣ, не полезно, а даже вредно для нея. Мы видимъ, какъ часто вредятъ ей усердные любители и собиратели всего загадочнаго и таинственнаго, выдавая естественно-объяснимые сны за нѣчто сверхъестественное и давая этимъ оружіе противъ уже самаго принципа своего воззрѣнія представителямъ научнаго воззрѣнія. Но провести здѣсь безспорно-вѣрную границу, какъ впослѣдствіи увидимъ, есть дѣло чрезвычайно трудное.

Остается сказать нѣсколько словъ о планѣ, которому мы будемъ слѣдовать въ своемъ сочиненіи. Такъ какъ пророческія сновидѣнія вполнѣ могутъ быть поняты только подъ условіемъ предварительнаго пониманія психологической природы сновидѣній вообще, то прежде, слѣдовательно, должно быть изложено ученіе психологіи о сновидѣніяхъ (ихъ происхожденіи, сущности и т. п.), а такъ какъ нѣтъ сновидѣній безъ сна и поэтому для ихъ полнаго пониманія требуется разсматривать ихъ въ связи съ психо-физическимъ состояніемъ сна, то отсюда 1-я глава сочиненія „Сонъ и сновидѣнія“ представляется въ немъ совершенно необходимою. Вторая глава: „Магическія способности души и ихъ возбужденіе во снѣ“ предназначается спеціально для психологическаго изъясненія занимающей насъ группы необыкновенныхъ пророческихъ сновъ. Третья глава „Міръ необыкновенныхъ сновидѣній“ будетъ посвящена разграниченію пророческихъ и аналогичныхъ съ ними другихъ необыкновенныхъ сновъ, необходимость котораго сейчасъ только объяснена.

Послѣ изложенія общаго положительнаго воззрѣнія на пророческіе сны мы получаемъ возможность продолжать раскрытіе своего ученія обычнымъ во всякихъ научныхъ работахъ историческимъ и историко-критическимъ методомъ. Въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ, конечно, должно стоять древнѣйшее и имѣющее положительный авторитетъ въ вопросѣ о пророческихъ снахъ ученіе; а таково именно

есть „Библейское ученіе о пророческихъ снахъ“—глава IV. Далѣе въ хронологическомъ порядкѣ и по своей важности слѣдуетъ воззрѣніе на пророческіе сны въ древнемъ классическомъ мірѣ, весьма богатомъ идеями и спеціальными изслѣдованіями по занимающему насъ вопросу: такъ что глава V „Вѣра древнихъ въ пророческіе сны“ является необходимою для полноты изслѣдованія. Прямо перейти къ изложенію и разбору новаго и новѣйшаго научнаго воззрѣнія на пророческіе сны мы рѣшительно не можемъ безъ ущерба не только полноты, но и исторической точности изслѣдованія и его ясности: новое научное воззрѣніе имѣетъ себѣ предшественниковъ въ древнемъ классическомъ мірѣ, особенно въ лицѣ Аристотеля и Цицерона, и стоитъ съ ними въ такой близкой генеалогической связи, что въ интересахъ лучшей его оцѣнки V глава является въ нашемъ сочиненіи положительно необходимой. Сочиненіе заканчиваетъ VI глава, составляющая собственно его послѣднюю цѣль,—„Вѣра въ сны предъ судомъ науки“.

ГЛ. I. СОНЪ И СНОВИДѢНІЯ.

Jacet corpus dormientis, ut mortui, viget autem et vivit animus.

Cicer. „De divinatione“ lb I c. XXX p. 63.

Cum quies corporibus evenit, vacans (anima) a solatio alieno non quiescit, et si caret opera membrorum corporalium, suis utitur.

Tertull „De anima“ XLV.

„Я сплю, а сердце мое бодрствуетъ“.

Пѣснь Пѣсней. V, 2.

Всякій проводитъ во снѣ, по крайней мѣрѣ, треть своей жизни, и однако для науки сонъ остается явленіемъ загадочнымъ по своему происхожденію и въ своей сущности, допускающимъ болѣе предположенія, разной степени вѣроятности, чѣмъ твердыя и несомнѣнныя положенія. Сонъ, такимъ образомъ, среди другихъ самыхъ обычныхъ и, повидимому, самыхъ простыхъ явленій изъ ближайшей къ намъ области ихъ наиболѣе всѣхъ способенъ представить разительное доказательство ограниченности разума человѣческаго; это одно изъ тѣхъ явленій, которое, при добросовѣстномъ и серіозномъ отношеніи къ нему, особенно способно смирять умъ человѣческій, показывая ему, какъ человѣкъ мало знаетъ даже самыя обычныя и ближайшія къ нему явленія и предметы природы.

Особенно затруднительнымъ представляется рѣшеніе вопроса о происхожденіи или причинахъ сна. Въ этомъ отношеніи существующее разнообразіе объясненій, очень часто противорѣчивыхъ, само по себѣ свидѣтельствуетъ,

если не о совершенной неразрѣшимости вопроса, то о чрезвычайной трудности его рѣшенія, граничащей съ невозможностью. Одни видятъ причину сна въ самой душѣ, другіе — въ тѣлѣ; по однимъ сонъ вызывается утомленіемъ души и потребностью для нея временнаго отдыха [1]), по другимъ — усталостью тѣла и потребностью возстановленія въ немъ силъ, растраченныхъ мускульною и духовною работою въ продолженіе дня. Въ частности одни указываютъ причину сна въ *гипереміи* мозга (переполненіе кровеносныхъ сосудовъ мозга кровью), другіе, напротивъ, въ *анеміи* (т. е. въ недостаткѣ крови), указывая въ данномъ случаѣ, конечно, не столько на причины, сколько, можетъ быть, на слѣдствія сна, сопутствующія ему явленія въ организмѣ. Объясняется, далѣе, происхожденіе сна израсходованіемъ кислорода, содержащагося въ крови, отложеніемъ въ ней продуктовъ химическаго разложенія (der Ermüdungsstoff), а по *Аристотелю* [2]) μάλιστα γίγνονται ὕπνοι ἀπὸ τῆς τροφῆς· αἵθρόον γὰρ πολὺ τότε ὑγρὸν καὶ τὸ σωματῶδες ἀναφέρεται ἱστάμενον μὲν οὖν βαρύνει καὶ ποιεῖ νυκτάζειν· ὅταν δὲ ῥέψῃ κάτω καὶ ἀντιστρέψαν ἀπώσῃ τὸ θερμόν, τότε γίνεται ὁ ὕπνος καὶ τὸ ζῷον καθεύδει. Σημεῖον δὲ τούτων καὶ τὰ ὑπνοτικὰ Πάντα γαρ καρηβαρίαν ποιεῖ, καὶ τὰ βρωτὰ, καὶ τὰ ποτὰ, μήκων, μανδραγόρας, οἶνος. αἶραι. Καὶ καταφερόμενοι καὶ νυκτάζοντες τοῦτο δοκοῦσι πάσχειν, καὶ ἀδυνατοῦσι αἴρειν τὴν κεφαλὴν καὶ τὰ βλέφαρα. Καὶ μετὰ τὰ σῖτα μάλιστα τοιοῦτος. ὁ ὕπνος· ἔτι δ' ἐκ κοπων ἐνίων· ὁ μὲν γὰρ κόπος συντηκτικόν, τὸ δὲ σύντηγμα γίνεται, ὥσπερ τροφὴ ἄπεπτος, ἂν μὴ ψυχρὸνῇ. Оспаривая его, *Гиппократъ* и *Галенъ* объясняютъ наступленіе сна отливомъ крови и сосредоточеніемъ ея во внутреннихъ частяхъ организма, т. е. въ желудкѣ и особенно въ сердцѣ, при чемъ Галенъ въ концѣ концовъ искренно сознается, что, въ сущности, причина сна

---

[1]) Прекрасною защитницею этого мнѣнія у насъ выступила въ печати наша ученая соотечественница, хорошо знакомая и въ Европѣ, г-жа *Манассеина* въ статьѣ: «Сонъ, какъ треть человѣч. жизни» въ *Вѣстн. Евр.* 1888, IX—XII кн. Она разсматриваетъ сонъ, какъ слѣдствіе утомленія сознанія.

[2]) «De insomniis» cap. III.

остается неизвѣстною. что слѣдовало бы сдѣлать и всѣмъ нынѣшнимъ ученымъ физіологамъ [1]).

Если наука не въ состояніи отвѣтить намъ на вопросъ о причинахъ сна, то она, повидимому, можетъ разъяснить намъ самую природу сна, показать, что такое сонъ. Но отвѣтъ на послѣдній вопросъ представляется легкимъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, когда изслѣдуютъ въ дѣйствительности сонъ не въ самомъ существѣ его, а въ явленіяхъ, т. е. занимаются описаніемъ его проявленій. Но въ этомъ случаѣ всякій и безъ помощи тонкихъ наблюденій науки знаетъ, что сонъ есть такое психо-физическое состояніе, которое въ психическомъ отношеніи характеризуется ослабленіемъ *міросознанія* (т. е. ослабленіемъ, а не прекращеніемъ дѣятельности органовъ внѣшнихъ чувствъ) и почти всегда полною потерею *самосознанія* и связанныхъ съ нею—воли и разума. направляющихъ явленія психическія, а въ тѣлесномъ отношеніи особеннымъ развитіемъ растительныхъ процессовъ (энергической дѣятельностью симпатической и узловой нервной системы) и прекращеніемъ произвольныхъ движеній, замѣняющихся во снѣ рефлективными. Однимъ словомъ, для наблюденія сонъ есть прекращеніе личности человѣка и превращеніе его какъ въ тѣлесномъ, такъ и въ психическомъ отношеніи въ автомата. Но едва ли такое опредѣленіе сна можетъ удовлетворить любознательность, старающуюся проникнуть далѣе поверхности явленія въ глубь и сущность его.

Болѣе удовлетворительный въ этомъ смыслѣ отвѣтъ можетъ дать лишь та психологическая школа, которая вообще во всѣхъ своихъ построеніяхъ допускаетъ возможность познанія сущности вещей, а не однихъ только ихъ явленій. Такова психологія спиритуалистическая, признаю-

---

[1]) Съ различными объясненіями въ новой наукѣ знакомитъ *Radestock* въ «Schlaf und Traum» (Anhang: die neueren Theorien über die näheren Ursachen des Schlafes, и примѣч. 363—364).

щая въ человѣкѣ два отдѣльныхъ начала,—кромѣ тѣла—и душу, существо относительно независимое отъ тѣла, духовное, т. е. противоположное ему по своимъ свойствамъ, и безсмертное. Рѣшенія этой психологіи для насъ особенно важны: психологія эта вполнѣ согласна съ Богооткровенною библейскою психологіею и вообще Антропологіею или ученіемъ о человѣкѣ. Съ точки зрѣнія спиритуалистической психологіи, идущей далѣе наблюденія и выше видимости явленій сна, вышеписанныхъ, сонъ есть періодическое и неполное прекращеніе или ослабленіе связи между душою и тѣломъ и есть слѣдствіе этого самого ослабленія ихъ связи.

Это понятіе о снѣ не есть понятіе школьное, но общечеловѣческое и такое же древнее, какъ самъ міръ. Въ философіи оно въ первый разъ наибольшее развитіе и законченность получило въ школѣ стоической [1]). Стоя на популярной въ древне-классическомъ мірѣ психологіи съ трехчастнымъ дѣленіемъ человѣка (*духъ*, по нашей терминологіи душа, т е. существо духовное, разумное и богоподобное; *душа* (ψ' χη), т. е. среднее между тѣломъ и духомъ начало, по нынѣшней терминологіи низшія животныя функціи души, т. е. чувствованіе, движеніе и т. п; и *тѣло* съ его растительными процессами), стоики оригинально представляли себѣ это неполное прекращеніе отношеній между душой и тѣломъ во снѣ. Сонъ, по ученію стоика Кратиппа, есть прекращеніе связи не всей души съ тѣломъ, а ея первой богоподобной части, дѣлающейся во снѣ свободною отъ тѣла [2]). Такъ какъ новѣйшая спиритуалистическая психологія за небольшими исключеніями (напр. Шуберта) не

---

[1]) См. Цицерона «De divinatione» lb. I. cap. XXX p. 63. Полное прекращеніе связи души съ тѣломъ бываетъ въ смерти, когда душа omnino corpore excedit.

[2]) У Цицер. De divinatione Ib. I. cap. XXXII, p. 70: по Кратиппу— animos hominum quadam ex parte extrinsecus esse traductos et haustos. Ex quo intelligitur, esse extra divinum animum, humanus unde ducatur

принимаетъ трехчастнаго состава человѣка (что болѣе согласно съ Откровеніемъ въ изъясненіи его Православною Церковью), всѣ функціи въ человѣкѣ, даже чисто органическія или физіологическія приписывая одному и тому же началу *души живой*, то болѣе пригодною формулою для опредѣленія сна должна быть признана простѣйшая вышеприведенная, по которой сонъ есть періодическое ослабленіе связи души съ тѣломъ.

Безъ всякаго сомнѣнія въ этой формулѣ и въ этомъ пониманіи сонъ сближается со смертью. Искони вѣковъ вездѣ и у всѣхъ народовъ и въ поэзіи, и въ священныхъ ихъ религіозныхъ книгахъ, и въ разговорномъ языкѣ сонъ называется роднымъ братомъ, близнецомъ и подобіемъ смерти. Многострадальный Іовъ въ припадкѣ горести, желая себѣ смерти, описываетъ ее, какъ успокоительный, блаженный сонъ: „Для чего не умеръ я? спрашиваетъ онъ. Теперь бы лежалъ я и почивалъ, спалъ бы, и мнѣ было бы покойно“. (Іова III, 11. 13). Самъ Господь нашъ называлъ смерть сномъ: „Лазарь, другъ нашъ, уснулъ, но Я иду разбудить его“. Ученики Его сказали: „Господи, если уснулъ, то выздоровѣетъ“. Іисусъ говорилъ о смерти его, а они думали, что Онъ говоритъ о снѣ обыкновенномъ (Ев. Іо XI, 11—13) [1]). При воскрешеніи дочери Іаира—„сказалъ имъ: выйдите вонъ; ибо не умерла дѣвица, но спитъ. И смѣялись надъ Нимъ“ (Мѳ. IX, 24) [2]). *Тертулліанъ* называетъ сонъ „зрѣлищемъ смерти“ [3]).

---

humani autem animi eam partem, quae sensum, quae motum, quae appetitum habeat, non esse ab actione corporis sejugatam: quae autem pars animi, rationis atque intelligentiae sit particeps, eam tum maxime vigere, quum plurimum absit a corpore.

[1]) Здѣсь замѣчательно, что смерть прямо называется сномъ, только особе н вымъ (ст. 13).

[2]) Ср. Мр. V, 39 и Лк. VIII, 52.

[3]) De anima 50: «Speculum mortis».

Въ литературныхъ памятникахъ древне-классическаго воззрѣнія на сонъ, какъ явленіе сходное со смертью. нѣтъ недостатка. *Гомеръ* поетъ: „ἔνθ' ὕπνῳ ξύμβλητο κασιγνήτῳ θανάτοιο; еще: ὕπνῳ καὶ θανάτῳ διδυμάοσι; или: Καὶ τῷ νήδυμος ὕπνος ἐπὶ βλεφάροισι ἔνιπτεν, Νηγρετος, ἥδιστος, θανάτῳ ἄγχιστα ἐοικώς [1]) *Сенека* замѣчаетъ родственное сходство сна и смерти въ De Senectute 80. Въ особенности описаніе сна Іовомъ напоминаетъ подобное же описаніе *Сократа* у Платона: „Если, говоритъ онъ, мертвые не чувствуютъ, но находятся въ состояніи, подобномъ сну безъ сновидѣній, то смерть была бы пріобрѣтеніемъ. Мнѣ кажется, что, если бы кто-нибудь такой ночи, въ которую онъ уснулъ крѣпкимъ сномъ и безъ сновидѣній, противопоставилъ всѣ прочіе дни и ночи своей жизни и по зрѣломъ обсужденіи сказалъ, сколько онъ пережилъ въ своей жизни лучшихъ и болѣе пріятныхъ дней и ночей, чѣмъ эта; то не только простой смертный, но и самъ царь не нашелъ бы для себя дѣломъ легкимъ насчитать послѣднихъ болѣе, чѣмъ первыхъ“ [2]). Весьма остроумно *Горацій* называетъ смерть продолжительнымъ сномъ (longus somnus) [3]). *Плутархъ* называетъ сонъ „малыми таинствами“ смерти: „Не неприличнымъ кажется мнѣ, гово-

---

[1]) Ilias XIV, 231. XVI, 672, Odyss XIII, 79,—по русски. «тамъ нашла она сонъ, роднаго брата смерти».—«Сну и смерти, близнецамъ». См. также: Od XIII, 80 и Il. XI, 241

[2]) Подл. въ Apolog. Socrat. 40 καὶ εἴτε δὴ μηδεμία αἴσθησίς ἐστιν, ἀλλ' οἷον ὕπνος, ἐπειδάν τις καθεύδων μηδ' ὄναρ μηδὲν ὁρᾷ, θαυμάσιον κέρδος ἂν εἴη ὁ θάνατος ἐγὼ γὰρ ἂν οἶμαι, εἴ τινα ἐκλέξαμενον δέοι ταύτην τὴν νύκτα ἐν ᾗ οὕτω κατέδαρθεν, ὥστε μηδὲ ὄναρ ἰδεῖν, καὶ τας ἄλλας νύκτας τε καὶ ἡμέρας τὰς τοῦ βίου τοῦ ἑαυτοῦ ἀντιπαραθέντα ταύτῃ τῇ νυκτὶ δέοι σκεψάμενον εἰπεῖν ὁπόσας ἄμεινον καὶ ἥδιον ἡμέρας ταύτης τῆς νυκτὸς βεβιωκεν ἐν τῷ ἑαυτοῦ βίῳ, οἶμαι ἂν μὴ ὅτι ἰδιώτην τινὰ, ἀλλὰ τὸν μέγαν βασιλέα, ἐυαριθμήτους ἂν ευρεῖν αὐτὸν ταύτας πρὸς τὰς ἄλλας ἡμέρας καὶ νύκτας.

[3]) Horat. Od III, 11, 38; Sil. V, 530.

ритъ онъ, изреченіе того, который назвалъ сонъ „малыми таинствами“ смерти [1]), ибо сонъ, дѣйствительно есть предосвященіе смерти (или предварительное посвященіе въ смерть προμύησις) [2]).—Дѣйствительно, между сномъ и смертью есть глубокое внутреннее, а не внѣшнее только сходство, конечно—при различіяхъ. Внѣшнее сходство спящаго съ мертвымъ всякому сразу бросается въ глаза: та же неподвижность, тѣ же оцѣпенѣвшіе взоры и опущенныя вѣки, та же безчувственность, разумѣется—относительныя, а не полныя во снѣ. На этомъ основаніи *Макинчъ* опредѣляетъ сонъ, какъ среднее состояніе между бодрствованіемъ и смертью [3]). Наполеону I поклонники его приписываютъ среди многихъ неудачныхъ изреченій (каково въ особенности избитое „отъ великаго“ etc) одно довольно удачное изреченіе о снѣ, по которому сонъ тѣмъ отличается отъ смерти, что въ немъ прекращаются функціи организма, независящія отъ воли, т. е. всѣ растительные процессы, какъ дыханіе, пищевареніе, кровообращеніе и т. п. (эта независимость, конечно, относительная), а смерть есть прекращеніе въ человѣкѣ и такихъ функцій, которыя зависятъ отъ его воли, слѣдовательно—всѣхъ отправленій, а не нѣкоторыхъ.

Но гораздо важнѣе и существеннѣе внутреннее сходство между сномъ и смертью. Сходство ихъ въ томъ, что та связь или тотъ союзъ, который соединяетъ тѣло и душу въ

---

[1]) Малыя таинства или мистеріи у грековъ предшествовали великимъ элевзинскимъ такимъ образомъ, что они были по отношенію къ нимъ какъ бы первопосвященіемъ, необходимымъ для участія въ элевзин. таинствахъ.

[2]) Plut. De consol. ad. Apoll. 12: οὐκ ἀμούσως δ' ἔδοξεν ἀποφήνασθαι, εἰπὼν τὸν ὕπνον τὰ μικρὰ τοῦ θανάτου μυστήρια. Προμύησις γὰρ οὕτως ἐστὶ τοῦ θανάτου ὁ ὕπνος.

[3]) Macnish *Philosophy of Sleep* p. 9: Sleep is the intermediate state between wakefulness and death: wakefulness regarded as the active state of all the animal and intellectual functions, and death as that of their total suspension.

одно живое существо, становятся недѣйствительными. Различіе, главнымъ образомъ, заключается въ степени ослабленія этого союза: во снѣ онъ уменьшается, а въ смерти совершенно прекращается. Кромѣ того, Шубертъ указываетъ еще и на другое отличіе: „То, что разъединяетъ душу и тѣло, есть одно во снѣ, и совсѣмъ другое въ смерти. Во снѣ причиною раздѣленія является тѣло, которое отвлекается отъ живущей въ немъ души тяготѣніемъ къ родственной ему тѣлесности (Leiblichkeit), а душа, владѣющая большею силою, чѣмъ притяженіе этого вещественнаго міра, съ теченіемъ времени снова подчиняетъ себѣ тѣло. Въ смерти, напротивъ, душа отвлекается отъ тѣла силою родственнаго ей духовнаго міра, а тѣло не настолько сильно, чтобы могло возвратить въ покинутое жилище свою, оставившую его подругу и повелительницу—душу [1]).

Разсматриваемый съ этой спиритуалистической точки зрѣнія, какъ нѣкоторое отлученіе души отъ тѣла, сонъ имѣетъ аналогичное себѣ явленіе не только въ смерти, но и другихъ ненормальныхъ, патологическихъ состояніяхъ, подобно сну и смерти характеризующихся нарушеніемъ нормальной гармоніи души и тѣла, какъ экстазъ, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ и т. п. Сходство сна со всѣми этими явленіями давно уже сдѣлалось общимъ мѣстомъ и въ наукѣ и лежитъ въ основаніи всѣхъ выдающихся изслѣдованій о снѣ и подоб-

---

[1]) Schubert *Geschichte der Seele* B. I, s. 339. Здѣсь мы видимъ метафизическую попытку объяснить происхожденіе сна мистическою гипотезою взаимнаго притяженія родственныхъ стихій, едва ли оправдываемою фактами, да и не вполнѣ согласною съ откровеніемъ, такъ какъ смерть здѣсь представлялась бы явленіемъ нормальнымъ. Дѣйствительною же и видимою причиною сна, кажется, надо признать утомленіе тѣла, перестающаго быть годнымъ орудіемъ духа безъ надлежащаго возстановленія утраченныхъ силъ. Конечно, феноменъ сна и при этомъ не перестаетъ быть загадкою: можно спросить, почему бы этому возстановленію не совершаться безъ сна при постоянно совершающемся въ организмѣ обмѣнѣ веществъ?

ныхъ ему психическихъ явленіяхъ, какъ сочиненія Мори, Либо, Кабаниса, Менъ-де-Бирана и др. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ наука и метафизика совершенно совпадаетъ. Но далѣе онѣ разойдутся [1]).

Своимъ воззрѣніемъ на сонъ, какъ отлученіе души или неполное ея освобожденіе отъ тѣла, спиритуалистическая психологія естественно создаетъ вопросъ, котораго не ставитъ и не можетъ ставить научная эмпирическая психологія,—вопросъ о характерѣ психической жизни души въ ея независимости отъ тѣла или о состояніи души во снѣ.

Нѣтъ нужды говорить, что такое независимое существованіе души отъ тѣла съ точки зрѣнія спиритуалистической психологіи представляется вполнѣ возможнымъ; но вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, каково это состояніе ея въ отличіе отъ бодрственнаго?

Безъ всякаго сомнѣнія, душевная жизнь должна принять въ этомъ состояніи свободы души отъ тѣла особенный характеръ и направленіе, отличные отъ бодрственной. Удаляясь отъ тѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ чувственнаго міра, открывающагося ей чрезъ посредство тѣла, душа какъ бы входитъ или заключается, съ одной стороны, въ саму себя, погружается въ свои собственныя глубины, съ другой стороны, она дѣлается способною стать въ болѣе близкія отно-

---

[1]) Къ вопросу о сходствѣ сна съ патологическими явленіями см. прекрасный трактатъ у Maury *Le Sommeil et les rêves* въ chp. VI (Des analogies du rêve et de l'alienation mentale); а также у *Radestocka* Op. ctt. cap. IX (Vergleichung des Traumes mit dem Wahnsinn). Сходство между сномъ и экстазомъ въ древности подмѣчено и указано еще александр. философомъ *Филономъ* въ in Genes. 17, s. ed. Ancher: Somnus in se proprie ecstasis est, non ea, quae proprior est amentiae (μανία), sed secundum sensum solutionem absentiamque consilii (λογισμοῦ). Tunc enim sensus recedunt a sensibilibus, et intellectus abest a sensibus, non roborans nervos eorum neque praestans motum illis.

шенія къ родственному ей высшему духовному міру. Когда, скажемъ словами Шуберта, въ нашей мѣстности мракъ покрываетъ землю, то это не значитъ, что солнце покинуло ее навсегда, но только что день со своимъ свѣтомъ перешелъ на другую сторону—туда, по ту сторону моря, гдѣ цвѣтутъ пальмы; точно также и душа въ то время, когда сонъ погружаетъ во мракъ ея тѣло, становится ближе къ той области, откуда она получила свое начало... Ею управляютъ и играютъ, во время ночи тѣла, свѣтила и силы высокаго и далекаго звѣзднаго неба, а душа отдается во власть ихъ подобно тому, какъ она, покоясь въ нѣдрахъ матери, отдается во власть дѣйствующихъ тамъ жизненныхъ силъ, пока не получитъ своего тѣла. И во снѣ душа приводится въ движеніе высшимъ роднымъ ей міромъ духовнымъ подобно тому, какъ плодъ во чревѣ матери движется вмѣстѣ съ ея движеніями [1]). Въ погруженіи души въ саму себя во время сна и въ ея близости съ высшимъ духовнымъ міромъ заключается источникъ своеобразности ея состоянія во снѣ въ отличіе отъ бодрственнаго состоянія. Какъ мы уже раньше видѣли, знакомя во введеніи читателей съ сочиненіемъ нѣм. богослова Шплиттгербера, состояніе души во снѣ разсматривается, какъ чистѣйшее и болѣе полное выраженіе и раскрытіе природы души вслѣдствіе ея отдѣленія отъ тѣла: въ ней могутъ во снѣ развиваться и раскрываться такія стороны, свойства или способности, какія въ бодрственномъ состояніи или совсѣмъ отсутствуютъ, или едва замѣтны; во снѣ душа поэтому живетъ своею особенною жизнью и слѣдуетъ своимъ собственнымъ законамъ, отчасти познаваемымъ и недѣйствующимъ въ ея бодрственномъ состояіи [2]). Въ зависимости отъ этого от-

---

[1]) *Schubert* Op. cit. B. I, 351, 352.

[2]) Изслѣдованіе особенностей состоянія души во снѣ всегда представляло и представляетъ спеціальный интересъ въ богословіи и метафизикѣ для рѣшенія вопроса о загробномъ состояніи душъ умершихъ съ психологической стороны: образ-

части, а съ другой стороны отъ большей близости къ высшему духовному міру естественно должно допустить нѣкоторое приподнятіе духовной жизни во снѣ, повышеніе душевной дѣятельности и наибольшую энергію въ дѣятельности ея силъ и способностей [1]). Для спиритуалистической школы отсюда возникаетъ новый вопросъ, едва затрогиваемый, съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, въ „научной психологіи“: въ какомъ состояніи душа наша выше,—въ сонномъ или бодрственномъ? Единодушія въ отвѣтахъ на этотъ вопросъ мы не замѣчаемъ, но если бы въ отвѣтахъ на него исходили изъ общаго понятія объ истинномъ достоинствѣ человѣка, то оно было бы,—и именно всѣ должны были бы согласиться съ Шубертомъ и его учениками. Въ бодрствованіи человѣкъ – разумная личность, обладаетъ всѣми своими человѣческими свойствами: самосознаніемъ, разумомъ и свободою. Бодрствованіе поэтому, скажемъ словамъ одного изъ нашихъ (не рабскихъ) учениковъ Шуберта, имѣвшаго въ свое время вліяніе у насъ, „есть наше нормальное состояніе. Только въ бдѣніи мы, собственно, люди“ [2]). Тѣмъ не менѣе, въ другой постановкѣ, и научная психологія вынуждается войти въ изслѣдованіе особенностей психологическаго состоянія души во снѣ всѣми наблюдаемымъ фактомъ повышенія или *потенцированія* (терминологія научная, ничего не

цомъ загробнаго состоянія душъ принимается состояніе ея во снѣ, не безъ основанія, какъ видѣли, и въ откровеніи считающемся подобіемъ смерти. Этимъ пріемомъ, между прочимъ, пытается въ своихъ богословскихъ лекціяхъ пролить свѣтъ на загробное состояніе души бывшій профессоромъ Кіев. Дух. Академіи арх. Херсонскій *Иннокентій* (Борисовъ). (См. въ Сборникѣ лекцій бывшихъ проф. К. Д. А. стр. 183 и д.).

[1]) Въ этомъ отношеніи нѣкоторые заходятъ уже слишкомъ далеко, такъ *Fortlage* находитъ возможность выразиться: nur insofern wir slhlafen, leben; sobald wir erwachen, fangen wir an zu sterben.

[2]) *Авсеневъ*, впослѣдствіи *арх. Θеофанъ* въ своихъ академич. лекціяхъ по психологіи цтв. стр. 156, 158.

прибавляющая) душевныхъ способностей во снѣ. Потенцированіе способностей души во снѣ во всякомъ случаѣ признается и констатируется наукою, хотя и объясняется иначе, чѣмъ въ спиритуалистической психологіи.

Въ виду той важности, какую имѣетъ для дальнѣйшаго изслѣдованія фактъ усиленія душевныхъ способностей во снѣ, мы должны остановиться нѣсколько времени на немъ.

Во снѣ увеличивается интенсивность нѣкоторыхъ психическихъ отправленій, напр. внутреннихъ органическихъ ощущеній, фантазіи, памяти и, какъ принимается это очень многими психологами, мышленія или, по выраженію *Грота*, „дедуктивной работы ума“ (способности къ вѣрнымъ заключеніямъ) [1]).

Усиленіе фантазіи во снѣ представляется вполнѣ понятнымъ и не требующимъ объясненія явленіемъ: сущность этой способности заключается въ свободномъ и независимомъ отъ контроля воли и разсудка комбинированіи представленій по собственнымъ ея законамъ; во снѣ же, какъ знаемъ, этотъ стѣснительный для нея контроль воли и разсудка прекращается. Усиленіе памяти и органическаго чувства, конечно, требуетъ объясненія. Что касается усиленія мышленія во снѣ, то оно представляется сомнительнымъ и допускается по какому-то недоразумѣнію. Мышленія, какъ систематической и управляемой волею дѣятельности сознанія, во снѣ быть не можетъ, потому что въ спящемъ нѣтъ воли. Въ противорѣчіи съ понятіемъ о мышленіи наука въ данномъ случаѣ вынуждается принять гипотезу „безсознательнаго мышленія“, очень въ ней распространенную, въ особенности со времени Гартмановой „Философіи Безсознательнаго“ съ ея безсознательнымъ представленіемъ, (которое, кстати сказать, такъ же трудно представить, какъ безсознательную волю Шопенгауера). Въ нашей онироло-

---

[1]) *Гротъ* «Сновидѣнія, какъ предметъ научнаго анализа» стр. 60.

гической литературѣ гипотезы „безсознательнаго мышленія“ держатся при объясненіи сновидѣній Мори, Максъ-Симонъ, Либо и др. [1]); а потому необходимо опредѣлить къ ней свои отношенія. Вопросъ вообще о безсознательной психической жизни есть одинъ изъ самыхъ трудныхъ, хотя и интереснѣйшихъ вопросовъ, разрабатываемыхъ современною психологіею, требующій спеціальныхъ изслѣдованій, уже и имѣющихся. Тѣмъ не менѣе сдѣлать, что можемъ, мы должны.

Современная психологія усвоила прекрасную, глубокую идею, говорящую какъ уму, такъ и сердцу, о безпредѣльности области психическихъ явленій, далеко неисчерпываемой и непокрываемой *сознательными* актами и состояніями. Скажемъ словами спеціалиста въ этомъ вопросѣ: „Изслѣдованіе различныхъ фактовъ сознательной психической жизни ведетъ насъ къ признанію существованія за ними безконечнаго числа другихъ такихъ же психическихъ фактовъ, ускользающихъ отъ сознанія. Жизнь духа не умѣщается въ тѣсныхъ предѣлахъ того, что намъ является въ данный моментъ. Мое *я* знаетъ лишь незначительную часть ея“ [2]). Это выводъ изъ обстоятельнаго изслѣдованія всѣхъ облас-

[1]) *Maury* Op ct. 38 допускаетъ мышленіе, какъ «mouvement inconsciente du cerveau».—*Max-Simon* Le monde des rêves p. 69 f. Принимаетъ «celebration inconsciente», «l'activité inconsciente du cerveau», «jugement inconsciemment élaboré» для объясненія такъ называемаго предчувствія. «Il ne répugne, en effet, en rien à la rigeur scientefique d' admettre que certains jugements reposant sur des notions insciemment acquises se forment, s' élaborent dans les profondeurs de la trame célébrale, dont la conclusion seule arrive au sensorium, et ces jugements tout faits dont nous ne voyons ni les prémices, ni l'enchainement, dont nous ne percevons que le résultat final, nous apparaissent, comme des intuitions et ont une apparence en quelque sort surnatnrelle» p. 69. Le pressentiment n'est autre chose que le résultat du jugement insconsciemment élaboré et reposant sur des donneés que nous avons acquises d'un façon également inconsciente». p. 70.

[1]) *Edm Colsenet* «La vie inconsciente de l'esprit». Paris 1880 p. 267.

тей психической жизни, за исключеніемъ только мышленія. Это исключеніе въ данномъ случаѣ представляется имѣющимъ значеніе. Почему авторъ изъ поля своихъ изслѣдованій исключилъ одну только познавательную дѣятельность мышленія? Вѣроятно, онъ не хотѣлъ впадать въ ту ошибку, въ которую невольно впадаютъ защитники „безсознательнаго знанія или мышленія", что есть contradictio in adjecto. Не безъ значенія въ данномъ случаѣ и тотъ фактъ, что даже сочувствующіе философіи Гартмана писатели съ оговорками и осторожностью принимаютъ его психологическія идеи, въ частности понятіе о безсознательномъ мышленіи [1]).

Намъ кажется, что гипотеза „безсознательнаго мышленія" въ современной психологіи пріобрѣтаетъ все большую и большую распространенность благодаря нѣкоторому невниманію психологовъ къ познавательной роли и дѣятельности воображенія, носящихъ какъ разъ именно тотъ характеръ, какой приписывается измышленному „безсознательному мышленію" (безсознательность, автоматичность, оригинальность и проч.) Такъ поступаетъ именно *Кольсне*, относя къ дѣятельности воображенія то, что другіе относятъ къ невозможному безсознательному мышленію [2]). Впрочемъ, спорадически и мимоходомъ мысль о громадномъ значеніи воображенія въ познавательной дѣятельности, и именно

---

[1]) См. *Flemming* «Zur Klärung des Begriffs der unbewussten Seelenthatigkeit. Eine plychologische Studie». Berlin 1877; *A Koch* «Vom Bewusstsein in Zustanden sog Bewusstlosigkeit». Vortrag Stuttgart 1877.

[2]) Отсылаемъ къ chp. III, стр. 95—116 сочиненія Colsenet. — *Giessler* точно также склоняется къ отрицанію мышленія во снѣ, тщательнымъ анализомъ въ цѣлой главѣ доказывая, что о логическ. мышленіи во снѣ въ строгомъ смыслѣ слова не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ самыя существенныя логическія функціи мышленія во снѣ или отсутствуютъ, или видоизмѣняются; выводъ: «von einer logichen Thätigkeit im hochsten Sinne des Wortes im Traume

въ наукѣ высказывалась и высказывается всегда; есть и спеціальныя сочиненія, проводящія эту идею [1]).

Итакъ, безъ всякаго ущерба напротивъ—съ выгодою для науки психологіи мы отказываемся признавать существованіе безсознательнаго мышленія вообще и проявленія его во снѣ въ частности, и относимъ къ воображенію то, что приписываютъ несуществующей дѣятельности психической (безсознательному мышленію).

Объясненіе потенцированія всѣхъ душевныхъ способностей во снѣ дается психологами довольно согласное; но въ особенности спеціальное объясненіе этого явленія мы находимъ у *Либб.*

Одно изъ общихъ условій интенсивности всякой психической дѣятельности заключается въ *односторонности* и *сосредоточенности* психическаго акта, т. е. чѣмъ болѣе затрачивается сознанія для какого-либо одного акта и чѣмъ менѣе оно расходуется въ то же самое время на другіе или отвлекается въ другую сторону, тѣмъ успѣшнѣе совершается этотъ актъ: музыкантъ лучше играетъ, когда, усвоивъ технику, можетъ все вниманіе свое направить на внутреннюю сторону выполненія акта, ученый лучше работаетъ всецѣло погрузившись въ свои мысли и ничѣмъ посторонним не развлекаемый .. Въ такомъ именно благопріятномъ условіи находится не прекращающаяся во снѣ дѣятельность сознанія (дѣятельность сознанія во снѣ объясняется въ психо-физіологической школѣ нашего времени неполнымъ засыпаніемъ органа сознательной психической дѣятельно-

---

nicht die Rede sein kann. da die Traumphantasmen vorzugweise durch Phantasiethätigkeit hervorgerufen werden und letztere bekanntlich der Begrifflichen Elementen entbehrt». *(Aus den Tiefen des Traumlebens*, гл. XIII, стр. 144).

[1]) Напр. *Тиндалля* «Воображеніе, какъ орудіе научнаго изслѣдованія» (Р. Вѣст. 1870); *Бокля* «Вліяніе женщины на успѣхи знанія».

сти, головного мозга): не отвлекаемое дѣятельностью внѣшнихъ чувствъ въ сторону внѣшняго міра, оно вслѣдствіе этого сосредоточивается въ центральномъ органѣ психической жизни, т. е. головномъ мозгѣ и пріобрѣтаетъ въ этомъ состояніи сосредоточенности d'accumulation (или de condensation, de concentration по Либб) необыкновенную силу: теперь едва замѣтныя въ обыкновенномъ состояніи сознанія движенія и возбужденія незаснувшихъ частей мозга, всѣ слѣды его бодрственной жизни, всѣ celebrations сознаются съ необыкновенною силою Отсюда легко объясняется усиленіе всѣхъ психическихъ отправленій во снѣ: они суть les éffets d'attention accumulée. Такъ очевидно въ силу закона сосредоточенности вниманія должна увеличиваться способность репродукціи или памяти во снѣ, когда вниманіе направлено на слѣды мозговые [1]). Оживленію памяти подъ дѣйствіемъ attention accumulée Либб посвящаетъ три главы своего сочиненія (IV—V, VII). Въ VI гл. онъ разсматриваетъ éffets de l'attention accumulée sur les fonctions intellectuelles. Такъ какъ по мнѣнію Л, „сила мысли пропорціональна ея сосредоточенности“ [2]), а сознаніе во снѣ именно находится en état de concentration. то „интеллектуальныя функціи“ во снѣ должны настолько усилиться, что les facultés intellectuelles, dont la cause est l'attention s' exerçant sur des idées mémorielles, ces facultés sont plus développées dans le sommeil... que pen-

---

[1]) *Liébeault* 89—90... L'attention, cause de la sensation, réelle des objets, 'etant cusceptible, accumulée, de rendre celle ci plus vive lors de sa formation à l'aide des sens, elle doit, dans la même condition, avoir necessairement la même propriété sur les idée-images du foyer seulement memorial et recréer avec ces idées, la sensation, non seulement comme si l'objet en etait présent, mais encore revifier des traces de souvenirs paraissant effaçés depuis longtemps

[2]) *Liébeault* p. 36.

dant la veille [1]). Помимо Либб объясняютъ потенцированіе мышленія во снѣ также и другіе этимъ же способомъ, напр, Мори и Карпентеръ [2]).

Въ главѣ VII авторъ разсматриваетъ дѣйствіе усиливающаго психическія отправленія фактора на органическія функціи большаго симпатическаго нерва, какъ дыханіе, пищевареніе и пр, что ему понадобится впослѣдствіи для объясненія нѣкоторыхъ необыкновенныхъ сновъ.

Съ представленной здѣсь гипотезой трудно согласиться, но входить въ разборъ ея здѣсь было бы неумѣстно. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ вся сила заключается не въ объясненіи факта, а въ его признаніи. Въ этомъ отношеніи наука вполнѣ совпадаетъ съ спиритуалистическою философіею. Если она въ лицѣ своихъ выдающихся представителей выставляетъ положеніе, что „интеллектуальныя способности во снѣ болѣе развиты, чѣмъ въ бодрствованіи", то, думается, всякій въ правѣ будетъ формулировать конечный итогъ всѣхъ разсужденій о потенцированіи душевныхъ способностей во снѣ такъ: *во снѣ душа знаетъ больше, чѣмъ на яву*. Вотъ выводъ, къ которому приходитъ наука, и его надо запомнить. Для полноты истины къ этому слѣдовало бы еще прибавить, что душа во снѣ знаетъ не только *больше*, но и *иначе*, чѣмъ на яву. Но говоря такъ, приходится забѣгать впередъ.

---

[1]) *Liébeault* p. 130.

[2]) *Maury* p.: La concentration de la pensée sur un sujet, l'ecart de toute cause de distraction, ne feront que favoriser pendant le sommeil les operations de l'intelligence. *Carpenter* «Principles of mental physiology" 4-th Ed. London 1876, p. 587. Limitation of the cerebral action to one set of impressions gives to these as in the state of attention, an unusual potency, so that from this action ideas are evolved, whish would not have suggested themselves through the consciousness. Эту теорію у насъ усвоиваетъ г. Гротъ стр. 33 f.

Однимъ изъ существенныхъ пунктовъ въ ученіи о снѣ, конечно, слѣдуетъ признать вопросъ о его значеніи въ духовно-тѣлесной жизни человѣка Наука имѣетъ въ виду преимущественно біологическое значеніе сна въ экономіи нашего организма: онъ нуженъ для возстановленія растраченнаго въ продолженіи дня запаса сенсорно-моторной энергіи нервной системы [1]). Но сонъ имѣетъ болѣе высокое, именно непосредственно-духовное значеніе въ нашей жизни Не одна плоть, но и безсмертный духъ нашъ нуждается во снѣ [2]).

Во снѣ душа отрѣшается отъ тѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ внѣшняго міра съ его „суетою". Въ этомъ состоитъ великое значеніе сна для духа. Отрѣшаясь отъ міра вещественнаго, духъ заключается и сосредоточивается или собирается въ самомъ себѣ, и тамъ, въ таинственныхъ глубинахъ своихъ, ничѣмъ не развлекаемый, усвояетъ себѣ и переработываетъ въ свою собственность пережитое въ бодрственномъ состояніи. Такая „самособранность" духа, по выраженію св. отцевъ, есть необходимое условіе роста и духовнаго развитія, и чѣмъ выше становится дѣятельность духа, тѣмъ нужнѣе дѣлается для него уединеніе, сосредоточенность въ себѣ Уединенія ищутъ люди, готовя себя къ великимъ духовнымъ подвигамъ, такъ въ уединеніе пустыни

---

[1]) Въ 6-ой утренней молитвѣ *св. Макарія Великаго* читаемъ: «Тя благословимъ... Вышній Боже, подавшаго намъ сонъ во упокоеніе немощи нашея и ослабленіе трудовъ многотрудныя плоти».

[2]) Кто во всемъ твореніи Божіемъ признаетъ высокія цѣли, опредѣленныя премудростію Божіею, тотъ едва ли согласится съ мнѣніемъ *Лемуана* (Lemoine) о духовномъ значеніи сна, приводимымъ у Перти въ *Die mystischen Erscheinungen der menschlichen Nature* p. 71: «Лемуанъ думаетъ, что безсмертный духъ не нуждается во снѣ, но находитъ наслажденіе въ Wohlsein отдыхающаго тѣла, въ забвеніи трудовъ и суровости жизни; во снѣ онъ получаетъ нѣкоторую независимость отъ тѣла и внѣшняго міра».. Конечно, сонъ благодѣтеленъ во многихъ отношеніяхъ, но премудрость Божія всему всегда ставитъ безусловно-великія и важныя цѣли.

удалялись величайшіе духовные подвижники, пророки ветхаго Завѣта—Моисей, Илія, Іоаннъ Креститель. И самъ „Сынъ человѣческій“ „возведенъ былъ Духомъ въ пустыню“ передъ величайшимъ подвигомъ служенія роду человѣческому для его спасенія. При серьозномъ и строго-нравственномъ, истинно-христіанскомъ отношеніи къ жизни во всѣхъ ея явленіяхъ, собственно всякое пробужденіе отъ сна есть возвратъ къ серіозному подвигу жизни, а сонъ, смыкающій наши очи вечеромъ, погружающій нашу душу въ таинственный мракъ того міра, есть подготовленіе къ предлежащему дневному подвигу жизни, ибо жизнь слагается изъ отдѣльныхъ дней [1]).

Эта истинно-христіанская идея о высокой важности сна высказана у *І. Фихте* и *Шуберта* и усвоена ихъ учениками. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи подѣлиться съ читателями мыслями одного изъ нашихъ талантливыхъ учениковъ Шуберта о значеніи сна, *Аксенева*, о которомъ была рѣчь выше. У него весьма талантливо и въ совершенно христіанскомъ духѣ развивается эта, какъ и всѣ другія, идея *Шуберта* „Жизнь является намъ вообще въ двухъ свойствахъ: 1) въ томъ, что вещи пребываютъ, и 2) въ томъ, что онѣ дѣйствуютъ. Почему въ жизни человѣка и природы должны быть: 1) такія силы, которыми зиждется и сохраняется бытіе вещей и 2) такія, посредствомъ которыхъ обнаруживается ихъ *дѣятельность*. Поелику же покой и дѣятельность, а съ ними и силы, сохраняющія и дѣятельныя, противоположны между собою, и въ то же время пред-

---

[1]) Чит. утренія молитвы, а также и вечернія. По смыслу и духу церковныхъ молитвъ сонъ представляется всегда великимъ и серіознымъ актомъ, налагающимъ на насъ извѣстныя обязанности по отношенію къ нему. Для христіанина онъ есть постоянное напоминаніе о смерти, по существу сходной съ нимъ; а со смертью соединяется мысль объ отшествіи въ таинственный міръ духовныхъ существъ, о частномъ судѣ, о послѣднемъ общемъ судѣ и концѣ міра.

полагаютъ другъ друга; то необходимо преемственное ихъ господство въ царствѣ вселенной. Непрерывная дѣятельность истощила бы силы бытія, а непрерывный покой былъ бы смерть, а не жизнь. Это то преемственное господство покоя и дѣятельности силъ образовательныхъ и движущихъ другъ надъ другомъ и есть перемѣна ночи и дня, сна и бдѣнія. Ночью зиждется *существо*, а днемъ оно открывается къ *дѣятелности*. Во всемъ царствѣ бытія бдѣніе представляется намъ состояніемъ, въ коемъ *внутреннее раскрывается во внѣшнее и самостоятельная жизнь господствуетъ надъ общею*.

Такъ, напр. въ природѣ при сіяніи солнца расширяется атмосфера, развертываются цвѣты и листья растеній; животныя разсѣяваются по обиталищамъ или сферамъ своей жизни—по землѣ, водѣ и воздуху, и человѣкъ, получая употребленіе чувствъ и членовъ, выходитъ на дѣло свое и на дѣланіе свое до вечера. Каждая порознь тварь теперь отъ себя и для себя живетъ, развертываетъ свои способности и силы, господствуетъ. Напротивъ *сонъ* во всей природѣ является намъ такимъ состояніемъ, когда *силы дѣйствующія снова возвращаются во внутренность и когда частная жизнь подчиняется господству всеобщей*. Такъ, напр., атмосфера съ закатомъ солнца сгущается къ поверхности земли, соки деревьевъ отъ вѣтвей сливаются къ корню, у животныхъ жизнь оставляетъ чувственныя орудія и мышцы и сосредоточивается внутрь; а вмѣстѣ съ тѣмъ и у человѣка душа оставляетъ голову и погружается въ область сердца[1]). Въ это время земля вмѣсто солнца подвергается вліянію цѣлаго неба звѣздъ, а ея живыя созданія дѣйствію образовательныхъ силъ земли.— Дѣйствіе сна для всѣхъ тварей состоитъ въ томъ, что съ прекращеніемъ внѣшней дѣятельности и подъ вліяніемъ об-

---

[1]) По болѣе основательному ученію современной психологіи органомъ собственно психической жизни и сознанія и во снѣ продолжаетъ быть тотъ же головной мозгъ.

щей жизни, т. е. при первомъ *отрицательномъ*, а послѣднемъ—*положительномъ* вліяніи растительныя силы поправляютъ органы, уподобляютъ воспринятую матерію. Такъ въ неограническої природѣ съ упадкомъ растворяющей силы свѣта и электричества и съ приращеніемъ живительной силы тяготѣнія и магнетизма стихіи нашей планеты, воздухъ, земля и вода получаютъ большую связь отъ того, что атмосфера сжимается въ пары, пары снова восполняютъ собою количество воды, вода, проникнувшись воздухомъ, вѣроятно, успѣшнѣе совершаетъ работу внутренняго образованія земли и ея ископаемыхъ произведеній. Такъ и въ каждой твари, что она дѣятельно произвела отъ себя и приняла въ себя днемъ, то ночью утверждается въ ней и обращается въ ея субстанцію... А для души польза сна двоякая:

1) Дабы то, что человѣкъ въ бодрствованіи своемъ духовно позналъ или сдѣлалъ, могло ему усвоиться, надобно, что бы оно, такъ сказать, отложилось и окристаллизовалось въ немъ при посредствѣ образовательныхъ силъ тѣла; ибо тѣло есть орудіе для самовоспитанія души; а это и совершается во время сна: вмѣстѣ съ обращеніемъ крови около органическаго сердца въ это время и около духовнаго сердца обращается непрерывающійся токъ представленій и помысловъ, кои, подобно элементамъ крови, то притягиваются имъ къ себѣ, то отталкиваются; — при чемъ притянутое душею посредствомъ растительныхъ отправленій кристаллизуется, такъ сказать, въ духовное тѣло души.

2) Когда вся разумно-свободная дѣятельность души сходится къ своему корню-сердцу, то въ коренныхъ его стремленіяхъ, неизмѣнно вѣрныхъ своему направленію, особливо въ основномъ влеченіи сердца къ безконечному и въ отвѣтномъ вѣяніи на него свыше, всѣ силы души какъ бы осматриваются, становятся въ свой духовный меридіанъ (оріентируются), т. е. исправляются, освѣжаются, оживотво-

ряются. Отсюда то свѣжесть души по пробужденіи [1]), рѣшеніе недоумѣній и вопросовъ, новыя возбужденія къ добру и проч. Но какъ тѣлесно-растительная жизнь желудка совершается не безъ вліянія внѣшнихъ силъ природы, ему споспѣшествующихъ, такъ и образованіе духовнаго существа души совершается не безъ вліяній на него силъ духовныхъ, свѣтлыхъ или темныхъ, смотря по тому, какимъ душа болѣе отверста. Отсюда то молитвы Церкви къ Ангелу-хранителю о заступленіи отъ навѣтовъ діавола, къ Спасителю объ осѣненіи Духомъ святымъ и проч. [2]). Эти молитвы тѣмъ важнѣе, что сердце въ состояніи сна страдательно подчиняется вліи-

---

[1]) Объясняется она, конечно, также и отдохновеніемъ и освѣженіемъ тѣлесныхъ силъ организма.

[2]) Чит. молитвы *утреннія, на сонъ грядущимъ и повечерія*. Въ 4-ой молитвѣ *св. Макарія* возсылается благодареніе Богу за то, что Онъ далъ «Мимошедшее время нощи сея безъ напасти прейти отъ всякаго зла противна» .. «Въ нощи мя и во дни сохранивый, борющихъ врагъ избавляющихъ мя» (Пѣснь полуночная ко Пресв. Богородицѣ 7-я) .. «Господи Боже .., спяща мя сохрани немерцающимъ свѣтомъ, Духомъ Твоимъ Святымъ, имъ же освятилъ Твоя ученики. Даждь, Господи, и мнѣ недостойному рабу Твоему, спасенія Твоего на ложѣ моемъ»... (Мол. 2 *св. Антіоха*) «Благослови, Господи, избавити мя отъ сѣти лукаваго... и всю сатанину дѣтель отжени отъ мене, и посли ми Ангела мирна, хранителя и наставника души и тѣлу моему, да избавитъ мя отъ враговъ моихъ» (*св. Макарія Вел* мол. 4-я)... «Миренъ сонъ и безмятеженъ даруй ми: Ангела Твоего хранителя посли, покрывающа и соблюдающа мя отъ всякаго зла» (Мол. 5-я)... Господи І. Христе Сыне Божій, избави мя настоящаго обстоянія бѣсовскаго (Мол. 8 я). Невидимыхъ враговъ моихъ неусыпаніе вѣси, Господи, и окаянныя плоти моея неможеніе вѣси, Создавый мя. Тѣмъ же въ руцѣ Твои предаю духъ мой, покрый мя крилома Твоея благости» (изъ троп. повечерія). «Господи, Господи, избавлей насъ отъ всякія стрѣлы, летящія во дни, избави насъ и отъ всякія вещи, во тмѣ преходящія» (мол. *Василія Велик.* на повечеріи).. «И даждь намъ, Владыко, на сонъ грядущимъ покой тѣла и души, и сохрани насъ отъ мрачнаго сна грѣховнаго... Угаси разжженныя стрѣлы лукаваго, яже на ны льстивно движимыя» (изъ мол *св. Антонія монаха Пандекта*). На повеч. читается также 90-й псал.

янію внѣшнихъ духовныхъ силъ .. Какіе выводы (нравственные и теоретическіе), спрашиваетъ философъ, слѣдуютъ изъ ученія о снѣ? а) Сонъ есть столько же существенный моментъ въ нашей жизни для души и тѣла, какъ и бодрственное состояніе: въ первомъ образуется духовно-тѣлесное существо, во второмъ оно обнаруживается въ дѣятельности. Посему сонъ и бдѣніе находятся въ такомъ же отношеніи между собою, въ какомъ бытіе и дѣйствіе одно служитъ основаніемъ другого; а то и другое — основаніемъ вѣчной жизни. б) Посему не воображай, чтобы твои мысли, поступки и желанія были что-либо несущественное, они тоже для души твоей, что пища для тѣла. Все, что ты принималъ твоимъ сердцемъ, войдетъ въ существо твое и пойдетъ съ тобою въ вѣчность... ж). Во снѣ при упадкѣ свободы, подъ вліяніемъ духовныхъ силъ совершается духовное плотвореніе, почему предъ наступленіемъ сна намъ должно быть какъ можно осторожнѣе въ своемъ поведеніи; стараться какъ можно болѣе настраивать душу свою къ чистымъ мыслямъ, святымъ чувствамъ усердною молитвою, а тѣло благоустроять воздержаніемъ [1])".

Громадное значеніе сна еще болѣе увеличивается, благодаря связаннымъ съ нимъ сновидѣніямъ, важность которыхъ не отрицается ниоднимъ ученымъ [2]). Но значеніе

---

[1]) *Авсеневъ* на стр. 154—156, 158—159, 165—166.

[2]) «Сонъ, пишетъ Штрюмпелль, пріобрѣтаетъ громадное значеніе благодаря именно своему спутнику сновидѣнію Сонъ не всегда совершенно прерываетъ нить нашего сознанія и оставляетъ пробѣлъ въ исторіи нашей жизни. Очень часто онъ развертываетъ въ сновидѣніяхъ особый міръ образовъ и представленій, дѣйствій и происшествій, чувствъ и идей..., которыя оказывали и оказываютъ большое вліяніе на бодрственную жизнь человѣка, становясь въ разрядъ извѣстныхъ силъ, опредѣляющихъ жизнь и развитіе не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ народовъ. Со снами связано происхожденіе нѣкоторыхъ первобытныхъ представленій, которыя легли въ основаніе позднѣйшихъ высшихъ культурныхъ формъ жизни»... Авторъ далѣе говоритъ, какъ анимистъ, о происхожденіи вѣрованій религіозныхъ,

сновидѣній зависитъ отъ ихъ характера, весьма разнообразнаго, а потому о немъ нельзя говорить прежде точной группировки или классификаціи сновъ, что, въ свою очередь, возможно сдѣлать послѣ объясненія природы или сущности и происхожденія сновъ. И такъ, мы должны теперь изложить общее ученіе о сновидѣніяхъ.

Душа не совершенно прерываетъ свою связь съ тѣломъ во снѣ, а слѣдовательно съ органомъ сознательной психической жизни, т. е. головнымъ мозгомъ; поэтому непрекращающіяся возбужденія внѣшнихъ чувствъ со стороны внѣшняго міра и собственныя возбужденія души, становясь, такъ сказать, въ фокусѣ сознанія, даютъ начало снамъ, при неполной недѣятельности мозга. Вслѣдствіе отсутствія самосознанія во снѣ, а вмѣстѣ съ нимъ — возможности отличать свои собственныя состоянія и созданія отъ дѣйствительности [1]), вслѣдствіе далѣе недѣятельнаго состоянія органа мыслительнаго [2]), и, наконецъ, невозможности свѣрять свои собственныя концепціи съ воспріятіями дѣйствительныхъ

съ чѣмъ нельзя согласиться... «Не меньшее вліяніе сновидѣнія оказывали на политическую и общественную жизнь народовъ. Послушные указаніямъ сновъ, двигались и переселялись цѣлыя племена и народы. Слабыя существа сонъ дѣлалъ носителями высокихъ идей, и войска воодушевлялъ на геройскіе подвиги.. Наконецъ, не говоря о всемъ прочемъ, сновидѣнія съ родственными имъ явленіями обратили на себя вниманіе и науки и сдѣлались цѣлью научнаго изслѣдованія, для достиженія которой наука работаетъ теперь» —Strümpell *Natur und Entstehung der Träume.* S.S. 3 ff. Конечно, сновидѣнія могли имѣть и такое значеніе, но оно здѣсь не исчерпывается вполнѣ и какъ слѣдуетъ.

[1]) *Ульрици* «Тѣло и душа», *Авсеневъ* р. 162 и др.

[2]) *Macnish* p. 32, cap. III... «in consequence of the repose of the reflecting organs, we are unable to rectify the illusions, and conceive that the scenes passing before us, or the sounds that we hear, have a real existence» ...

вещей [1]) душа во снѣ объективируетъ собственныя свои субъективныя состоянія и впадаетъ въ галлюцинаціи. Сны— это рядъ галлюцинацій, нѣчто въ родѣ бреда сумасшедшихъ [2]).

Содержаніе сновидѣній составляетъ бодрственная жизнь, по большей части ближайшая, а иногда и отдаленнѣйшая по времени, отражающаяся во снѣ конечно съ фантастическими видоизмѣненіями „Что мы дѣлали, испытывали, особенно о чемъ заботились (о чемъ думали на яву), то и грезится намъ во снѣ. Эти грезы суть отголоски шума и движенія земной дѣятельности, подобные кругамъ, которые распространяются отъ брошеннаго въ воду камня“ (Авсеневъ 162). Съ другой стороны, содержаніе сновидѣніямъ доставляютъ не прекращающіяся со стороны внѣшняго міра. хотя смутныя и слабыя, возбужденія при помощи внѣшнихъ чувствъ и со стороны самого тѣлеснаго организма съ различными его состояніями чрезъ посредство внутренняго, воспринимающаго ихъ, органическаго чувства Наконецъ, спиритуалистическая психологія, допускающая близость души во снѣ къ высшему духовному міру, вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, должна допустить и отраженіе въ сновидѣніяхъ идущихъ отъ него и не всегда доходящихъ до сознанія различныхъ возбужденій, по пробужденіи только оставляющихъ по себѣ общее чувство и настроеніе.

И такъ, существуетъ три источника сновидѣній: *душа*, *чувственный міръ* и *міръ духовный*. Наука, конечно, прини-

---

[1]) *Abercrombie* «Jnquiries concerning the intellectual Powers» p. 199: «The impressions which arise in the mind are believedto have a real and presente existence; and this belief is not corrected, as in the waking state, by comparing the conception with the things of the external wordl».

[2]) Spitta *Die Schlaf und Traumzustände der menschlichen Seele* p. 111. «Der Traum ist gewissermaassen eine Dramatisirung rein subjectiwer Vorstellungen und Empfindungen der Seele während des Schlafes».

маетъ только два первые источника. „Если, говоритъ г. Гротъ, „свести въ одно цѣлое всѣ разбросанныя, въ трактатахъ о сновидѣніяхъ, замѣчанія о различныхъ факторахъ. при помощи которыхъ слагаются сенсорныя дремы (сны), то эти факторы окажется возможнымъ выразить въ слѣдующихъ шести наименованіяхъ: 1) *воспоминанія*, воспроизведенія прошлыхъ впечатлѣній, 2) *привычныя чувствованія*, которыя даютъ свой колоритъ представленіямъ, занимающимъ спящее сознаніе. 3) *внѣшнія впечатлѣнія* зрѣнія, слуха и т. д., которыя спорадически разрываютъ завѣсу, отдѣляющую нашъ умъ во снѣ отъ окружающаго міра, 4) *органическія*, т. е. *внутреннія ощущенія* сопровождающія нормальные и ненормальные растительные процессы организма во снѣ, 5) дѣятельность *воображенія* или *построительной ассоціаціи*, какъ выражаются англійскіе психологи, которая облекаетъ отдѣльные элементы въ цѣльныя, болѣе или менѣе фантастическія комбинаціи. 6) *автоматическая работа мозга*, которая совершается исподтишка, въ силу органической необходимости, и внезапно выдвигаетъ на поверхность сознанія неизвѣстно какъ сложившіяся идеи“ [1]).

Главнѣйшій изъ всѣхъ здѣсь перечисленныхъ факторовъ сновидѣній есть, конечно, воображеніе или фантазія, свободно проявляющаяся во снѣ благодаря отсутствію стѣсняющаго контроля воли и разсудка. Значеніе ея здѣсь двоякое: во первыхъ, она служитъ реальнымъ источникомъ сновидѣній, сама изъ себя, въ силу присущаго ей стремленія къ творчеству, создавая вереницы образовъ и картинъ путемъ свободнаго комбинированія запаса въ душѣ представленій; во вторыхъ—и это болѣе важно—дѣятельность ея во снѣ чисто формальная. Воображеніе, это своего рода мышленіе безъ словъ одними образами, „облекаетъ отдѣльные элементы въ цѣльныя комбинаціи“, т. е. проще сказать, беретъ на себя задачу на основаніи собственныхъ за-

[1]) *Гротъ* р. 36.

коновъ своего творчества давать такую или иную форму различнымъ душевнымъ состояніямъ или возбужденіямъ во снѣ, идущимъ, какъ выше видѣли, изъ трехъ источниковъ: изъ самой души, чувственнаго міра и тѣла и міра невидимаго. Она доводитъ до нашего сознанія всѣ этого рода возбужденія во снѣ, она говоритъ намъ о нихъ, о томъ, что бываетъ съ нашею душею во снѣ, но говоритъ намъ своимъ картиннымъ *символическимъ* или *аллегорическимъ* языкомъ, по законамъ собственной природы. Она разъясняетъ на своемъ образномъ языкѣ (или *детерминируетъ* по научной терминологіи) темныя и неясныя возбужденія во снѣ (какъ она, собственно, поступаетъ при неполныхъ воспріятіяхъ и днемъ, вводя насъ въ иллюзіи, когда въ сумеркахъ висящее на стѣнѣ платье принимаемъ за человѣческую фигуру и т. п.), она судитъ и мыслитъ о нихъ по законамъ своей природы. Отсюда совершенно ясно, что для пониманія источника, причины или смысла того или другого сновидѣнія, лежащихъ въ основаніи его источниковъ возбужденій, необходимо ознакомиться съ законами символическаго языка фантазіи Какъ ни странною казалась бы намъ иногда ея символическая болтовня, однако въ основаніи ея, по большей части, лежатъ какія-нибудь дѣйствительныя возбужденія изъ трехъ указанныхъ источниковъ: она повѣствуетъ намъ о состояніи нашего тѣла, отдѣльныхъ его частей, его здоровья и нездоровья, о зарождающихся и недоступныхъ наблюденію врача болѣзняхъ, о началѣ смерти въ больномъ, о томъ таинственномъ мірѣ, въ который вступаетъ душа во снѣ—и о многомъ другомъ безъ умолку говоритъ намъ во снѣ фантазія наша на своемъ странномъ нарѣчіи. Необходимость изучать символическій языкъ сновъ для ихъ пониманія сознавалась и признавалась людьми всегда отъ древнѣйшихъ временъ и до настоящаго дня: изъ нея выросла цѣлая наука или искусство *онироманті́я* (или *онирокритика*, т. е. искусство толковать сны, угадывать по нимъ будущее), не отрицаемая, какъ ниже увидимъ, и въ Откровеніи. Они-

романтія, съ которой всегда, конечно, соединялось множество суевѣрнаго (какъ всегда у людей примѣшивается къ истинѣ ложь), процвѣтала въ особенности въ древности языческой, оставившей нашему времени въ наслѣдство не мало отдѣльныхъ указаній къ наукѣ онироманті и даже цѣлые спеціальные труды по этой наукѣ, изъ которыхъ въ цѣлости сохранился до нашего времени трудъ Артемидора Ονειροκριτικον, а изъ остальныхъ трудовъ сохранились части въ цитатахъ и рефератахъ другихъ сочиненій, напр. Цицерона (De divinatione), Тертулліана (De Anima) и др. (о чемъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ). Въ настоящее практическое или реалистическое время занятіе толкованіями сновъ наука, къ сожалѣнію, предоставила невѣжеству и спекуляціямъ различныхъ авторовъ такъ называемыхъ *сонниковъ*. Конечно, большинство ихъ, если не всѣ, лишь невѣжественная спекуляція, разсчитанная на такое же невѣжество и суевѣріе потребителей: въ нихъ совершенно отсутствуютъ вѣрныя, по правиламъ научной индукціи, наблюденія, знаніе психологическихъ законовъ вообще и сновъ въ частности и во всѣхъ нихъ можно указать одну и туже коренную ошибку (или обманъ), состоящую въ томъ, что сонники всѣ и всякіе сны выдаютъ за пророческіе, предполагаютъ имѣющими значеніе пророческое. Изъ научныхъ психологическихъ изслѣдованій по части онирокритики можно указать только на „Символику сновъ“ Шуберта и „Жизнь сновидѣній“ Шернера[1]). Они обстоятельно доказали не только необходимость, но и возможность толкованія сновъ, и сдѣлали въ онирокритикѣ по крайней мѣрѣ начало или то, что можетъ быть въ ней названо азбукою (а древніе уже читали), при чемъ *Шернеръ*, кажется, представляется болѣе рѣшительнымъ

[1]) Онирокритическія указанія послѣдняго заслужили одобреніе и признаніе даже такого авторитета въ наукѣ, какъ изв. псих. Вѣны *Вундтъ*. Со своей стороны, на основаніи собственныхъ личныхъ наблюденій и опытовъ мы можемъ свидѣтельствовать мѣткость многихъ указаній Шернера по толкованію сновъ.

сторонникомъ идеи о возможности чтенія сновъ. Его даже упрекаютъ въ этомъ отношеніи за то, что онъ придаетъ символамъ сновъ всеобщее значеніе [1]) и допускаетъ, слѣдовательно, возможность общей и для всѣхъ равнопригодной онироманти̇ки. Между тѣмъ, Шубертъ допускаетъ возможность точнаго и правильнаго толкованія сновъ только *своихъ*, а не всякихъ. „Весьма трудно. говоритъ его ученикъ, подчинить языкъ грезящей души какимъ-либо правиламъ. Онъ бываетъ весьма различенъ по лицамъ. поламъ, возрастамъ, темпераментамъ, воспоминаніямъ и безчисленному множеству случайныхъ обстоятельствъ... Кто черезъ самоиспытаніе дозналъ нѣчто изъ этихъ наруѣчій и когда какой языкъ болѣе употребляетъ душа его во снѣ, тотъ можетъ нѣсколько уразумѣвать свои сны, но не чужіе“ [2]). Однако же и самъ Шубертъ въ своей символикѣ, руководясь вѣроятно древними онирокритическими указаніями и собственными наблюденіями. даетъ множество общихъ и для всѣхъ значащихъ указаній и выставляетъ нѣсколько правилъ, которыми можно руководствоваться въ пониманіи символическаго языка сновъ (т. е. въ ихъ толкованіи) [3]).

---

[1]) *Авсѣевъ* 162—163. Кто изъ нихъ болѣе правъ, судить не имѣемъ данныхъ объ этомъ. Кажется, оба правы отчасти.

[2]) Въ особенности символамъ сновъ органическихъ приписываетъ «die urthumliche und sich gleich bleibende Symbolik», а не случайную: стр. 122.

[3]) Для любопытствующихъ можно указать нѣсколько законовъ символизаціи во снѣ, открытыхъ Шубертомъ и Шернеромъ. 1) Символизація происходитъ въ прямомъ отношеніи къ идеямъ, т. е. образы сновъ—*метафоры*· мракъ означаетъ поэтому печаль, тернистый путь—трудности, идти по льду—опасность положенія, кольцо получить—въ бракъ вступить, высохшій ручей—обѣдненіе, далекое путешествіе—смерть. 2) Символизація въ обратномъ отношеніи къ идеямъ,—*по противоположности*, когда высокое во снѣ представляется подъ образами низкими, пріятное—мучительными, полезное—подъ вреднымъ и т. д, напр. навозъ—деньги, паденіе—повышеніе, поднятіе въ гору—пониженіе, побои—подарки, танцы—печаль, носилки съ мертвымъ—успѣхъ и т. п. 3) Символизація *по аналогіи*, весьма иногда

Для дальнѣйшихъ цѣлей изслѣдованія здѣсь необходимо намъ ознакомить читателей изъ области онирокритическихъ изслѣдованій Шернера съ тѣмъ отдѣломъ, который относится къ такъ называемымъ Nervenreiz-Träume,—снамъ органическимъ, возникающимъ вслѣдствіе многочисленныхъ возбужденій и состояній тѣлеснаго организма, связанныхъ со всѣми его отправленіями (дыханіе, кровообращеніе, пищевареніе, ростъ и др.), а также съ общимъ состояніемъ организма и отдѣльныхъ его органовъ и частей. По своей важности въ медицинѣ (для діагноза болѣзни) эти органическія сновидѣнія называются *патогномическими* или *патологическими*. Эти сны показываютъ мѣсто раздраженія въ организмѣ, положеніе и состояніе соотвѣтствующихъ органовъ и характеръ самыхъ процессовъ, ихъ аффицирующихъ (*Scherner* p. 115. 163). Патогномическая важность сновъ еще въ древности признавалась *Гиппократомъ* и *Галеномъ* [1]),

---

тонкой и неуловимой, такъ страсти подъ видомъ животныхъ (кошка—гнѣвъ), женщина—цвѣтокъ (по Scherner'у), изобиліе—корова, тѣло—домъ, желудокъ—площадь, кишки—улица и т. п. Въ этомъ отношеніи чаще связь между идеями и образами неуловима. 4) *Естественный способъ* символизаціи или прямой, т. е. подстановка подъ понятія конкретныхъ представленій: гдѣ бодрствующій говоритъ домъ, тамъ фантазія рисуетъ дѣйствительный домъ и т. п. 5) *Интенсивная* или усиленная символизація, когда фантазія къ одному символическому образу прибавляетъ еще одинъ или нѣсколько образовъ для обозначенія «живаго отношенія символизируемаго предмета къ ощущеніямъ души» (*Scherner* p 106). Этими пятью пріемами далеко не исчерпывается чрезвычайное разнообразіе пріемовъ символическихъ концепцій фантазіи, переводящей на свой образный языкъ состоянія спящей души. 6) *Кледомантика*,—указаніе на вещи и событія въ именахъ, такъ орелъ (ἀετός) лѣто по Артемидору (α ἔτος). Александръ Македонскій во время осады Тира видѣлъ во снѣ сатира, танцевавшаго на щитѣ. По изъясненію знаменитаго онирополa, бывшаго въ войскѣ Александра, Аристандра, это значило, что Тиръ будетъ взятъ Александромъ («Твой-Тиръ», ибо Σατύρος=Σὰ Τύρος).

[1]) О воззрѣніяхъ *Гиппократа* узнаемъ по маленькому сочиненію Περὶ ἐνυπνίων (1—16 стр.) отъ него оставшемуся, *Галена*—по сочиненію Comment. in Hipprocr. de morb. acut. и Περὶ τῆς ἐξ ἐνυπνίων διαγνώσεως

которые пользовались снами больныхъ, какъ діагностическими средствами, ставя ихъ въ связь съ болѣзнями своихъ паціентовъ. *Аристотель*, смотря съ этой точки зрѣнія на сны, рекомендовалъ врачамъ обращать вниманіе на сны паціентовъ, а Шернеръ прямо назначаетъ въ руководство врачамъ свою замѣчательную символику органическихъ сновъ (162—225), остроумно замѣчая въ одномъ мѣстѣ, что когда-нибудь доктора, ощупавъ пульсъ и посмотрѣвъ у паціентовъ языкъ, будутъ затѣмъ освѣдомляться у нихъ о видѣнныхъ ими за ночь снахъ (1 р. 60). Но для этого они должны ознакомиться съ символикою сновъ [1]). Въ наши задачи не можетъ входить ознакомленіе съ символикой органическихъ сновидѣній, но съ однимъ пріемомъ символизаціи сновъ, общимъ, впрочемъ, всякаго рода снамъ, мы должны ознакомиться.

Извѣстно, что во снѣ спящій перестаетъ существовать, какъ личность: душа его является тогда ареною калей-

---

«(Τὸ ἐνύπνιον δὲ ἡμῖν ἐνδείκνυται διάθεσιν τοῦ σώματος)».—Новѣйшіе ученые тоже, конечно, не отрицаютъ патогномическихъ сновъ, при томъ даже необыкновенныхъ, т. е. съ предсказаніемъ а) *о началѣ болѣзни, еще не существующей;* б) о ея ходѣ и исходѣ, особенно кризисѣ и в) о печальномъ исходѣ т. е. *смерти,* которыя предсказываются и *прямо,* и *символически: Max-Simon* p. 33 f., *Liébeault* 171 f.

[1]) Для образца считаемъ не безполезнымъ указать на нѣкоторые символы органическихъ сновъ, употребляемые фантазіей, по *Schernery*. Движенія *легкихъ* во снѣ символизируются летаніемъ на двухъ крыльяхъ въ соотвѣтствіе двумъ легкимъ (подр. см. 165—166); *перистальтическія движенія* желудка символизируются движеніемъ въ экипажѣ по кривымъ и неровнымъ дорогамъ; *жажда*—попойка въ веселой компаніи; символизація *пищеварительныхъ функцій* (сны этой группы самые обычные) имѣетъ особенно рѣзкій и опредѣленный характеръ, выражаясь въ цѣломъ рядѣ, иногда очень стройномъ, картинъ, развертывающихся на подобіе романа, то веселаго, то печальнаго, смотря по состоянію желудка (185—181): обѣдъ... прогулка или путешествіе.. деревни и города... попадаются на улицѣ погребальныя процессіи (символъ химическаго процесса разложенія въ кишкахъ) и т. п.—Впрочемъ, для образца и этого довольно.

доскопическаго мелькания разныхъ образовъ и цѣльныхъ сценъ, въ которыхъ онъ только посторонній зритель. Человѣкъ самъ себѣ дѣлается постороннимъ, видитъ себя подъ разными образами, мыслитъ себя въ третьемъ лицѣ, такъ что иногда отъ лица другого говоритъ съ самимъ собою, какъ съ лицемъ постороннимъ. Это-то именно постоянное выступленіе во всѣхъ нашихъ снахъ такого разговаривающаго (или нѣсколькихъ, что очень рѣдко) лица есть предметъ, объясненіе котораго весьма интересно у Шернера. Впадая самъ въ нѣкотораго рода фантастическое олицетвореніе отвлеченнаго понятія или способности. Шернеръ утверждаетъ, что въ сновидѣніяхъ, въ замѣнъ отсутствующей личности спящаго, является дѣйствующимъ лицомъ, ихъ субъектомъ, сама фантазія (Fantasie-Ich, Person des Traumes). Она то именно сама себя персонифицируетъ въ субъектъ или личность, дѣйствующую и разговаривающую съ нами и съ другими въ сновидѣніяхъ, являясь въ разныхъ видахъ въ зависимости отъ различнаго характера и направленія своихъ сонныхъ концепцій: всякое данное возбужденіе или объектъ сна фантазія немедленно символизируетъ въ субъектъ или личность сновидѣнія, die Person des Traumes. Если, напр., источникомъ сновидѣній служатъ возбужденія мышленія (иногда механически продолжающагося во снѣ, такъ сказать, въ силу инерціи, но, конечно, утрачивающаго свойственный ему логическій характеръ, съ поступленіемъ во власть фантазіи [1]), то являетея во снѣ лице спорящее и разсуждающее съ нами на извѣстную тему, при чемъ, весьма мѣтко замѣчаетъ Шернеръ, если спящій не взрослый, а дитя, то резонирующее лице является ему въ видѣ авторитетнаго лица—учителя, отца и т. п. (p. 126).

Слѣдуя изложенному закону символической персонификаціи объектовъ сновидѣній въ ихъ субъекты, фантазія и въ органическихъ сновидѣніяхъ выдвигаетъ разнаго рода

---

[1]) См. *Scherner'a* §. 22. Reflectiven oder Denktraume (p. 301 ff)

Personen der Träume въ зависимости отъ разнообразія возбуждающихъ ихъ объектовъ. Здѣсь являются лица, ведущія соотвѣтственный уже даннымъ условіямъ разговоръ. Въ болѣзняхъ, которыя собственно суть разстройства и аномаліи въ отправленіяхъ жизненной силы организма по Шернеру, персонифицируемымъ объектомъ является сама эта жизненная сила организма. Отсюда слѣдуетъ, что лице паталогическихъ сновидѣній должно въ своей формѣ согласоваться со степенью жизненной силы въ больномъ сновидцѣ, т. е. съ его возрастомъ, другими словами (и даже съ поломъ). Дѣвушкѣ лице это должно являться во всей прелести и свѣжести цвѣтущей женской юности; юношѣ—въ видѣ юноши, выступающаго и говорящаго въ образѣ цвѣтущаго ангела; пожившимъ фантазія выдвигаетъ будничныя фигуры лицъ иногда нарочно въ самой прозаической обстановкѣ, въ простомъ, напр., платьѣ, чтобы рѣзче обозначить степень проявляющейся здѣсь жизненной, уже достаточно ушедшей и растратившейся, силы (и это бываетъ даже съ поэтами въ ихъ старости). Субъекты паталогическихъ сновидѣній, будучи олицетвореніемъ жизненной силы организма, являясь спящему, могутъ говорить лишь о томъ, что заключается въ его жизненной силѣ, т. е. о данномъ органическомъ какомъ-нибудь разстройствѣ и его послѣдствіяхъ. Поэтому собственно такія лица выступаютъ въ качествѣ вѣстниковъ какой нибудь болѣзни, ея продожительности, или же въ скорости предстоящей смерти; все это только переводъ внутреннихъ органическихъ состояній на образный языкъ фантазіи (а не дѣйствительныя явленія, должны мы пояснить отъ себя). Спящій прислушивается къ голосу этого вѣстника въ благоговѣніи и почтительномъ изумленіи, скромно отвѣчая ему“ [1]). Для кого неясно, что Шернеръ и ему подобные впослѣдствіи воспользуются этимъ вѣрнымъ, въ сущности, психологическимъ наблюденіемъ, хотя и не въ

---

[1]) *Scherner* p. p. 126—127.

подробностяхъ [1]), для объясненія пророческихъ и всякихъ необыкновенныхъ сновъ, для превращенія безчисленныхъ случаевъ явленія милости и благодати Божіей людямъ въ „переводъ внутреннихъ органическихъ состояній на образный языкъ фантазіи“ [2]).

Уяснивъ природу и происхожденіе сновъ, мы должны перейти къ труднѣйшему во всей онирологіи вопросу о классификаціи сновъ. Безспорной и точной классификаціи не дано еще и доселѣ. Въ виду разнообразія существующихъ классификацій сведеніе ихъ къ единству является одною изъ настоятельнѣйшихъ задачъ въ данномъ случаѣ. На путаницу и разногласіе классификацій здѣсь оказываютъ вліяніе не только сложность самыхъ явленій и зависящая отъ того возможность разнообразія точекъ зрѣнія на нихъ, но и различіе общихъ психологическихъ и философскихъ воззрѣній классификаторовъ, такъ очевидно, что съ точки зрѣнія позитивно-научной всѣ сны необходимо распадаются на два класса, если дѣлить ихъ по происхожденію, а съ точки зрѣнія спиритуалистической философіи они, какъ видѣли, въ этомъ отношеніи дѣлятся на три класса и т. п. Какъ бы тамъ ни было однако, мы должны и въ этомъ отношеніи установить одно какое-либоо предѣленное положеніе въ интересахъ надлежащаго выясненія занимающаго насъ феномена пророческихъ сновъ: для полнаго пониманія его необходимо указать мѣсто пророческихъ сновъ въ ряду другихъ разнообразныхъ сновъ и ихъ отношеніе къ послѣднимъ.

Уже и въ обыденной жизни мы видимъ элементарныя попытки классификаціи, когда говорятъ о снахъ важныхъ

---

[1]) *Scherner* найдетъ множество противорѣчащихъ фактовъ его закону соотвѣтствія лица сновидѣній съ возрастомъ и поломъ спящихъ,—настолько много, что самый законъ представляется выдумкою.

[2]) Напр., какъ характерный образчикъ, см. *Max Simon'a* p. p. 58—60 объясненіе сна средневѣковаго скульптора Бенвенуто Челлини (ниже подробн.).

и пустыхъ, обыкновенныхъ и необыкновенныхъ. вѣщихъ и ложныхъ и т. п. Это показываетъ, какъ необходима какая-нибудь классификація сновъ.

Обыкновенно, сны классифицируются съ точки зрѣнія ихъ а) *отношенія къ истинѣ, дѣйствительности;* б) отношенія къ нашему сознанію или памяти (*по интенсивности*); в) по своему *происхожденію*; 2) по своему *содержанію* или составу; д) *по формальной своей сторонѣ;* затѣмъ изъ смѣшанныхъ классификацій е) по *происхожденію и категоріи истинности*, ж) наконецъ по многимъ или даже по всѣмъ указаннымъ признакамъ (очевидно, это неудовлетворительныя въ логическомъ отношеніи классификаціи).

а) *По интенсивности* сны раздѣляются на три группы: 1) хорошо вспоминаемые 2) полувспоминаемые и 3) совершенно забываемые. Признакъ взятъ неопредѣленный и не относящійся къ внутренней сущности явленія (случайный).

б) По категоріи *истинности* сны раздѣляютъ 1) на *важные* или *значащіе* и 2) *неважные* и *пустые*. Такъ, *Шплиттгерберъ*: существуютъ „два различные класса сновидѣній: *пустыя* и *значащія*, первыя призрачныя отраженія бодрственной жизни, недолговременныя созданія фантазіи. вторыя болѣе важные образы творческой фантазіи, въ которые вѣчно бодрствующій духъ вноситъ изъ сокровенной своей глубины идеи и созерцанія, не рѣдко выходящія за предѣлы его собственнаго ограниченнаго бытія... и откровенія изъ высшихъ сферъ духовной жизни“ [1]). *Истинные* и *ложные*. Такъ дѣлили еще древніе *Гомеръ* [2]) и *Феокритъ* [3]).

в) По происхожденію писатель среднихъ вѣковъ *Амиральдъ* дѣлитъ сны на три класса: 1) естественные 2) ангельскіе и 3) Божественные; послѣдніе содержатъ откровенія,

---

[1]) Splittgerber *Schlaf und Tod* Op. cit. p. 73.

[2]) Hom. *Odyss* XIX, 562 ff.

[3]) Феокритъ Идилл. XXI (Рыбаки), 59.

ставящія эти сны гораздо выше вторыхъ [1]). Александрійскій докторъ и онирокритикъ *Герофилъ*, современникъ Птоломея Сотера, различаетъ три рода сновъ: 1) посылаемые богами (θεοπνευστοι) 2) зарождающіеся въ самой душѣ (φυσικοί), которые, по ученію Аристотеля, могутъ имѣть въ себѣ и пророческій элементъ и, наконецъ,—3) сны смѣшанные (συγκραματικοι), которые приходятъ извнѣ, но не безъ зависимости отъ желаній и занятій души, какъ напр. сны эротическіе (Эротъ посѣщаетъ въ сновидѣніяхъ не всѣхъ. а своихъ поклонниковъ [2]), *Тертулліанъ* производитъ сны отъ 1) *демоновъ* [3]), отъ 2) *Бога*, дающаго сны не только своимъ избранникамъ, но даже и недостойнымъ въ родѣ Навуходоносора (Dan. II, I ff). 3) изъ самой души [4]) Научно-позитивная школа преимущественно дѣлитъ сны по происхожденію и въ связи съ тѣмъ по содержанію. *Шпитта* дѣлитъ по происхожденію сны на 1) *соматическіе* и 2) *чисто психическіе* „Всѣ сны имѣютъ между собою то общее, что они—представленія. Вопросъ, слѣдовательно, въ томъ лишь, какъ вызываются эти представленія? Представленія вызываются, съ одной стороны, внѣшними или внутренними впечатлѣніями на внѣшнія чувства, слѣдовательно такъ называемыми внѣшними воспріятіями, съ другой стороны они вызываются безъ этихъ впечатлѣній только въ силу законовъ ассоціаціи уже находящихся въ сознаніи представленій и суть результаты непрерывно дѣйствующаго психическаго механизма безъ особеннаго внѣшняго воздѣйствія. Короче: представле-

---

[1]) У *Perty* B. I. p. 73

[2]) *Plin* Epist III, 5, 4.

[3]) Эти сны хотя и могутъ быть истинны, но съ дурною цѣлью и всегда грѣховны и нечисты «Definimus enim a daemoniis plurimum incuti somnia, etsi interdum vera et gratiosa, sed affectantia et captantia, quanto magis vana et frustratoria et turbida et ludibriosa et immunda. Nel mirum, si eorum sunt imagines, quorum et res *De anima* 47.

[4]) Somnia quae sibimet ipsa anima videtur inducere ex intentione circumstantiarum. *De anima* ibid

нія вызываются въ мозгу: 1) съ *соматической* стороны периферическимъ и центральнымъ возбужденіемъ нервовъ; 2) съ *чисто психической стороны.* Мы различаемъ поэтому 1) die Nervenreiztraume и 2) die rein psychischen Associationstraume [1]). Такъ дѣлитъ сны по автору и *Аристотель*: сны отъ возбужденій чувствъ (αισθητικοί) и мышленія (νοητικοί). Подобнымъ образомъ классифицируетъ *Максъ—Симонъ,* но только въ четыре группы: 1) сны психическіе, какъ продолженіе и отраженіе бодрственной дѣятельности, 2) сны органическіе (Nervenreiztraume Scherner'a) отъ возбужденій внутренняго чувства; 3) сны отъ продолжающагося возбужденія во снѣ. хотя слабаго, внѣшнихъ чувствъ (Sinnes—Traume); 4) смѣшанные (1—3) сны [2]).

2) Сны *по составу* или содержанію. Образчикъ классификаціи по этому принципу находимъ у *Шернера* [3]) Онъ дѣлитъ сны на 11 группъ. и эти послѣднія у него имѣютъ свои подраздѣленія. 1) Сны. отличающіеся крайнею безсмысленностью (140 f.) 2) Сновидѣнія. образующіяся по закону ассоціаціи представленій (Associationstraume съ 6 подраздѣленіями 144—150). 3) Сновидѣнія, въ основаніи которыхъ лежатъ факты особенно поразившіе насъ на яву (markirte Träume 158 - 162); 4) органическіе сны (Nervenreiztraume съ 4 подраздѣленіями крупными и множествомъ мелкихъ р. р. 162 - 225); 5) сны органовъ внѣшнихъ чувствъ (Sinnestraume съ 2 подраздѣленіями: р. р 225—236); 6) сновидѣнія, выражающія данныя душевныя настроенія спящаго (Stimmungstraume, р. р. 236—243): 7) сны. основывающіеся на аффектахъ (Affecttraume); 8) Сны. основывающіеся исключительно на творчествѣ фантазіи (Phantasie-Traume: р. р. 254 - 300 съ 11 подраздѣленіями): 9) сно-

---

[1]) *Spitta* p 177 f

[2]) *Max-Simon* p. p 16—17.

[3]) Критику его, довольно строгую и не безъ вліянія метафизическихъ общихъ идей, см. у *Н. Грота* p. 48 и д.

видѣнія, которымъ даетъ начало мышленіе (Denkträume p. p. 301—308); 10)—воля (Willens-Träume съ 3 подраздѣленіями 308—322); пророческіе сны (Ahnungsträume съ 3 главными подраздѣленіями p. p. 322—374).

ţ) По формальной своей сторонѣ сны раздѣляются на *аллегорическіе*, въ которыхъ фантазія изображаетъ вещи подъ искусственными символами на основаніи законовъ собственной природы, и *теорематическіе*, изображающіе вещи безъ прикровенныхъ символовъ такъ, какъ онѣ существуютъ.

е) *По происхожденію и истинности. Меланхтонъ* насчитываетъ четыре класса сновъ: 1) простые сны 2) пророческіе, происходящіе не отъ Бога, а отъ естестественнаго дара духовнаго многихъ людей, 3) Божественные, которые Богъ посылаетъ людямъ или непосредственно, или черезъ ангеловъ и 4) діавольскіе [1]). *Авсеневъ* дѣлитъ по Шуберту сны на три группы: 1)—сны грезы (rêves по французски въ противоположность songes сны непустые), пустое отраженіе при посредствѣ фантазіи естественной жизни души и тѣла; 2) сны вѣщіе, вразумляющіе, предостерегающіе и обличающіе, основывающіеся на дѣятельности самой души или, лучше, сердца во снѣ съ его таинственными способностями, недѣйствующими среди суеты бодрственной жизни 3) Богооткровенные пророческіе сны, заключающіе въ себѣ откровеніе путей Промысла Божія относительно Церкви, человѣчества, или отдѣльныхъ народовъ. Это сверхчувственные сны, напр. бывшіе Даніилу [2]). Къ этой же категоріи отчасти принадлежитъ и вышеизложенная классификація Герофила.

ж) Смѣшанныхъ классификацій примѣры мы находимъ въ классической литературѣ. Въ этомъ отношеніи прежде должна быть упомянута классификація знаменитаго автора

---

[1]) *Perty* p. 73.

[2]) *Авсеневъ* p. 153—154.

Ονειροκριτικον,—*Артемидора* [1]). Прежде всего онъ различаетъ. какъ это дѣлается и на французскомъ языкѣ, слѣдуя самой филологіи греческаго языка, между снами значительными, содержащими откровенія, и пустыми (ἐνύπνια—rêves, insomnia; ὄνειροι—songes, somnia) [2]) Тѣ сны (ὄνειροι), которые прямо и въ подробностяхъ изображаютъ будущее, Артемидоръ называетъ теоремати́ческими (θεωρηματικοί), а изображающіе будущее въ символахъ—аллегорическими (ἀλληγορικοι). Первые въ свою очередь раздѣляются: на нѣмыя картины или сцены (ὅραμα—visio. Gesicht), другіе, изображающіе будущее не только въ дѣйствіяхъ и неподвижныхъ картинахъ, но и въ словахъ, въ рѣчи—χρηματισμοί, oracula. Сны аллегорическіе подраздѣляются съ точки зрѣнія своихъ предметовъ на пять классовъ: 1) сны, имѣющіе предметомъ самаго спящаго (ἰδία, propria), 2—3) сны, касающіеся другого, но знакомаго спящему лица (ἀλλοτρία, aliena); сны, неимѣющіе отношенія къ какому нибудь опредѣленному лицу (κοινα, communa): 4—5) сны, имѣющіе содержаніемъ предметы человѣческой общественной жизни—(δημοσια; сны, имѣющіе содержаніемъ предметы природы—κοσμικα —Классификацію эту напоминаетъ классификація *Макробія*. Онъ дѣлитъ сны на пять классовъ (in quinque diversitates et nomina): Aut enim est ὄνειρος secundum Graecos, quod latine *somnium* vocant, aut ὅραμα, quod *visio* recte appellatur, aut χρηματισμος, quod *oraculum* nuncupatur; aut est ἐνύπνιον, quod *insomnium* dicitur; aut φάντασμα quod Cicero *visum* vocavit [3]). Пророческое значеніе приписывается только первымъ тремъ классамъ, остальные же два имѣютъ тотъ же смыслъ, что и ἐνύπνιον Артемидора (равно какъ въ его же смыслѣ тол-

[1]) Имѣемъ въ изданіи *Rudolphi Herscheri* Lipsiae MDCCCLXIV.

[2]) Ταύτῃ γὰρ ὄνειρον ἐνυπνίου διαφέρειν συμβέβηκε, τῷ τὸ μὲν εἶναι σημαντικὸν τῶν μελλόντων, τὸ δὲ τῶν ὄντων. Cap I. p. 5, 5—7.

[3]) Macrobii «In somnium Scipionis». Ed M.D.CVII. Apud Jacobum Stoer. Cap. III.

куются Макробіемъ и остальные термины Артемидоровской классификаціи). Эта *Артемидоро-Макробіевская* классификація, съ небольшими варіаціями, повторяется въ сочиненіи *Синезія, еп. Птолемаидскаго*,—Περὶ ἐνυπνίων, написанномъ въ періодъ вліянія на него неоплатонической философіи: 1) ἐνύπνιος (Traumerei, rêverie; 2) χρηματισμός; 3) φαντασμα (какъ у Макробія); 4) ὅραμα (Артемидора); 5) ὄνειρος—содержитъ прошедшаго или будущаго изображеніе подъ различными символами.

Какъ ни трудно разобраться среди приведенныхъ здѣсь разнообразнѣйшихъ классификацій, одно не подлежитъ сомнѣнію, что предпочтенія въ нихъ заслуживаютъ такія, которыя основаны на существенномъ, а не случайномъ признакѣ, не имѣющемъ отношенія къ существу сновъ. А такова именно научная классификація, основанная на существенномъ признакѣ происхожденія и содержанія сновъ. Однако безъ измѣненій и эта классификація не можетъ быть принята. Главнѣйшій ея недостатокъ—неполнота. Классификація признаетъ только два источника сновъ: а) возбужденія внѣшнихъ чувствъ и внутренняго органическаго чувства и б) продолжающуюся независимо отъ нихъ дѣятельность души. Отсюда понятно, что всѣ тѣ необыкновенные сны, которые съ нашей точки зрѣнія имѣютъ своимъ источникомъ возбужденія и воздѣйствія отъ сверхчувственнаго духовнаго міра, или а) не принимаются въ счетъ научною классификаціею, или б) сводятся такъ или иначе къ первымъ двумъ классамъ.

Большинство психологовъ распредѣляютъ всѣ сны на двѣ большія группы: а) сны обыкновенные, источники и происхожденіе которыхъ прямо очевидны (то есть они—а и б), и б) сны *необыкновенные* какъ въ томъ смыслѣ, что рѣдко наблюдаются, такъ и въ томъ, что представляются рѣзко отличающимися по своему характеру отъ сновъ первыхъ двухъ группъ, т. е. обыкновенныхъ, почему они представляются и по происхожденію своему сверхъестествен-

ными. Но ученые психологи стараются свести мнимо-необыкновенные сны эти къ элементамъ всѣхъ обыкновенныхъ сновъ. Но намъ кажется однако, что это дѣленіе всѣхъ сновъ на два большіе класса имѣетъ не кажущіяся только, но *реальныя основанія* въ самомъ реальномъ источникѣ сновъ, въ доказательство чего мы и пишемъ свое изслѣдованіе. И такъ, по самому уже происхожденію мы должны раздѣлить сны на два большіе класса: 1) сны *обыкновенные* и 2) сны *необыкновенные*. За снами обыкновенными оставляемъ подраздѣленіе на два вида, существующее въ научной классификаціи, или на четыре и на три, какъ мы это видѣли: 1) сны чисто—психическіе, простое отраженіе предшествующей бодрственной жизни души; 2) сны органическіе отъ возбужденій внутренняго органическаго чувства во снѣ; 3) сны внѣшнихъ чувствъ и 4) смѣшанные. Образчики сновъ этихъ, въ особенности 1-й группы, въ изобиліи даетъ каждая ночь. Но приведемъ типическіе образцы сновъ 2 и 3 группы. *Максъ-Симонъ* однажды видѣлъ сонъ, въ которомъ гиганты, сидящіе вокругъ стола, ѣли, производя страшный шумъ своими громадными челюстами. Проснувшись, онъ услыхалъ, какъ лошадь проскакала мимо его окна.—Онъ передаетъ другой сонъ въ этомъ родѣ. Въ качествѣ главнаго врача онъ жилъ въ больницѣ умалишенныхъ, гдѣ, какъ извѣстно, въ большинствѣ случаевъ будятъ, зовутъ къ столу и т. д. ударами въ колоколъ. Въ одно утро звонъ колокола послужилъ источникомъ для слѣдующаго сна. Максъ-Симонъ увидѣлъ себя въ церкви, гдѣ происходило вѣнчаніе. Онъ ясно видѣлъ высокіе церковные своды, горящія свѣчи, толпу любопытныхъ и т. д. Въ то-же время онъ слышалъ, какъ весело звонили во всѣ колокола —Одинъ изъ друзей Максъ-Симона одно время много занимался географіею. Однажды въ жаркій лѣтній вечеръ онъ изучалъ только-что изданную карту источниковъ Нила и озеръ, находящихся внутри Африки. Когда онъ легъ спать, онъ не замедлилъ заснуть. Такъ какъ стояла сильная жара, онъ вспотѣлъ.

Во время сна ему приснилось, что на немъ лежитъ громадная географическая карта, приклеенная къ его тѣлу. Онъ ясно различалъ теченія воды, обозначенныя голубыми контурами. Нѣтъ надобности объяснять, что какъ эта карта, такъ и теченіе воды, были ничто иное, какъ простыня и потъ, который, по собственному выраженію разсказчика, градомъ съ него текъ. — Вальтеръ Скоттъ разсказываетъ про одного лорда, которому приснилось, что какой-то призракъ схватываетъ его за руку и тащитъ его съ постели. Этотъ сонъ былъ вызванъ тѣмъ, что лордъ самъ сильно стиснулъ себѣ руку другою рукой.—Одна госпожа, по которой пробѣжала мышь въ то время, какъ она спала, увидѣла во снѣ страшное животное, покрытое шерстью.— Нѣсколько интересныхъ случаевъ сообщаетъ Аберъ-Кромби. Другу его, D—r Грегори снилось, будто онъ проводитъ зиму у Гудзонова залива и сильно страдаетъ отъ необычайнаго холода. Проснувшись, онъ увидѣлъ, что одѣяло сбилось къ его ногамъ во время сна. Аберкромби говоритъ, что у нѣкорыхъ субъектовъ можно искусственно производить по желанію какія угодно сновидѣнія посредствомъ нашептыванія въ ухо спящаго. Одинъ офицеръ обладалъ этой способностью въ такой замѣчательной степени, что его товарищи постоянно пользовались ею для собственной забавы. Они могли производить въ немъ всякаго рода сны, въ особенности если на ухо шепталъ болѣе знакомый голосъ, такъ однажды они заставили его пройти черезъ всѣ степени ссоры, окончившейся дуэлью; когда стороны договорились насчетъ порядка дуэли, ему дали въ руки заряженный пистолетъ и отъ выстрѣла онъ проснулся. Въ другой разъ они заставили его повѣрить, что онъ утопаетъ — и онъ тотчасъ сталъ подражать всѣмъ движеніямъ плавающаго и т. под.

Въ качествѣ образчиковъ сновъ группы 2-й приведемъ два случая изъ опыта Макса Симона. Максъ-Симонъ разъ видѣлъ во снѣ, что онъ изо-всѣхъ силъ дулъ на какое то

насѣкомое необыкновенныхъ размѣровъ и съ трудомъ ему удавалось сдвинуть его съ бумаги, на которой онъ писалъ. Въ это время онъ проснулся и увидѣлъ, что онъ дѣлалъ громадныя усилія при выдыханіи, чтобы расклеить слипнувшіяся губы. Въ другой разъ ему снилось, что онъ попалъ въ очень узкое ущелье. Его грудь была втиснута между двумя каменными грудами. Какія онъ усилія ни дѣлалъ, онъ не могъ выйдти изъ этой узкой тюрьмы. Проснувшись вскорѣ, онъ замѣтилъ, что его дыханіе было стѣснено благодаря насморку, которымъ онъ страдалъ въ это время [1]).

Второй большой классъ сновъ по нашей классификаціи это сны необыкновенные. Прежде чѣмъ разсматривать ихъ частныя подраздѣленія, укажемъ, какіе сны входятъ сюда. Сдѣлать это очень легко, стоитъ только раскрыть любую книгу научныхъ изслѣдованій и посмотрѣть, какіе сны здѣсь фигурируютъ въ качествѣ необыкновенныхъ. Въ этомъ отношеніи нѣкоторую услугу оказываетъ VII глава въ книгѣ *Радстока* подъ заглавіемъ. „Необыкновенные сны“ (Ungewöhnliche Träume): здѣсь намѣчены ихъ типичные образцы (примѣры).

Изъ необыкновенныхъ сновъ прежде всего обращаютъ на себя вниманіе тѣ, въ которыхъ спящій находитъ неожиданное и блистательное разрѣшеніе сильно занимавшихъ его наканунѣ и нерѣшенныхъ вопросовъ и задачъ. Всякій изъ опыта школьныхъ лѣтъ знаетъ случаи, когда, послѣ долгихъ и напрасныхъ усилій рѣшить метематическую за-

---

[1]) Образцы сновъ 2-ой группы въ изобиліи сообщаются во всѣхъ изслѣдованіяхъ. У *Max-Simon'a* Chpp. II (Le rêve et les sens) и III (Le Rêve et l'organisme); *Strumpell* p.p 113—116; *Scherner*, съ подробнымъ анализомъ и отличною символикою,—§ 30: Die Nervenreiztraume (т. е. органическіе сны): p. p. 162—225; § 31: Sinnes-Traume (т е. сны внѣшнихъ чувствъ): p. p. 225—236; у *Abercrombie* p. p. 201—204. Образцами смѣшанныхъ сновъ могутъ быть сонъ друга-географа М. Симона и друга Аберкромби д-ра Грегори.

дачу или сдѣлать работу съ вечера, онъ находилъ ихъ рѣшеніе во снѣ, а иногда вставалъ утромъ съ сознаніемъ только конечнаго результата. Художники создаютъ во снѣ произведенія высокой цѣнности, ученые рѣшаютъ научныя проблеммы и т. д. Неудивительно, что такіе сны кажутся какъ бы откровеніемъ свыше и многіе психологи называютъ ихъ сны—откровенія (Offenbarungs-Träume) Здѣсь мы не входимъ въ изслѣдованіе ихъ природы и происхожденія, а также не приводимъ примѣровъ: пока слѣдуетъ только перечислить сны необыкновенные.

Къ снамъ необыкновеннымъ Радстокъ причисляетъ конечно, и *пророческіе* сны разнаго рода, которые по Шернеру суть какъ-бы „вершина въ мірѣ сновъ“ („Gipfel des Traumlebens“) Изъ такого рода сновъ Радстокъ прежде всего отмѣчаетъ *патагномическіе* или, по другой и его терминологіи, *патологическіе* сны, содержащіе предсказаніе о наступленіи болѣзни, ея исходѣ: очень часто сны возвѣщаютъ точно спящему день и часъ его кончины, близкихъ ему лицъ, родственниковъ и знакомыхъ.—Предметомъ пророческихъ сновъ служатъ не одно только здоровье и состояніе тѣлеснаго организма, но всѣ вообще болѣе или менѣе важные случаи въ жизни человѣка, судьба его личная и ближайшихъ къ нему лицъ, вообще будущее. Человѣкъ во снѣ узнаетъ, удовлетворятся-ли его стремленія и осуществятся-ли идеалы, будетъ-ли онъ счастливъ въ лоттереѣ, игрѣ, любви и вообще въ жизни... Человѣкъ видитъ опасности, ему угрожающія, горе, на него надвигающееся и т. д.“ [1]). Авторъ не идетъ далѣе однако въ перечисленіи пророческихъ сновъ и далеко не исчерпываетъ всего ихъ дѣйствительнаго разнообразія: довольно сказать, что въ его перечисленіе не входитъ упоминаніе о такихъ пророческихъ снахъ, которые содержатъ въ себѣ предсказанія будущаго, относящагося не къ личной судьбѣ спящаго и ему близ-

[1]) *Radestock* 191.

кихъ, но къ судьбѣ цѣлаго народа (напр. сонъ Тарквинія Гордаго о паденіи Рима) [1]), цѣлыхъ царствъ и всего человѣчества (напр. сны Навуходоносора о судьбѣ древнихъ царствъ). Такихъ сновъ, вполнѣ засвидѣтельствованныхъ,— безчисленное множество не только въ древнія времена, но и въ ближайшія къ намъ и настоящія.

Не упоминаются и игнорируются во многихъ ученыхъ трактатахъ и многіе другіе необыкновенные сны. Не находимъ мы нигдѣ, кромѣ древнихъ стоиковъ, полной ихъ классификаціи. *Шернеръ* даетъ подробную классификацію, но не всѣхъ необыкновенныхъ сновъ, а только пророческихъ [2]); да и классификація стоиковъ (Посидонія [3]), какъ увидимъ, не совсѣмъ полна. Классификація необыкновенныхъ сновъ въ нашемъ изслѣдованіи настолько важный, да и самъ по себѣ сложный предметъ, что требуетъ особой главы въ немъ. Здѣсь пока можемъ только отмѣтить въ нихъ три главныя группы, имѣющія и свои частныя подраздѣленія: 1) сны мнимо-необыкновенные, сводящіеся къ первому классу; 2) сны дѣйствительно необыкновенные, основывающіеся на столь-же необыкновенныхъ и въ обычномъ состояніи рѣдко проявляющихся способностяхъ души, которыя называютъ то *мистическими, то магическими* (чѣмъ указывается не столько ихъ природа, сколько то, что онѣ мало изслѣдованы еще); 3) сны необыкновенные, происходящіе отъ воздѣйствія высшаго духовнаго міра на духъ спящаго.

Изъ этой классификаціи видно, что предварительно самаго изслѣдованія необыкновенныхъ сновъ еще требуется констатировать существованіе магическихъ способностей души, какъ источника цѣлой группы необыкновенныхъ (между прочимъ—и пророческихъ) сновъ, и разъяснить ихъ

---

[1]) *Cicero*. De divinatione L. I. cap XXII.

[2]) *Schernet* § 37.

[3]) Cicero. De divinatione. L. I. cap XXX, p. 64.

природу и происхожденіе,—что мы и сдѣлаемъ въ слѣдующей за симъ II-ой главѣ.

Въ заключеніе общаго ученія о снѣ и сновидѣніяхъ выскажемся кратко о значеніи для насъ сновидѣній какъ а) необыкновенныхъ б), такъ и обыкновенныхъ. Распространяться о значеніи первыхъ, восполняющихъ немощь нашихъ познавательныхъ силъ, нѣтъ надобности. Сомнительнымъ представляется, повидимому, значеніе сновъ обыкновенныхъ: обыкновенный и пустой въ общемъ пониманіи здѣсь тоже, что и синонимы.

Но въ твореніи Божіемъ нѣтъ ничего пустого, при серьезномъ отношеніи къ нему. И пустые сны служатъ человѣку на пользу. Польза ихъ 1) *моральная* или нравственная и 2) *физическая*. Первая особенно заслуживаетъ разсмотрѣнія. Сны могутъ служить средствомъ къ необходимому въ нравственной жизни самопознанію: въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражается нравственная личность спящаго съ тѣмъ большимъ удобствомъ, что въ бодрственномъ состояніи направленіе и характеръ самопознаніе получаетъ отъ эгоистической воли и лживаго сердца и ума человѣка, въ снахъ же душа выражается вся цѣликомъ, такъ,—какъ она есть, со всѣмъ, что въ ней есть. Въ особенности господствующія наклонности и чувства, дающія тонъ снамъ, а также общій характеръ нравственный удобно открываются во снѣ. такъ *плотской* человѣкъ видитъ во снѣ плотское, *духовный*—духовное, и иногда всплываютъ на поверхности сновъ такія потаенныя желанія и движенія сердечныя, которыхъ на яву человѣкъ и не замѣчаетъ. Ветхозавѣтный Моисеевъ законъ вмѣнялъ въ вину человѣку его безпорядочные сны. (Лев XV, 16. Вт. XXIII, II). *Отъ нечистаго что будетъ чисто*, говоритъ Сирахъ о сновидѣніяхъ, *и отъ лживаго какъ—истина?* (Сир. XXXIV, 4) (т. е. какой чистоты можно ожидать отъ созерцаній сердца, помраченнаго истотою, и какой истины отъ того, у кого вся жизнь есть ложь?) Скажемъ прекрасными словами *Авсенева:* „Въ состояніи сна

открывается внутренній потаенный человѣкъ. Посему вникай въ сновидѣнія. дабы узнать свое нравственное состояніе То, чѣмъ душа преимущественно занимается во снѣ. именно обнаруживаетъ ея господствующій нравственный характеръ [1])".

[1]) Авсеневъ р. 166.—Вопросъ объ этико-діагностическомъ значеніи сновъ имѣетъ свою обширную литературу, обстоятельное ознакомленіе съ которой потребовало бы, особенно вслѣдствіе необходимой полемики, отдѣльнаго трактата. Въ нашихъ онирологическихъ матеріалахъ этико-діагностическое значеніе сновъ а) *отрицается* (не основательно): *Spitta* p. 142 f. (ср. 211 и 213); *Гротъ* p 53—54; *Radestock* 215 и примѣч. 223-е; *Scherner* 192 f... б) *утверждается* (основательно): *Delitzsch System der biblischen Psychologie* p p. 281—282; *Splittgerber* 71 f. 145—149; *арх Херсонскій Иннокентій* p. 52 «Сборникъ лекцій проф К. Д. А» (Op. cit).—*Giessler* (Aus den Tiefen des Traumlebens» s 199 f.) держится средняго мнѣнія, приписывая безпорядочныя движенія души во снѣ чувственности и эгоизму, необуздываемымъ болѣе разумомъ. Различныя чувственныя возбужденія, не прекращающіяся и во снѣ, какъ голодъ, жажда и т. п., на яву сдерживаемыя силою нравственныхъ привычекъ, неизбѣжно даютъ эгоистическое направленіе душевной жизни во снѣ. Въ виду неизбѣжности этого обстоятельства сны по Гисслеру не только не могутъ быть нравственно вмѣняемы человѣку, но и мало характеризуютъ его нравственную личность. Исходя изъ иного, не столь пессимистическаго, воззрѣнія на нравственную природу человѣка, древніе иначе также смотрѣли на дѣло. Они полагали, что, если во снѣ съ полною свободой дѣйствуютъ эгоистическія стороны души, то это зависитъ лишь оттого. что онѣ недостаточно были покорены разуму и на яву. *Плутархъ*, въ одномъ изъ своихъ прекрасныхъ «моральныхъ сочиненій» (*О средствахъ узнавать свое совершенствованіе въ добродѣтели* 12), слѣдуя *Зенону* и *Платону* (см. De republica IX p. 571. ср *Ciceronis*. De divinatione I. 29), рекомендуетъ сны какъ одно изъ прекрасныхъ средствъ къ самопознанію. Зенонъ «утверждаетъ, что всякій по снамъ можетъ узнавать, какъ далеко онъ ушелъ въ добродѣтели: если именно онъ услаждается во снѣ чѣмъ-нибудь постыднымъ, если не одобряетъ и не дѣлаетъ ничего дурнаго и несправедливаго и т. п., все это будетъ служить зеркаломъ его нравственнаго достоинства.

Платонъ... прекрасно изобразилъ дѣятельность безпорядочнаго воображенія во снѣ, показалъ наглядно, какъ душа во снѣ отдается во власть своихъ пожеланій, сдерживаемыхъ на яву закономъ, стыдомъ и страхомъ. Но подобно тому,

какъ хорошо выдрессированныя животныя не сворачиваютъ съ дороги даже и тогда, когда возница ослабляетъ поводья, но, повинуясь привычкѣ, какъ слѣдуетъ идутъ впередъ и не останавливаются; такъ и тѣ люди, у которыхъ ихъ безпорядочныя движенія обуздываются разумомъ, не легко сбиваются съ разумнаго пути и во снѣ и въ болѣзняхъ, но твердыми остаются въ своихъ навыкахъ .. Почему не допустить, что душа можетъ подчинить себѣ самое воображеніе и всякія движенія во снѣ посредствомъ упражненія власти надъ страстями, если она при помощи разума подчиняетъ себѣ тѣло и отдѣльныя его части, такъ что глаза, напр., при сочувствіи наполняются слезами, сердце перестаетъ биться отъ страха и т. п..»? По Плутарху сны хорошіе, веселые, спокойные, въ которыхъ спящій не видитъ и не переживаетъ ничего страшнаго, тяжелаго, безобразнаго нравственно и эстетически, служатъ вѣрнымъ признакомъ добродѣтельной души (По нѣмецкому перев. *Bähr* «Plutarch's Werke. Vermischten Schriften B. XX, 1828. s.s. 239—240). *Св. Іоаннъ Златоустъ* въ 5 бесѣдѣ на 1 посланіе Солунянамъ говоритъ»:... «душѣ прирождено видѣть во снѣ призраки многихъ такихъ вещей, которыхъ она днемъ ищетъ и желаетъ»; хорошимъ наглядным поясненіемъ сихъ словъ можетъ служить отрывокъ изъ XXI идиллія *Θеокрита* (Рыбаки): «Во снѣ всякая собака видитъ хлѣбъ, а намъ, рыбакамъ, снится рыба», ср. Lucret. De rerum natura Ib. IV:

Et quoi quisque studio divinctus adhaeret
Aut quibus in rebus multum sumus ante morati
Atque in qua ratione fuit contenta magis mens;
In somnis eadem plerumque videmur obire:
Causidici causas agere, et componere leges;
Jnduperatores pugnare, ac proelia obire;
Nautae contractum cum ventis cernere bellum;
Nos agere hoc autem, et naturam quaerere rerum
Semper, et inventam patruis exponere chartis.
Caetera sic studia atque artes plerumque videntur
In somnis animos hominum frustrata tenere.

Гл. II. Магическія способности души и ихъ возбужденіе во снѣ.

Quum est somno sevacatus animus, tum meminit praeteritorum, praesentia cernit, futura praevidet

Cicero, De divinatione 1, XXX p 63

Εὕδουσα γαρ φρὴν ὄμμασιν λαμπρίνεται
Ἐν ἡμέρᾳ δὲ μοῖρ' απρόσκοπος φρενῶν.

Эсхилъ Eumen v 106

Въ психологической области, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ научнаго знанія, простой безъискусственный опытъ идетъ впереди науки. Такъ называемыя магическія явленія духовной жизни (сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, экстазъ, каталепсія и т. п.) долгое время со стороны науки подвергались только осмѣянію и предоставлялись въ вѣдѣніе фокусниковъ, обманщиковъ, разнаго рода маговъ, спекулировавшихъ врожденною склонностью къ таинственному. Теперь наука, за вычетомъ обмана и неизбѣжныхъ суевѣрій, не видитъ въ изслѣдованіи этихъ явленій, въ такъ называемой *магіи*, одно сплошное суевѣріе и обманъ; она видитъ въ изученіи ихъ дѣло серьезное, много обѣщающее для науки о человѣческомъ духѣ (въ Лондонѣ образовалось даже спеціальное международное общество для изученія психопатологіи, т. е. области таинственныхъ явленій духовной жизни). Напротивъ съ ея точки зрѣнія, добавимъ—справедливой, сплошное огульное порицаніе *серьезнаго* интереса къ таинственнымъ явленіямъ душевной жизни служитъ вѣрнымъ признакомъ научной отсталости.

Въ настоящее время вниманіе ученыхъ привлекаетъ преимущественно гипнотизмъ съ его въ особенности загадочнымъ феноменомъ внушенія, и сдѣланнаго наукою вообще въ этой области нельзя считать значительнымъ По сознанію самихъ же ученыхъ, древнимъ Египтянамъ, Вавилонянамъ, Персамъ. Индусамъ, Грекамъ и др. всѣ факты необыкновенныхъ психопатологическихъ состояній натуральнаго сомнамбулизма, искусственнаго сомнамбулизма или гипнотизма, экстаза и разныхъ видовъ магіи были извѣстны: изученіе ихъ было профессіею цѣлаго класса жреческаго и любителей—маговъ. точно также, какъ и въ настоящее время секреты въ области духовнаго тайновѣдѣнія хранятся по преданію на востокѣ, въ Африкѣ и въ Азіи, у фокусниковъ, дервишей, факировъ и проч., извлекающихъ разнообразныя выгоды изъ своихъ секретовъ по части патологической магіи [1]) Въ средніе вѣка, а отчасти въ новые равно привлекали къ себѣ вниманіе всѣ таинственныя стороны природы: неудивительно. что въ то время было порядочно адептовъ патологической магіи, довольно упомянуть о знаменитомъ Нострадамусѣ, а изъ новыхъ временъ—Каліостро и Месмера. *Максъ-Симонъ* въ краткомъ очеркѣ исторіи гипнотизма говоритъ. что древніе магики и заклинатели хорошо умѣли примѣнять современные возбудители гипнотизма (блестящіе предметы, какъ металлы, зеркало, вода, кристаллы), фиксацію, а также пассы. къ вызыванію у паціентовъ гипнотическихъ галлюцинацій или видѣній, что называлось гаданіемъ (гидромантія, катоптромантія, леканомантія, лихномантія и кристалломантія), при чемъ медіумами служили больше дѣти. Этотъ ученый славу таинственнаго Каліостро приписываетъ именно его основательному знакомству съ гип-

---

[1]) Такъ факиры индѣйскіе пользуются для своихъ цѣлей умѣньемъ вызывать, употребленіемъ разныхъ веществъ внутрь. куреній и тѣлодвиженій, весьма обыкновенныя *гиперстезію* и *анестезію* почти во всѣхъ психопатологическихъ состояніяхъ, но чудесныя для простаго народа.

нотизмомъ и умѣнью примѣнять свои познанія къ разнымъ магическимъ эффектамъ [1]).

Перечислять всѣ магическіе феномены вышеуказанныхъ психопатологическихъ состояній—психофизіологическія, чисто органическія и психическія нѣтъ надобности. Наше вниманіе должно быть направлено на тѣ таинственныя способности или свойства души, которыя проявляются замѣтнѣе не въ обыкновенныхъ, а въ психопатологическихъ состояніяхъ, и которыя лежатъ также въ основаніи загадочнаго феномена пророческихъ сновъ. Это—способности и силы души, относящіяся къ интеллектуальной или познавательной области. Наблюденіе надъ психопатическими явленіями показываетъ, что въ этомъ отношеніи наличность познавательныхъ силъ души далеко не исчерпывается тѣми, которыя представляетъ познаніе бодрственной жизни: познаніе души въ „магическихъ" состояніяхъ и шире бодрственнаго познанія по своему объему, и отличается по качеству, по природѣ своей (по пріемамъ). Предоставимъ говорить о магическомъ познаніи компетентному въ данномъ случаѣ *Перти*: „Въ обыкновенной бодрственной жизни познаніе совершается путемъ чувственнаго внѣшняго воспріятія, дающаго представленія, и разсудка, переработывающаго эти представленія въ понятія; ... въ магическомъ состояніи познаніе есть непосредственное или символическое воззрѣніе вещи, и, въ противоположность бодрственному знанію, относится не столько къ временно—пространственнымъ формамъ вещей, сколько къ ихъ сущности. Категоріи пространства и времени, связывающія какъ наше познаніе, такъ и самое бытіе, становятся для магическаго знанія въ высшемъ его развитіи ненужными, и для него или раздвигаются, или совсѣмъ исчезаютъ границы времени и пространства, такъ что въ немъ далекое по времени и пространству созерцается

[1]) Max-Simon. *Le monde des rêves* p. p. 223—230.

какъ близкое и настоящее“ [1]) Другими словами, магическое знаніе есть, такъ сказать, непосредственное духовное видѣніе и оно очень часто, для краткости, называется *ясновидѣніемъ.*

И такъ, сущность магическаго знанія и новыхъ способностей познавательныхъ, обнаруживающихся въ разныхъ необыкновенныхъ состояніяхъ, заключается въ освобожденіи познающей души отъ узъ пространства и времени; въ этомъ источникъ всѣхъ чудесныхъ явленій магическаго знанія и различія его формъ. Взятое со стороны своей свободы отъ пространства. магическое знаніе есть на низшей степени— *дальночувствіе* (Fernfuhlen), на высшей—дальновидѣніе (Fernsehen); со стороны свободы или независимости по времени—на низшей степени предчувствіе (Ahnung, pressentiment), на высшей. тоже въ разныхъ степеняхъ, болѣе или менѣе ясное, знаніе будущаго, предвѣдѣніе, пророчество и т. п. Кромѣ того въ гипнотизмѣ, экстазѣ и другихъ состояніяхъ обнаруживаются и другія магическія интеллектуальныя способности души, которыя мы будемъ разсматривать отдѣльно.

Подвергать сомнѣнію достовѣрность ясновидѣнія въ настоящее время уже нѣтъ никакой возможности, и вопросъ можетъ идти не о достовѣрности, а объ объясненіи фактовъ ясновидѣнія.

Возможны и дѣйствительно существуютъ три точки зрѣнія въ объясненіи фактовъ ясновидѣнія: „научная“, философская (метафизическая) и теологическая. Современная эмпирическая психологія сводитъ факты ясновидѣнія къ элементамъ обыкновенной или нормальной дѣятельности души въ области интеллектуальной. Спиритуалистическая философія въ основаніе ясновидѣнія полагаетъ различныя магическія способности души, непроявляющіяся въ обыкновенныхъ состояніяхъ ея. Теологическою точкою зрѣнія вводится въ объясненіе ясновидѣнія экстатиковъ, сомнамбулъ и др. сверхъестествен-

---

[1]) Perty *Die mystischen Erscheinungen*, p. p. 240—241

ный факторъ—воздѣйствіе или дѣйствіе діавола, демоновъ. Съ этой точки зрѣнія занятіе патологическою магіею, напр. гипнотизмомъ, представляется, такимъ образомъ, волшебствомъ, чародѣйствомъ въ буквальномъ смыслѣ слова, а медіумъ и гипнотизеръ орудіями діавольской силы. Эта точка зрѣнія господствовала въ средніе и въ началѣ новыхъ вѣковъ въ католической церкви, да и въ судебной свѣтской практикѣ по отношеніи къ вѣдьмамъ, колдунамъ и проч. (въ дѣйствительности имѣвшей дѣло не столько съ колдунами или обманщиками, сколько съ душевно-больными субъектами). Къ удивленію, ея не покидаютъ и теперь католическіе богословы, незамедлившіе выступить съ полемикою противъ *Перти*, въ книгѣ котораго всѣ и всякія чудесныя явленія, даже библейскія чудеса, къ сожалѣнію, объясняются дѣйствіемъ однихъ магическихъ силъ души. Нѣтъ нужды говорить, что такого рода объясненіе односторонне и невѣрно, когда примѣняется ко всей обширной области чудеснаго. Но и католическіе богословы впадаютъ тоже въ односторонность, сводя безъ исключенія всю область патологической магіи на волшебство или дѣйствіе злыхъ духовъ. Неудобство такого объясненія настолько очевидно для всякаго, знакомаго съ предметомъ, что оно не заслуживаетъ само по себѣ серьезнаго опроверженія. Это должно сказать о немъ не только съ точки зрѣнія науки, но и богословія христіанскаго, именно ученія православнаго и католическаго о вліяніи злыхъ духовъ не только на душу, но и на тѣло людей (такъ на бѣсноватыхъ мы видимъ, что злые духи, поселяясь въ людей, производятъ въ нихъ духовно-тѣлесныя разстройства разнаго рода, изучаемыя психопатологію, напр. каталепсію). Тѣмъ не менѣе мы не имѣемъ никакого основанія ни въ Св. писаніи, ни въ ученіи церкви распространять это вліяніе злыхъ духовъ на всю область ненормальныхъ явленій въ духовно-тѣлесной жизни человѣка, коль скоро они могутъ подлежать естественному объясненію. Мы не вправѣ къ современной магической практикѣ относить то, что Бл. Авгу-

стинъ, а также церковные учители и писатели I—III в. (Тертулліанъ, Таціанъ, Іустинъ Философъ и другіе) говорили о древней языческой мантикѣ, очень тѣсно примыкавшей къ патологической магіи. Древне-языческая мантика составляла существенную часть языческихъ религій: она была искусствомъ чрезъ сношеніе съ богами и демонами узнавать будущее. Такимъ образомъ въ основаніи ея лежали грубое суевѣріе и ложь, противныя истинной религіи и нравственности; а потому она была дѣломъ въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи преступнымъ. Она съ полнымъ правомъ могла считаться волшебствомъ, потому что гадатели дѣйствіе своихъ магическихъ операцій приписывали не естественнымъ причинамъ, а общенію съ богами и демонами. Будучи дѣломъ тьмы, мантика, и съ христіанской точки зрѣнія, согласно указаніямъ Слова Божія (I Кор. X, 20), могла въ язычествѣ сдѣлаться орудіемъ темныхъ силъ въ ихъ власти надъ рабствовавшими имъ язычниками. Къ соевременнымъ гипнотизерамъ и медіумамъ совсѣмъ неприложимо то, что приложимо къ жрецамъ и служителямъ мантики. А въ такомъ случаѣ съ полнымъ основаніемъ всякій можетъ присоединиться въ данномъ случаѣ къ мнѣнію Перти относительно происхожденія или источника магическаго знанія (das magische Erkennen): „Важно отмѣтить, что магическое знаніе ничего общаго съ нравственнымъ началомъ не имѣетъ, и что къ нему способенъ какъ святой, такъ и грѣшный [1]),

---

[1]) По Шуберту и его ученикамъ не въ одинаковой степени, какъ увидимъ ниже: святые, живущіе болѣе духомъ, чѣмъ грѣшные, и при жизни уже развиваютъ въ себѣ полнѣе и яснѣе всѣ высшія стороны духа, не исключая способностей магическаго знанія: прозорливости, дальновидѣнія, предвѣденія и т. д., которыя нельзя всегда разсматривать только какъ сверхъестественный даръ. Иногда это естественные плоды труда духовной жизни. Эту мысль у насъ усвоилъ и высказалъ архіепископъ херсонскій *Иннокентій* .. «Душа, напр. говоритъ онъ, имѣетъ двѣ стороны: обыкновенную—низшую и необыкновенную—высшую... Переставъ усовершать первую, она занимается усовершеніемъ постѣдней» (р. 53)...

потому что оно основывается на способностяхъ, свойственныхъ всѣмъ, но остающихся въ большинствѣ людей скрытыми, чаще же обнаруживающихся въ близости смерти“ [1]).

Сказанное здѣсь противъ исключительнаго примѣненія къ объясненію магическихъ явленій теологическаго пріема относится и къ прочимъ пріемамъ другихъ объясненій: научнаго и метафизическаго. Иное объясняется здѣсь съ научной точки зрѣнія, другое—метафизическою, третье—теологическою (супранатуральною), четвертое—второю и третьею (какъ это мы впослѣдствіи увидимъ у стоиковъ), пятое—всѣми тремя вмѣстѣ.

Такъ какъ предметомъ нашего изслѣдованія служатъ пророческіе сны, то наибольшее вниманіе мы должны удѣлить тѣмъ формамъ магическаго знанія, которыя обусловливаются его независимостью отъ категоріи времени. Но въ чистомъ своемъ видѣ пророческіе сны встрѣчаются рѣдко: они соединяются по большей части съ элементами другихъ формъ магическаго знанія, напр дальновидѣнія, прозорливости и др. Вотъ почему нельзя, хотя бы и кратко, не упомянуть и объ этихъ послѣднихъ.

Дальновидѣніе (Fernsehen) Перти отличаетъ дальновидѣніе, какъ высшую ступень способности, отъ дальночувствія (Fernfühlen,—riechen,—hören), что представляется излишнимъ, если онъ самъ находитъ, что и въ первомъ, и въ

«Необыкновенная жизнь души проявляется и естественнымъ образомъ у людей святыхъ. Что въ другихъ производятъ болѣзни, то у аскетовъ происходитъ натуральнымъ образомъ. Разсказы о чудесахъ, произведенныхъ ими, имѣютъ всю истину. И дѣйсвительно, достигнуть силы чудотворенія можно посредствомъ богомыслія. Спаситель, обѣщая даръ чудесъ, не положилъ предѣловъ, но сказалъ: вѣрующій въ Меня сдѣлаетъ, что Я дѣлаю, и болѣе сего сотворитъ. Въ святыхъ людяхъ это не свыше только происходитъ, но достигается и посредствамъ полнаго развитія духовной природы человѣческой и ослабленія природы тѣлесной» (p. p. 59—60) Ср. Schubert'a *Geschichte der Seele* B II, 35 f.

[1]) *Perty* p. 241.

послѣднемъ случаѣ познаніе совершается дѣятельностью не внѣшнихъ чувствъ, а дѣятельностью самой души, ея непосредственнымъ духовнымъ видѣніемъ, которому открываются вещи, лица и событія отдаленнѣйшія по пространству [1]). Вотъ нѣсколько типичныхъ образчиковъ этой удивительной способности, собранныхъ у *Перти*.

Шлейденъ. извѣстный натуралистъ, (въ своихъ Studien, 196) разсказываетъ, что однажды въ молодыхъ еще лѣтахъ, въ состояніи полусна онъ видѣлъ, что горитъ домъ его далеко-жившей тетки, и въ то время дѣйствительно случился пожаръ въ сосѣдствѣ съ домомъ тетки и сгорѣло нѣсколько домовъ [2]). Королева Маргарита (въ Mémoires de Marguerite de Valois, reine de Navarre. Paris 1658) разсказываетъ: „Моя мать, королева (Катерина Медичи), лежала опасно больная въ Мецѣ. У ея постели сидѣли король Карлъ, мой братъ. моя сестра и мой другой братъ герцогъ Лотарингскій, нѣсколько сановниковъ и дамъ, нехотѣвшихъ покидать ее, не смотря на безнадежность ея положенія. Въ изступленіи она кричала. что видитъ сраженіе, видитъ какъ всѣ бѣгутъ, а сынъ ея одержалъ побѣду. „Ахъ Боже мой! поднимите моего сына“, кричала она, „онъ лежитъ на землѣ. Видите-ли вы вонъ тамъ принца Конде мертваго?“ Всѣ присутствующіе думали, что она бредитъ. Однако, когда на слѣдующій день ей докладывали о сраженіи, она сказала: “я

---

[1]) Примѣры дальновидѣнія у сомнамбулъ и др. въ изобиліи сообщаетъ *Перти* В. I, 228—2 4; В. II, 257—265 Въ сущности это и есть такъ называемое второе зрѣніе (das zweite Gesicht, segond sight) т. е. способность видѣть съ закрытыми глазами, такъ сказать, одними духовными очами. Эта способность постоянно обнаруживается въ сомнамбулизмѣ, такъ что послѣдній безъ нея немыслимъ. Объясненія *Max-Simon'a* въ Le monde des rêves p. p. 199—201 весьма натянуты.

[2]) Домъ тетки остался невредимымъ. Эта подробность замѣчательна: она показываетъ относительность и ограниченность, свойственную и магическимъ способностямъ души. Къ этому вопросу мы должны еще будемъ вернуться.

это вчера видѣла".—Шведенборгъ, подобно древнему Сократу, отличался сильнымъ развитіемъ магическихъ способностей, между прочимъ, дальновидѣніемъ. Сидя въ одномъ обществѣ въ Амстердамѣ въ 1762 году. онъ увидѣлъ оттуда смерть Императора Петра III въ Петербургѣ. Вдругъ среди разговора лице его измѣнилось, и всѣ поняли, что съ нимъ происходитъ что-то необыкновенное. Пришедши въ себя, онъ, наконецъ, на разспросы присутствующихъ пояснилъ: „въ этотъ самый часъ умеръ Императоръ Петръ III въ заключеніи", при чемъ сказалъ и о способѣ его смерти. Вскорѣ газеты подтвердили это.—Кернеръ объ одной сомнамбулѣ пишетъ. Въ состояніи дальновидѣнія Каролина однажды со смѣхомъ сказала: „вотъ я вижу госпожу аптекаршу въ кухнѣ ея, она стоитъ и приказываетъ служанкѣ разводить огонь" (аптека была очень далеко отъ сомнамбулы) Госпожа X. тотчасъ потихоньку послала съ запиской къ аптекаршѣ. Посланная шла улицей, которая не могла быть видна сомнамбулѣ, но вдругъ сомнамбула закричала: „а вонъ дѣвка бѣжитъ съ записочкой въ аптеку. Теперь она входитъ въ домъ, а вотъ теперь она уже въ кухнѣ предъ аптекаршей, а эта читаетъ записочку. Умора! Они спрашиваютъ, правда-ли, что госпожа аптекарша только что развела огонь?—Конечно. говоритъ она. А вотъ дѣвка опять на улицѣ, а теперь она входитъ сюда". Все это впослѣдствіи подтвердила аптекарша. Вообще Кернеръ объ этой сомнамбулѣ говоритъ: „въ своемъ ясновидѣніи она переносилась то въ одно мѣсто, то въ другое, и говорила о своихъ знакомыхъ,—о томъ. что они дѣлаютъ во всякій данный моментъ". Лично самъ Кернеръ подвергалъ испытанію разными способами дальновидѣніе Каролины.

Видѣніе скрытаго (Durchsehen, Erkennen von Verborgenem, la vue à travers les corps opaques) находится въ тѣсной связи съ дальновидѣніемъ и есть, собственно, видъ его: скрытое внутри твердыхъ не проницаемыхъ тѣлъ здѣсь безъ глазъ видится духовными очами. Въ сомнамбулизмѣ

читаютъ закрытыя письма и книги, видятъ какъ бы глазами внутренности своего тѣла, угадываютъ вещи въ карманахъ ихъ окружающихъ лицъ. Въ особенности хорошо констатирована способность видѣть внутри какъ чужого, такъ въ особенности своего тѣла. О ней свидѣтельствуетъ и Гуфеландъ. То обстоятельство, что паціенты безъ малѣйшихъ анатомическихъ знаній отлично описываютъ строеніе внутреннихъ частей и органовъ тѣла, показываетъ, какъ неосновательны попытки нѣкоторыхъ ученыхъ вывести эти явленія изъ предварительнаго знакомства съ анатоміею [1]). Либо хотя не отрицаетъ факты этого рода, но даетъ такія объясненія, которыми отрицается совершенно существованіе этой магической способности: „мы старались найти доказательства способности видѣть сквозь непроницаемыя тѣла. Болѣе чѣмъ въ 20 случаяхъ результаты нашихъ опытовъ были отрицательные. Въ герметически закрытый ящикъ мы клали записочки. Одинъ изъ нашихъ опытовъ однажды далъ намъ понять, что можно безъ глазъ видѣть сквозь непроницаемые предметы, но только повидимому. Мы положили въ ящикъ листочекъ бумаги съ нѣсколькими словами, написанными одной молодой дѣвушкой, которыхъ мы совсѣмъ не знали; ящикъ былъ положенъ на руки сомнамбулы, матери этой дѣвушки. Спящая наивно заявила, что она ничего не видитъ. Что касается насъ, то мы думали, что дѣвушка 14 лѣтъ не могла по адресу своей матери написать ничего иного, какъ только: „я люблю васъ“. Дѣйствительно такъ и было. Когда открыли ящикъ, то тамъ оказалась эта фраза. На мѣстѣ этой спящей профессіональная сомнамбула могла-бы, какъ и мы, подозрѣвать мысль самую вѣроятную и вѣрнымъ отгадываніемъ дала-бы доказательство существованія магической способности видѣть сквозь непроницаемыя тѣла“, иронически замѣчаетъ Либо [2]). Признавая вѣроятнымъ объ-

---

[1]) См. факты у Перти В. I p 235, примѣры—В. I, 234—237, 225—228

[2]) *Liébeault.* Du sommeil et des états analogues p. 122—123.

ясненіе Либо по отношеніи къ приведенному случаю, мы не можемъ признать его пригоднымъ для объясненія всѣхъ фактовъ сквознаго видѣнія, въ которыхъ заключающееся въ закрытыхъ письмахъ никоимъ образомъ не могло быть открыто по догадкѣ А таковы большинство фактовъ, напр. передаваемый Гаддокомъ. Гаддокъ получилъ отъ сестры своей письмо и хотѣлъ его распечатать. Эмми, сомнамбула, просила его не распечатывать письма, пока она не разскажетъ его содержаніе, представлявшееся ей въ видѣніи. Она заявила, что въ конвертѣ два листа исписанныхъ почтовой бумаги и что въ конвертѣ лежалъ кусочекъ бѣлой бумаги, отрѣзанный отъ одного изъ листовъ. Въ письмѣ сообщалось извѣстіе о смерти кузина. Она видѣла..... пишущую письмо это ей незнакомую, и нѣкоторыя другія обстоятельства указывали на то, что Эмма знала ходъ мыслей ея. Здѣсь способность ясновидѣнія относится къ случайному и неизвѣстному, вслѣдствіе чего объясненіе догадкою невозможно. *Прейеръ* объясняетъ чтеніе свернутыхъ записокъ, прикладываемыхъ ко лбу чтеца, какъ „фокусъ, основанный на сознательномъ обманѣ“. Берутся, напримѣръ, говоритъ онъ, четыре одинаковыхъ и одинаковой величины записки, на которыхъ одно, или нѣсколько лицъ пишутъ, ну хоть—имена; необходимо знать содержаніе только одной изъ нихъ, чтобы къ удивленію всей аудиторіи прочесть, не развертывая записки, и содержаніе каждой изъ нихъ, сколько бы такихъ записокъ ни было. Если фокусникъ знаетъ содержаніе одной записки, то онъ беретъ ее послѣдней, а содержаніе ея сообщаетъ, когда первую записку прикладываютъ къ его лбу, какъ будто бы въ этой первой написано то, что въ дѣйствительности заключается въ оставшейся на столѣ. Тогда онъ беретъ эту первую записку, прочитываетъ про себя ея содержаніе и говоритъ: „вѣрно“, затѣмъ къ его лбу прикладываютъ вторую записку и онъ громко прочитываетъ содержаніе первой, какъ будто бы заключающееся во второй, и такимъ образомъ онъ продолжаетъ до послѣдней, которой

приписываетъ содержаніе предъидущей. а то, что въ ней дѣйствительно написано, онъ уже прочелъ, когда первая записка была приложена къ его лбу.

Обмана нельзя раскрыть. потому что записки смѣшаны. но содержаніе каждой изъ нихъ было передано имъ вѣрно, только въ ложномъ порядкѣ. Все здѣсь, стало быть. сводится къ тому, чтобы знать содержаніе одной записки. Достигнуть этого можетъ „ясновидецъ“ различнымъ способомъ. Онъ можетъ, напр., одну изъ записокъ написать самъ или поручить кому нибудь изъ своихъ тайныхъ союзниковъ, или же наконецъ приложить пустую записку и объявить, что первая записка пустая и вѣроятно попала ошибкой; затѣмъ онъ издали можетъ показать ее публикѣ обратной бѣлой стороной. Но всѣ эти уловки излишни. если фокусникъ напрактиковался узнавать, по движенію пишущаго орудія, содержаніе написаннаго. На разстояніи трехъ метровъ, при хорошемъ освѣщеніи легко отличить, пишутъ ли „Вильгельмъ“ или „Отто“; мнимый ясновидецъ можетъ прослѣдить за тѣмъ, что пишется на одной изъ записокъ, даже сидя въ сторонѣ съ опущенной головой, прикрывая глаза рукой, какъ бы сосредоточиваясь надъ предстоящей ему трудной задачей. Онъ слѣдитъ изъ за руки за наиболѣе благопріятно расположенной пишущей особой Я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ о томъ, какъ можно узнавать написанное даже изъ сосѣдней комнаты [1]). Конечно, въ практикѣ патологической магіи возможны случаи, объяснимые обманомъ, но распространять это объясненіе на всѣ и всякіе случаи очень смѣло: тогда пришлось бы объявить шарлатанами Ришé, Шарко и другихъ.

На разсматриваемой способности сквознаго видѣнія основываются случаи, очень частые, такъ называемаго предвидѣнія плода беременными сомнамбулами, наблюдавшіеся Либо.

---

[1]) *Прейеръ*. «Объясненіе чтенія мыслей съ описаніемъ новаго пріема для доказательства непроизвольныхъ движеній». Москва 1890 г. стр. 52—53.

Беременныя сомнамбулы напередъ предсказываютъ полъ плода. Либо дѣлалъ опыты съ тремя сомнамбулами и ихъ предсказанія оказывались вполнѣ удачными. Одна изъ этихъ женщинъ объявила себя беременною дочерью одинъ мѣсяцъ и 4 дня спустя послѣ зачатія, и двѣ другія 2 мѣсяца и 21 день спустя, т е. за 7 мѣсяцевъ и 15 дней, объявили себя каждая беременною мальчикомъ. Подобныя явленія наблюдаются не у однѣхъ только сомнамбулъ. Въ медицинской патологіи Франка сообщается слѣдующій интересный случай. Одна женщина 20 лѣтъ въ первое время своей беременности проснулась однажды съ страшнымъ крикомъ; она разсказала своему мужу, что видѣла во снѣ въ погребальныхъ склепахъ церкви женщину, сидѣвшую въ открытомъ гробу и кормившую двухъ младенцевъ грудью. Эта женщина ей сказала: „не бойся: я твой образъ; послѣ завтра, когда у тебя будетъ два сына, ты придешь почивать на мое мѣсто“. Съ этого времени молодая женщина впала въ глубокую меланхолію. Она разрѣшилась двумя мальчиками, какъ ей было предсказано, и умерла нѣсколько дней спустя послѣ родовъ. Либо пытается объяснить подобнаго рода факты потенцированіемъ органическихъ ощущеній во снѣ, т. е. усиленною способностью чувствовать состоянія органическія во снѣ, ускользающія отъ нашего сознанія на яву (объ этой способности рѣчь была выше). Сущность его объясненій передадимъ кратко. Въ обычномъ состояніи нашему сознанію мало доступны внутренніе процессы организма, благодаря своему однообразію и своей монотонности. Если бы не монотонность органическихъ процессовъ, то наше чувство въ органической жизни воспринимало бы отчетливо внутренніе феномены — ощущенія, движенія и безсознательныя состоянія. Но вслѣдствіе ослабленія этой монотонности внутреннихъ органическихъ процессовъ въ глубокомъ снѣ усиливается способность воспріятія даже самыхъ незначительныхъ внутреннихъ органическихъ явленій. Подобнымъ образомъ воспринимаются и многочисленныя мельчайшія движенія въ орга-

низмѣ, входящія въ процессъ оплодотворенія, а фантазія во снѣ эти воспріятія органическаго чувства переводитъ на ясный языкъ живыхъ образовъ и картинъ [1]). Такъ какъ подобныя воспріятія органическаго чувства не суть доказанный фактъ, а лишь предположеніе, которое не только трудно, но и нельзя доказать, то и объясненіе Либо есть гипотеза ad libitum, но вовсе не научная, для всѣхъ обязательная.

Прозорливость (das geistige Durchschauen) т. е. способность проникать въ сокровенные тайники души людей, читать въ ихъ душѣ настоящее и видѣть ея прошедшее наблюдается у нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей, очень часто въ ненормальныхъ состояніяхъ—въ сомнамбулизмѣ и эпилепсіи. О неоплатоникѣ. *Плотинѣ*, владѣвшемъ этою способностью въ высокой степени, ученикъ его Порфирій сообщаетъ нѣсколько примѣровъ сердцевѣдѣнія его, относившихся лично къ нему. Такъ онъ очень часто совершенно вѣрно опредѣлялъ занимавшія Порфирія въ данный моментъ мысли и желанія, и однажды угадалъ о его намѣреніи покончить съ собой самоубійствомъ и т. п.

Фактъ отгадыванія мыслей, напр. задуманныхъ цифръ, буквъ, словъ, предметовъ, а также приказаній сдѣлать то или другое (въ послѣднемъ случаѣ получается такъ называемое умственное внушеніе, suggestion mentale) раздѣляетъ собою ученыхъ на два лагеря, сходящихся только въ признаніи, но не объясненіи его. Одними способность прозорливости отрицается, другими утверждается. Къ первымъ изъ извѣстныхъ намъ принадлежатъ Прейеръ, Мори и Либо, ко вторымъ Шарль Рише, Пьеръ Жане, Охоровичъ, Дюсаръ, Жибертъ, Герикуръ, Майеръ и Марилье.

По взгляду Прейера чтеніе мыслей основано на воспріятіи чтецомъ безсознательныхъ, самыхъ неуловимыхъ и непроиз-

---

[1]) *Liébeault* p. p. 172—176.

вольныхъ мускульныхъ движеній загадавшаго, передающихся чтецу посредствомъ прикосновенія къ его лбу руки загадавшаго. Оно, такимъ образомъ, сводится къ обыкновенному и повседневному взаимному пониманію или угадыванію мыслей людьми на основаніи безчисленныхъ ихъ воплощеній въ игрѣ мускульныхъ движеній, искусству настолько простому, что въ зародышѣ его мы можемъ находить и у лошади, читающей мысли кучера по давленію удиловъ и знающей по ихъ напряженію, когда ей прибавить или убавить ходу, повернуть въ ту или другую сторону. Если „каждая выѣзженная лошадь есть чтецъ по мускуламъ“, то тѣмъ болѣе такимъ чтецомъ можемъ быть человѣкъ съ тонкою нервной организаціею, съ тонко развитымъ посредствомъ соотвѣтственныхъ упражненій мускульнымъ чувствомъ,—настолько развитымъ, что имъ раздѣльно и скоро воспринимаются всѣ малѣйшія вибраціи, незамѣтныя для простого глаза, прикасающейся ко лбу или другимъ частямъ руки, повидимому совершенно неподвижной (въ дѣйствительности совершенно неподвижнымъ не можетъ быть никакой органъ, какъ это опытами, при помощи прибора, доказываетъ Прейеръ, графически воспроизводя всевозможныя вибраціи указательнаго пальца разныхъ лицъ). Сущность чтенія по мускуламъ состоитъ въ слѣдующемъ. Когда загадывающій или наводитель упорно думаетъ о загаданномъ имъ, напр. № банковаго билета, т. е. живо представляетъ себѣ его фигуру, то чтецъ мыслей черезъ нѣсколько секундъ, не позднѣе какъ черезъ минуту, напишетъ его мѣломъ на стѣнной доскѣ или карандашемъ на бумагѣ, прикрѣпленной къ стѣнѣ. Для этого, если только нѣтъ мѣста фокусничеству, необходимо, чтобы наводитель, котораго мы для краткости назовемъ К., находился въ тѣлесномъ соприкосновеніи съ чтецомъ мыслей G. Лучше всего, если К. слегка наложитъ правую руку на правую руку G., въ которой тотъ держитъ карандашъ. Тогда происходитъ слѣдующее: К. очень живо представляетъ себѣ, какъ выглядывала бы первая цифра задуманнаго имъ числа, будучи напи-

сана на стѣнѣ, и какъ слѣдовало бы ее написать, а G. слѣдитъ за тѣмъ, чтобы рука его, держащая карандашъ, не произвела движенія, пока не почувствуетъ хотя бы малѣйшаго давленія или толчка. Когда же наступитъ этотъ моментъ, G. начинаетъ вести ну хоть мѣломъ именно по направленію давленія, т. е. внизъ, если давленіе сверху; вверхъ, если рука K замѣтно отстаетъ отъ его руки: направо, если давленіе боковое и т. д Задуманное число было, напримѣръ,

1, 2, 3. 4, 5, 6, 7, 8, 9, 0.

G. начинаетъ съ движенія кверху, но это скоро прекращается. такъ какъ K. надавливаетъ книзу, и рука G. опускается; получается написанная 1. Затѣмъ G. поднимаетъ руку и держитъ мѣлъ у 1; замѣчаетъ нѣсколько замѣтное уменьшеніе давленія на свою руку и въ тоже время легкое отклоненіе руки K направо, затѣмъ давленіе сверху внизъ и наконецъ рѣшительное движеніе направо,—2 окончено. Тоже и съ другими цифрами: 3 и 9 начинаются какъ 2, а способъ писанія остальныхъ цифръ понятенъ самъ собой изъ вышесказаннаго, если человѣкъ самъ продѣлалъ нѣсколько подобныхъ опытовъ. (*Прейера* стр. 46 и д.) „Существуютъ, по Прейеру, и другіе способы угадыванія мелодій, именъ, чиселъ и фигуръ, которые частью основаны на обыкновенномъ чтеніи мыслей.... частью же на преднамѣренномъ обманѣ“. при чемъ Прейеръ и разсматриваетъ эти пріемы.

Теоріею Прейера дѣйствительность магической способности прозорливости нисколько не опровергается. Этою теоріею объясняются далеко не всѣ факты, но только тѣ, которые совершаются при посредствѣ тѣлеснаго соприкосновенія. О непригодности объясненія обманомъ мы уже говорили выше, относительно же втораго пункта должно сказать, что чтеніе мыслей происходитъ и безъ тѣлеснаго соприкосновенія на разстояніяхъ. Факты этого рода (такъ называемое умственное внушеніе и передача мыслей, sug-

gestion mentale или la transmission des pensées) принимаются въ изслѣдованіяхъ Шарля Рише и другихъ французскихъ ученыхъ, производившихъ тщательныя многочисленныя наблюденія и опыты въ области чтенія на разстояніяхъ. Прейеръ въ своемъ сочиненіи о чтеніи мыслей вступаетъ съ ними въ полемику, но она касается лишь опытовъ Рише, не совсѣмъ удачныхъ по мнѣнію *Альфреда Фулье* [1]). Опыты Рише и другихъ французскихъ ученыхъ были четырехъ родовъ. Во первыхъ, угадывается карта, которую видитъ другой человѣкъ, сосредоточивая на ней все свое вниманіе, во вторыхъ, угадывается при тѣхъ же условіяхъ фотографическая карточка; въ третьихъ, при помощи гибкой палочки отгадывается картина или мѣсто, гдѣ спрятанъ извѣстный предметъ и въ четвертыхъ, угадывается извѣстное количество буквъ, составляющихъ задуманное слово. Объясненіе удачныхъ случаевъ отгадываній теоріею вѣроятности, излагаемою весьма убѣдительно Прейеромъ въ главѣ IV (объ опытахъ, имѣющихъ цѣлью доказать непосредственное перенесеніе мыслей), пожалуй и можно принять; тѣмъ не менѣе представляется совершенно незаконнымъ обобщеніе вывода изъ опытовъ Рише въ слѣдующее положеніе, какъ оно формулируется Прейеромъ: „нѣтъ ни одного факта, который заставлялъ бы допускать передачу мыслей безъ сознательнаго посредства, какъ временную даже гипотезу“ (стр. 62). Главная причина этого въ томъ, что помимо Рише опыты производились и другими и при томъ съ большимъ совершенствомъ (въ лучшей постановкѣ). По удостовѣренію Альфреда *Фулье* въ Англіи и Америкѣ существуетъ спеціальное психологическое общество для изслѣдованія этого явленія, т. е. непосредственной передачи мыслей въ гипнотизмѣ, а также и въ нормальномъ состояніи. Онъ сообщаетъ нѣсколько примѣровъ изъ опытовъ ученыхъ другихъ странъ: Пьера-

---

[1]) *M. Alfred Fouillée.* Le physique et le mental à propos de l'hypnotisme *Révue de deux mondes* 15 Mai 1891 p. 452.

Жане, Жиберта, Герикура, Дюсара, Майера, Марильe и Охоровича (русскаго). Они усыпляли, напр., умственнымъ внушеніемъ на разстояніи 500 метровъ и даже многихъ километровъ Дюсаръ сдѣлалъ болѣе сотни опытовъ этого рода, усыпляя и заставляя просыпаться внушеніемъ на разстояніи 5—10 километровъ. Тѣмъ же способомъ дѣлаются внушенія уже загипнотизованной личности. А. Фуллье разсказываетъ о слѣдующемъ опытѣ г. Охоровича съ его словъ (La suggestion mentale): „подними свою правую руку! Я сосредоточиваю свою мысль на правой рукѣ паціентки, какъ если бы это была моя рука, я себѣ воображаю какъ она поднимается... Первая минута: никакого дѣйствія; вторая минута: движеніе въ правой рукѣ; третья минута: движеніе усиливается, паціентка наморщиваетъ брови и поднимаетъ *правую руку*, которая падаетъ нѣсколько секундъ спустя... *Ступай къ своему брату и обними его!* Она поднимается, идетъ ко мнѣ, потомъ къ своему брату. Она водитъ руками около его головы, какъ бы ощупывая что-то, но его не касаясь, и останавливается передъ нимъ въ нерѣшительности, затѣмъ медленно прижимается и обнимаетъ его за голову, при чемъ въ больной замѣтна дрожь“ (*A. Fouillée* p. 453). Такимъ образомъ передаются не только мысли, но и чувства, напр. боль, примѣры чего приводятся тутъ же (p. 453). Фактъ чтенія мыслей на разстояніи представляется поэтому лежащимъ внѣ сомнѣнія. Что касается его объясненія (оно не входитъ въ наши задачи), то у эмпирической психологіи нельзя искать его. Только спиритуалистическая психологія удовлетворительно объясняетъ его воздѣйствіемъ одной души на другую черезъ пространство, воздѣйствіе непосредственное, обусловливаемое ихъ духовною природою, безъ участія тѣла. А. Фуллье не находится сказать ничего лучшаго, кромѣ— il y a des faits étranges de communication entre les cerveux et, par cela même, de communication entre les consciences. Или: le moyen de transmission, pour la pensée, doit être une mode d'energie vibratoire transmise par un

milieu: c'est le seul procédé par lequel des changements, dans une portion de matière, se reproduisent eux-mêmes en une autre portion de matière éloignée. De plus, il s'agit ici d'une reproduction par un cerveau de ce qui a lieu dans un autre cerveau. On peut admettre une certaine tension cérébrale, nerveuse et musculaire, capable de produire une orientation de la force nerveuse dans une seule direction et qui, par son intensité même, détermine des ondulations exterieures. Ces ondulations rencontrent un cerveau..., y produisent leur effet habituel malgré la distance. Faites résonner un diapason; un autre diapason, à l'unisson du premier, se mettra à résonner. Les ondulations sonores du premier se sont donc reproduites dans le second, grâce au milieu aérien qui les a transmises (p. 454 f.).

Центръ тяжести въ объясненіи прозорливости сомнамбулъ у Мори и Либо заключается въ томъ же, въ чемъ и у Прейера, т. е. въ воспріятіи ими безчисленныхъ неуловимыхъ мускульныхъ движеній, въ которыхъ воплощаются непремѣнно всѣ душевныя движенія. Точно также они отрицаютъ чтеніе безъ внѣшняго посредства. Мори признаетъ необходимымъ посредство слова, физіономіи или жеста. Мори не отрицаетъ случаевъ, когда для чтенія мыслей не требуется такого посредства въ силу установившагося между лицами пониманія, вслѣдствіе долгаго сожитія. Люди, долго жившіе вмѣстѣ, безъ словъ и съ полуслова понимаютъ другъ друга; у нихъ въ одно и то-же время часто возникаютъ однѣ и тѣ-же мысли. Онъ ссылается на примѣръ своей матери и своей жены. Но это собственно нельзя назвать тѣмъ, что разумѣется подъ communication des pensées. Наши мысли рождаются непроизвольно въ насъ подъ вліяніемъ множества безсознательныхъ внутреннихъ или внѣшнихъ ощущеній, и отсюда легко понять, что два лица, привыкшія другъ къ другу, долго жившія одною жизнью, по временамъ могутъ имѣть однѣ и тѣ же мысли. Прибавьте къ этому, на

появленіе одновременное одной и той-же мысли могутъ имѣть вліяніе предшествующіе разговоры или событія, свидѣтелями которыхъ они были. Это же должно сказать о магнетизерѣ и сомнамбулѣ [1])... Нельзя также забывать вліянія взора, ибо выраженіе глазъ есть своего рода языкъ. По выраженію глазъ насъ понимаютъ животныя, дѣти; точно также глаза часто выдаютъ самыя сокровенныя наши мысли: а извѣстно, какую роль играютъ глаза въ магнетизмѣ [2])! Но хотя бы даже, продолжаетъ Мори, успѣли доказать, чего до сихъ поръ еще не сдѣлано, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ совершаться передача мыслей на разстояніи, то и тогда отсюда слѣдовало бы только заключить, что вслѣдствіе тѣсной связи между двумя организмами, поставленными въ одни и тѣ-же условія, такая интеллектуальная операція выполняется одинаково въ обоихъ мозгахъ и достигаетъ одного и того-же результата. Здѣсь не нужно абсолютнаго тождества ума, а достаточно сходства въ психической организаціи (constitution); ибо извѣстные сіамскіе близнецы, которые были соединены только мясистымъ прибавкомъ, имѣли почти всегда въ одно и то-же время и не сообщаясь однѣ и тѣ-же мысли [3])... Сверхъ того такъ называемое сообщеніе мыслей (la communication de pensées) часто производится

---

[1]) Въ дѣйствительности это примѣнимо лишь къ немногимъ магнетизерамъ и сомнамбуламъ: магнетизерамъ также часто приходится дѣлать опыты надъ незнакомыми лицами. Въ такихъ случаяхъ теорія Мори оказывается совершенно непригодною.

[2]) Однако по своей добросовѣстности Мори сознается, что доказаннымъ вліяніе взора на чтеніе мыслей въ магнетизмѣ выдавать пока нельзя.. «Pour ce, qui est de pensées réellement développées, d'une dialogue qui se ferait mentalement entre le magnétiseur et le magnétisé, je n'ai, je le répète, aucune preuve vraiment concluante; et plusieurs observateurs exercést qui se sont maintes fois livrés à des experiénces à ce sujet, n'ont pu parvenir à reunir que des preuves assez douteuses» p. 336 f.

[3]) Неужели Мори когда-либо видалъ въ такихъ условіяхъ магнетизера и медіума, въ какихъ были близнецы?!

черезъ прикосновенія, напр. черезъ соединеніе рукъ. Но сколько чувствъ обнаруживается ничѣмъ инымъ какъ черезъ прикосновеніе, а когда нервная система черезчуръ возбуждена, какъ усиливается способность къ воспріятію самыхъ тонкихъ впечатлѣній и къ различенію различій неуловимыхъ въ нормальномъ состояніи! [1]). Это объясненіе усвоиваетъ себѣ и Либо съ небольшимъ дополненіемъ отъ себя. Онъ сознается, что его всегда сильно поражали факты этого рода у сомнамбулъ. „Не смотря на свидѣтельство людей компетентныхъ, наше мнѣніе о нихъ не допускаетъ какой-нибудь трансцедентальной способности коммуникаціи мыслей... Мы не отрицаемъ ни одного факта передачи мыслей, но въ отношеніи къ этимъ фактамъ нашъ способъ объясненія отличается отъ того, какой употребляется въ объясненіяхъ, принимающихъ трансцедентальную способность. Мы присоединяемся къ основателю мнѣнія М. А. Мори [2]). Теорія Мори у Либо дополняется указаніемъ на потенцированіе чувствительности интеллектуальныхъ силъ у сомнамбулъ, спобствующее наиболѣе отчетливому воспріятію разнообразнѣйшихъ и неуловимыхъ въ нормальномъ состояніи мускульныхъ воплощеній мыслей. „Искать объясненій внѣ потенцированія (surexcitation) чувствъ, говоритъ Либо, это значитъ погружаться въ туманъ"! [3]). Для наибольшаго подкрѣпленія этой своей теоріи чтенія мыслей Либо, какъ и Мори, ссылается на солидарность и взаимное сродство душъ, какъ условія, способствующія чтенію мыслей [4]). „Мы, говоритъ онъ, встрѣчали нѣсколько лицъ и, между другими, одного изъ своихъ друзей и его жену, которымъ иногда случалось видѣть совершенно одни и тѣ-же сны одновременно въ одну

---

[1]) *Maury* p. p. 335 f. f

[2]) *Liébeault* p. 123—124

[3]) Ibid. 124.

[4]) Мы уже имѣли случай раньше замѣтить, что эта ссылка не можетъ имѣть большого примѣненія, а, слѣдовательно, и вѣса.

и ту же ночь. Эти лица, живя вмѣстѣ, испытывали однѣ и тѣ-же впечатлѣнія, занимались однѣми и тѣми-же мыслями и въ силу ассаціаціи идей, имѣвшихъ одинаковыя точки отправленія, имѣли сны сходные“ [1]).

Если бы кто рѣшился признать за объясненіями Мори и Либо какое-либо значеніе, то лишь по отношеніи къ весьма небольшой группѣ фактовъ,—по отношеніи къ чтенію самыхъ элементарныхъ (простыхъ) и заурядныхъ мыслей, имѣющихъ уже стеоретипныя и всѣмъ извѣстныя мускульныя выраженія, а также по отношеніи къ лицамъ только находящимся между собой въ обязательно требуемыхъ теоріей условіяхъ тождества или, по крайней мѣрѣ, родства душъ. Но въ такомъ случаѣ все значеніе этихъ теорій свелось бы къ такому *minimum'y*, съ которымъ ничего почти нельзя было бы здѣсь объяснить и который вполнѣ пригоденъ былъ бы лишь для объясненія чтеній по мускуламъ лошадью мыслей своего кучера. Читатели убѣдятся въ этомъ. если мы приведемъ хотя одинъ образчикъ сложнаго человѣческаго, а не лошадинаго чтенія мыслей. Заимствуемъ его у Перти. Онъ сообщаетъ объ одномъ прозорливцѣ, Zschokke, его собственными словами: „При встрѣчѣ съ какимъ-нибудь незнакомымъ мнѣ лицемъ, когда я молча слушалъ его, иногда случалось, что вся его прошлая жизнь проходила предъ моими умственными очами, какъ яркій сонъ, въ нѣсколько минутъ со многими ея мелочами, или только отдѣльныя изъ нея сцены“. Когда Zschokke разсказывалъ нѣсколькимъ лицамъ о томъ, что онъ увидѣлъ въ нихъ, и они все подтверждали, на него самого нападалъ ужасъ. Однажды онъ, встрѣтившись въ лѣсу съ незнакомымъ ему молодымъ человѣкомъ, отгадалъ изъ его жизни важный секретъ, какъ этотъ человѣкъ однажды совершилъ кражу изъ кассы своего принципала, при чемъ точно описалъ эту кассу и комнату, въ которой она была. Тотъ подтвердилъ всѣ это. Обыкновенно прозорливость Zschokke прояв-

---

[1]) *Liébeault* p 125.

лялась по отношеніи къ лицамъ ему незнакомымъ и посторонним“ [1]). Изъ этой исторіи явствуетъ, что чтеніе мыслей совершается какъ разъ вопреки требованію теоріи Мори и Либо,—что бы оно имѣло мѣсто не только между знакомыми, но даже родственными душами. Кромѣ того постояннымъ камнемъ преткновенія теоріи какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ примѣрахъ прозорливости является то обстоятельство, что угадываются чтецами не только наличныя душевныя состоянія человѣка, но и прошлая его жизнь, даже съ подробностями, можетъ быть имъ самимъ позабытыми; спрашивается, на основаніи какихъ мускуловъ будетъ тогда производиться такое чтеніе? Да и возможно-ли вообще предполагать какую нибудь игру мускуловъ, въ которой отражались бы ряды сложныхъ состояній настоящаго и прошедшаго въ жизни лица? Есть-ли какія-либо мускульныя движенія, по которымъ можно было-бы узнавать Zschokke и ему подобнымъ, какъ зовутъ №, гдѣ онъ жилъ, въ какихъ мѣстахъ былъ, съ какими людьми зналъ, въ какомъ платьѣ ходилъ и т. п. Одинъ прозорливецъ докторъ во время визита больному, продолжительно посмотрѣвъ на него, сказалъ, что онъ два раза покушался на жизнь жены и теперь еще не оставляетъ своего намѣренія... Пацiентъ поблѣднѣлъ и во всемъ сознался[2]). Какія мускульныя движенія существуютъ, спрашивается, для выраженія такого сложнаго состоянія, какъ намѣреніе убить свою жену? Потребовались-бы особыя мускульныя движенія для выраженія намѣренія вообще убивать, а во-вторыхъ—убивать именно женъ; кромѣ того, надо было бы предполагать существованіе точныхъ отпечатковъ или слѣдовъ прежнихъ двукратныхъ попытокъ пацiента на убійство жены. Въ дѣйствительности, какъ бы далеко не простиралась игра мускуловъ, вообще способность мускульнаго воплощенія душевныхъ состояній, во всякомъ случаѣ она не можетъ от-

---

[1]) *Perty* B. II 266.

[2]) *Perty* B. II 266.

ражать все мелкое и случайное: можно легко узнать преступника или намѣревающагося совершить преступленіе, можетъ быть: есть, пожалуй, нѣкоторый приблизительный типъ убійцы—и только. Вышеуказанный докторъ, по условіямъ научной теоріи чтенія мыслей, самое большее—могъ бы только найти своего пацієнта подозрительнымъ. заподозрить его въ намѣреніи совершить что то дурное, напр. убійство. Остальное не умѣщается въ ея рамки,—и въ этомъ-то ея и непригодность. Если бы дѣло шло дѣйствительно о такихъ самыхъ обычныхъ заключеніяхъ по закону вѣроятности, то намъ и не требовалась бы помощь разныхъ теорій. Но жизнь представляетъ факты, серьезно требующіе объясненія. Дурнымъ теоріямъ остается для прочистки себѣ пути отрицать факты. Такъ, дѣйствительно, и поступаютъ въ другихъ случаяхъ; но въ данномъ случаѣ по крайней мѣрѣ одинъ изъ ученыхъ, теоріи которыхъ мы разсматриваемъ, самъ отрѣзываетъ себѣ путь къ этому спасительномому средству смѣлымъ и отчасти великодушнымъ заявленіемъ: Nous ne nions pas aucun fait de transmission de pensée etc (p. 124). Тѣмъ лучше.

Въ способности ретроспективнаго видѣнія прошедшаго, къ которому мы не имѣли непосредственнаго отношенія. точно также, какъ и въ предвѣдѣніи будущаго душа возвышается надъ законами обычнаго нормальнаго познанія, требующаго, чтобы въ интересахъ его всякій разъ происходило непосредственное взаимодѣйствіе и взаимное отношеніе между познающимъ субъектомъ и познаваемымъ объектомъ. Въ силу такого требованія всякій разъ предметъ познанія долженъ быть передъ познающимъ въ наличности. Отсюда слѣдуетъ ограниченность нашего знанія по пространству и по времени: если мы не можемъ знать такихъ предметовъ, которые не передъ нами, то мы не можемъ знать: 1) предметовъ далекихъ по пространству и 2) далекихъ по времени. По времени предметы прошедшаго такъ же далеки отъ насъ, какъ и предметы будущаго,—они равно не могутъ быть передъ

нами, а потому далекое будущее намъ такъ же недоступно, какъ и далекое прошедшее, знаніе же а) прошедшаго и б) будущаго есть разныя стороны одной и той-же магической способности познавательной.

Пользуясь этою ретроспективною способностью сомнамбулъ и разныхъ психопатовъ, открываютъ воровъ и вообще преступниковъ, находятъ затерявшіяся вещи, пропавшихъ людей и т. п. Сообщаемъ нѣсколько примѣровъ по Perty. Въ одномъ семействѣ пропало дитя и всѣ старанія родителей найти его были безуспѣшны. Они обратились къ сомнамбулу Калликсту, и послѣдній сообщилъ, что ребенокъ утонулъ, и указалъ даже мѣсто катастрофы, гдѣ ребенокъ дѣйствительно и былъ найденъ.—Баадеръ разсказываетъ объ одной странствующей сомнамбулѣ, что она безъ всякаго побужденія сказала одному врачу, что онъ полгода тому назадъ потерялъ свое кольцо и считалъ его украденнымъ, но что оно на самомъ дѣлѣ находится въ одной изъ книгъ его шкафа, куда оно попало въ то время, когда онъ за чтеніемъ уснулъ, а потомъ положилъ книгу на свое мѣсто въ шкафъ. Сообщеніе сомнамбулы оправдалось.—Нѣкто Морилленъ, rue de Charenton № 43 въ Парижѣ, безслѣдно исчезъ 31 Января 1858 г. Думали, что онъ погибъ отъ руки злодѣя. Его дочь наконецъ обратилась за помощью къ сомнамбулѣ г-жѣ Рожеръ, и эта послѣдняя дала о пропавшемъ точныя свѣдѣнія съ минуты его исчезновенія изъ дома, 3 часа пополудни, до 7 часовъ вечера, когда онъ по ея словамъ долженъ былъ вернуться. Съ нимъ случился апоплексическій ударъ, подробности котораго сомнамбула описала съ большою точностью: она сказала, что при паденіи онъ получилъ рану на лбу и упалъ въ воду Сены, она указала и мѣсто, гдѣ его можно было найти и гдѣ его дѣйствительно нашли [1]). Нашъ философъ *Авсѣевъ* пытается объяснить эту способность сомнамбулъ, и мы приведемъ его объясненіе дословно „Душа

---

[1]) У *Perty* на В. II, 242 f. f.

сомнамбулъ воспоминаетъ всю прошедшую жизнь свою—и при томъ не по обыкновеннымъ законамъ ассоціаціи идей, а вдругъ и во всей полнотѣ цѣлостной, какъ одну живую картину. Это происходитъ такимъ образомъ.—Въ душѣ нашей есть какая-то глубина—какъ бы лоно жизни, откуда все исходитъ и куда снова все, что человѣкъ въ теченіе жизни ни мыслитъ, ни чувствуетъ, ни желаетъ, возвращается, чтобы составить одно цѣлостное — нравственную природу души, куда не проникаетъ свѣтъ обыкновеннаго сознанія; ибо оно для него, такъ какъ оно дѣйствуетъ подъ условіемъ нервной системы, преграждается. Но, какъ ни глубоко это сокровенное лоно жизни, содержаніе его не потеряно для души; въ душѣ, кромѣ сознанія разсудочнаго, которое всегда скользитъ только по одной поверхности души, есть еще глубочайшее самосознаніе — непосредственнѣйшее (а не условливаемое состояніемъ нервной и формами разсудка) проявленіе самой души, которымъ она можетъ освѣщать для себя самую глубину существа своего; отблескъ этого сознанія мы видимъ въ совѣсти, которая въ счастливыя минуты разоблачаетъ предъ нами самые сокровенные помыслы,—представляетъ предъ наши взоры вдругъ цѣлую картину жизни со всѣми ея оттѣнками Но свѣтъ этого высшаго сознанія скрывается въ насъ какъ бы подъ спудомъ. Напряженная дѣятельность разсудка, опирающагося на нервной системѣ, поподавляетъ его (на время), подобно какъ и вообще въ насъ сознательная дѣятельность разума безсознательную дѣятельность сердца. Такимъ образомъ главная причина, полагающая преграду дѣйствію въ насъ духовнаго созерцанія, есть постоянное напряженіе разсудка и нервной системы; значитъ, когда эта сознательная жизнедѣятельность ослабѣетъ, тогда естественно это сознаніе должно пробудиться. Такимъ образомъ дѣйствительно при упадкѣ, изнуренныхъ дѣятельностью, разумно-свободныхъ силъ и нервной системы, иногда раскрывается какъ-бы самое лоно души, на горизонтѣ разливается какое-то сіяніе свѣта, проникающаго самые сокровенные

изгибы сердца,—а передъ смертію, когда упадаютъ совершенно и разсудокъ и память и даже самосознаніе, пробуждается сознаніе, обозрѣвающее всю жизнь въ цѣлости со всѣми ея видоизмѣненіями. Подобное нѣчто происходитъ съ душею и въ состояніяхъ магнитныхъ. Въ нихъ, какъ извѣстно, дѣйствіемъ манипуляціи нервная—мозговая система упадаетъ, а вмѣстѣ съ нею свертывается къ центру и личность; значитъ, для сомнамбулы преграда, препятствующая сознанію освѣщать глубину серца, не существуетъ; и потому сознаніе ея погружается въ самую глубину сердца; но погрузившись оно здѣсь должно найти все содержаніе прошедшей жизни. Ибо въ душѣ ничто не пропадаетъ, а все слагается въ одно цѣлое, вѣчный характеръ души, такъ что душа въ своей глубинѣ есть единая рѣка жизни, слагающаяся изъ различныхъ потоковъ мыслей, чувствованій и желаній,—и вотъ какимъ образомъ происходитъ ясновидѣніе прошедшаго, при упадкѣ обыкновеннаго сознанія“ [1]). Это объясненіе касается лишь одной группы фактовъ, относящихся только къ видѣнію своего прошедшаго, очень легко, впрочемъ, объяснимаго и безъ предположенія какой-либо магической способности однимъ потенцированіемъ памяти. Въ такую-же ошибку впадаетъ, между прочимъ, и Перти, когда въ сборникѣ такъ называемыхъ имъ „эпимеитическихъ“ сновъ (основанныхъ на ретроспективной магической способности), помѣщаетъ сны, проще объясняющіеся потенцированіемъ памяти [2]).

Теперь обращаемся къ болѣе подробному разсмотрѣнію способности предвѣдѣнія будущаго съ различною степенью ясности, въ зародышѣ существующей у каждаго человѣка, но особенно обнаруживающейся въ нѣкоторыхъ особенныхъ состояніяхъ. Точнаго и опредѣленнаго термина эта способ-

---

[1]) *Авсеневъ* р. р. 201—203 (Сборникъ лекцій профессоровъ Кіевской Духовной Академіи 1869).

[2]) См. t. II, 390—398, напр. сны Секкендорфа, Скалигера, Фламинія и др.

ность знать будущее не получила: ее называютъ то предчувствіемъ, то предвѣдѣніемъ, то пророчествомъ и т. д., смотря по тому, какъ она обнаруживается. Когда будущее болѣе чувствуется, чѣмъ сознается, тогда говорятъ о предчувствіи, предвидѣніи (Ahnung, pressentiment, prevision); когда оно и сознается—о предвѣдѣніи, пророчествѣ и т. п Мы будемъ говорить объ этой способности во всѣхъ ея проявленіяхъ, и просимъ извинить, что не употребляя какого нибудь одного опредѣленнаго названія, будемъ пользоваться разными названіями способности знать будущее за неимѣніемъ въ языкѣ слова, которое могло-бы со всею полностью выражать это понятіе. За недостаткомъ такого слова мы предпочитаемъ употреблять терминъ, входящій, кажется, въ употребленіе на западѣ, именно—дивинація (отъ divinare; напр. Divinationsvermögen, la divination и т. п [1])

Достовѣрность дивинаціи выше всякаго сомнѣнія; для тѣхъ-же, которымъ не пришлось быть лично ея свидѣтелями, существуютъ спеціальные сборники разсказовъ объ этихъ фактахъ, такъ многое въ этомъ родѣ собрано Шплитгербером въ его сочиненіи „Сонъ и Смерть“, Перти, Ласолемъ [2]), М. Погодинымъ [3]) и др. Изъ этого богатаго матеріала мы представимъ типичные образчики разнаго рода предчувствій и предвѣдѣній будущаго. Чаще всего дивинація проявляется по отношеніи къ личной судьбѣ и лицъ близкихъ, рѣже—лицъ чужихъ, еще рѣже—къ судьбѣ народа и всего чело-

---

[1]) Латинское divinatio представляется болѣе пригоднымъ въ данномъ случаѣ, чѣмъ всѣ другія названія, по широкому смыслу, заключающемуся въ семъ словѣ; хотя съ этой стороны оно же и неудобно, потому что обозначаетъ: 1) самую способность души узнавать будущее на основаніи общности природы съ богами (deus) и 2) искусство..... узнавать будущее, пользуясь: а) этой способностью и б) общеніемъ съ богами.

[2]) *Lasaulx* «Die prophetische Kraft der menschlichen Seele in Dichtern und Denkern» Munchen 1858.

[3]) *М. П. Погодинъ.* Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ Изд. 3-е Москва 1875.

вѣчества. Содержаніемъ дивинаціи служатъ наиболѣе важные моменты въ жизни личности, ея близкихъ, или въ народной и всемірной исторіи, напр. смерть, опасности, важные перевороты и т. п. Такимъ образомъ дивинація раздѣляется а): *по лицамъ*, къ которымъ она относится, и б) *по содержанію*, которое она въ себѣ заключаетъ

а) *Предвѣдѣніе своей судьбы* [1]). Марія Антуанетта за нѣсколько лѣтъ до начала французской революціи гуляла въ паркѣ Тріанона въ одно утро съ своей фрейлиной. Вдругъ встрѣтился съ ней неизвѣстный человѣкъ, который тотчасъ удалился. Однако, взглянувъ на него мелькомъ, королева ощутила въ себѣ какой-то необъяснимый ужасъ, что и высказала фрейлинѣ. Это и былъ именно тотъ пивоваръ Сантеръ, который впослѣдствіи заявилъ себя такимъ врагомъ королевской фамиліи и присутствовалъ при казни короля. Извѣстный Марбургскій профессоръ математики Бемъ однажды, находясь въ пріятномъ обществѣ, вдругъ почувствовалъ неодолимую потребность идти домой, хотя ему тамъ совсѣмъ нечего было дѣлать. Войдя въ свою комнату, онъ почувствовалъ новое непреодолимое побужденіе переставить свою кровать съ прежняго мѣста на новое менѣе удобное, чему подчиняется, хотя и неохотно. Сдѣлавши это, онъ возвращается въ общество. Тамъ онъ остался ужинать, а въ 10 часовъ возвратился домой и легъ спать. Въ полночь онъ просыпается отъ сильнаго треска и грохота; встаетъ и видитъ, что тяжелая балка съ досками упала на то мѣсто, гдѣ стояла его кровать.

Дивинація, касающаяся близкихъ [2]). Императрица Жозефина, супруга Наполеона I, славилась чрезвычайно развитою способностью предвидѣть результаты предпріятій своего супруга, именно неудачныхъ. Кромѣ того, она нѣсколько разъ спасала жизнь Наполеона I-го предвѣдѣніемъ грозив-

---

[1]) Примѣры у *Splittgerber'a* (237--239)

[2]) Примѣры у *Splittgerber'a* 239—248.

шихъ ему заговоровъ. Максъ Симонъ говоритъ объ одной своей знакомой, что она во время недолговременнаго отсутствія изъ своего дома поспѣшила домой съ увѣренностью, что ея сестрѣ, которую она оставила совершенно здоровою, грозитъ серьезная опасность. Едва она переступила порогъ дома, какъ ей сказали, что съ ея сестрой случилось сильное кровотеченіе изъ горла и что ея жизнь въ опасности.

Дивинація, касающаяся чужихъ. Лихтенбергъ, ложась вечеромъ въ постель, вдругъ почувствовалъ какой-то неодолимый страхъ передъ огнемъ и какъ бы приливъ тепла въ своихъ ногахъ. Вслѣдъ затѣмъ послышался звонъ пожарныхъ колокольчиковъ, но пожаръ былъ въ очень отдаленномъ домѣ. Погодинъ сообщаетъ среди многихъ случаевъ предсказаній чужой судьбы одинъ замѣчательный случай подобнаго рода, когда одному офицеру, Коховскому, предсказалъ судьбу совершенно неизвѣстный ему, призванный имъ по дѣлу, каретникъ, (что онъ будетъ повѣшенъ) [1]).

б) *Предвѣдѣнія смерти.*—Король французскій Генрихъ IV имѣлъ опредѣленное предчувствіе своей насильственной смерти и въ день своей смерти говорилъ своему приближенному Сёлли: „другъ мой, мнѣ бы не надо совсѣмъ выходить: я знаю, что со мной сегодня случится несчастіе“. Жанъ-Поль-Рихтеръ за 30 лѣтъ предсказалъ мѣсяцъ и число своей смерти.—Погодинъ сообщаетъ много замѣчательныхъ случаевъ предсказаній смерти, разсказанныхъ подробно и живо, напримѣръ про Татищева, изъ временъ царствованія Императрицы Елизаветы Петровны, который будучи вполнѣ здоровъ, наканунѣ своей смерти причастился Святыхъ Таинъ и велѣлъ рыть себѣ могилу—и др. [2]).

Предчувствія разныхъ опасностей и бѣдъ. Пасторъ Доддъ въ одинъ вечеръ почувствовалъ потребность посѣтить своего

---

[1]) Первоначально этотъ случай разсказывается на страницахъ «Русской Старины» М. Н. Новицкимъ (1874 г. Сентябр. книга стр. 179).

[2]) См. стр. 5 и далѣе.

друга, жившаго въ разстояніи мили отъ него, самъ не отдавая себѣ отчета въ цѣли своего визита. Всѣ въ домѣ спали при его приходѣ, исключая самого друга, отворившаго ему со словами: „самъ Богъ послалъ васъ ко мнѣ! я растратилъ деньги своихъ дѣтей и вотъ въ моемъ карманѣ веревка, которою я хотѣлъ покончить съ собой“.—Профессоръ математики въ Роштокѣ послѣ посѣщенія друзей, во время котораго были богословскіе разговоры, идетъ въ библіотеку достать нужную ему для справки книгу. Тутъ онъ вдругъ видитъ самого себя за столомъ на своемъ письменномъ стулѣ, и это другое его я указываетъ пальцемъ на раскрытую передъ нимъ библію. Онъ указывалъ на мѣсто изъ пророка Исаи: „управь свой домъ, ибо ты умрешь“ (XXXVIII, 1). Испуганный онъ возвращается въ общество, гдѣ напрасно его стараются успокоить: онъ твердо стоялъ на томъ, что долженъ умереть, и торжественно простился со своими друзьями. Дѣйствительно на слѣдующій день онъ умеръ [1]). Одинъ молодой человѣкъ, сообщаетъ Максъ-Симонъ, поѣхалъ разъ повидаться со своими родителями, встрѣтился по дорогѣ съ двумя офицерами, съ которыми онъ условился ѣхать вмѣстѣ на почтовыхъ. Когда онъ долженъ былъ сѣсть въ карету, онъ почувствовалъ какое то странное чувство, которое какъ бы парализовало его: сѣсть въ карету ему казалось невозможнымъ. Офицеры, замѣтивши измѣненіе въ чертахъ его лица, спросили его, что съ нимъ; онъ объяснилъ имъ, въ чемъ дѣло. Они предложили ему помочь сѣсть, но молодой человѣкъ отказался окончательно. Офицеры уѣхали, онъ остался, но вскорѣ волненіе прошло у него и онъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы продолжать путь. Когда онъ подъѣхалъ къ берегамъ Эльбы, онъ увидѣлъ собравшуюся толпу народа, и на его вопросъ, что случилось, ему отвѣтили, что какая-то карета съ лошадьми упала въ рѣку и что два офицера, сидѣвшіе въ ней, утонули.—Другой случай.

---

[1]) *Splittgerber'a* p. 267—268.

Однажды аббатъ Монтморенъ вошелъ въ церковь св. Людовика и опустился на колѣни, чтобы молиться, какъ вдругъ онъ почувствовалъ сильное желаніе перемѣнить мѣсто. Не находя нужнымъ подчиниться этому чувству, онъ продолжалъ молиться, но наконецъ имъ овладѣло такое волненіе, что онъ всталъ и пошелъ на противоположную сторону церкви. Не успѣлъ онъ опуститься на колѣни, какъ упалъ камень со свода на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ прежде. Совершенно таковъ же случай съ Беккеромъ, передаваемый Шплиттербергомъ, который при возвращеніи домой долго не могъ рѣшиться войти въ домъ; только что передъ этимъ въ его домѣ обрушился потолокъ. Много подобнаго древніе сообщаютъ о Сократѣ. Сократъ принималъ участіе въ неудачной битвѣ подъ Деліемъ и во время отступленія не захотѣлъ вмѣстѣ съ прочими бѣжать по одной изъ трехъ дорогъ, но выбралъ другую. На вопросъ, почему онъ такъ дѣлаетъ, Сократъ отвѣчалъ, что его не пускаетъ демонъ. Тѣ, которые бѣжали другою дорогою, наткнулись на непріятельскую конницу. Цицеронъ говоритъ, что подобныхъ доказательствъ предвѣдѣнія Сократа (divinatio) собрано многое множество Антипатромъ)[1]. Максъ-Симонъ разсказываетъ слѣдующій случай, бывшій съ его отцомъ. Когда однажды онъ возвращался вечеромъ домой, ему пришла мысль, что его домъ горитъ. Эта мысль такъ навязчиво начала преслѣдовать его, что онъ ускорилъ шаги. Когда онъ подходилъ къ дому, ему сообщили, что уже полчаса тому назадъ вспыхнулъ пожаръ въ его домѣ. Онъ отсутствовалъ только нѣсколько часовъ.

Дивинація народно-и всемірно-историческихъ событій [2]). Примѣровъ ея многое множество у разныхъ народовъ и въ разныя времена. По Гомеру *Калхасъ* предсказалъ девятилѣтнюю осаду Трои. *Эсхилъ* въ своемъ „Прикованномъ Про-

---

[1]) Cicero. De divinatione Lb. I, cap. LIV.

[2]) Сборники примѣровъ въ книгѣ *Lasaulx*, у *Splittgerber'a* p. p. 313—380, у Perty B. II, 313—347.

метеѣ“ (v. 755 и sq.)—паденіе язычества [1]); *Платонъ* [2]) и Виргилій [3]) пришествіе Логоса, Мессіи; Іосифъ Флавій **судьбу Іерусалима,** а полководцу Веспасіану предсказалъ, что послѣдній будетъ послѣ Нерона императоромъ [4]). Въ средніе вѣка прорицаніями прославился знаменитый авва *Бернаръ Клервосскій* Онъ предсказалъ, напр, исходъ втораго крестоваго похода, Людовику VI, королю Франціи, враждовавшему съ церковью, смерть его сына. *Данте* († 1321), великій поэтъ среднихъ вѣковъ, въ своей „Божественной Комедіи“ предсказалъ паденіе папства и Реформацію, за что называется часто „пророкомъ Реформаціи“ [5]). *Савонаролла,* къ отличавшему его дару прозорливости, которому удивлялись современники, присоединялъ даръ пророчества, такъ онъ предсказалъ, напр, во время полнаго мира между Италіею и Франціею нападеніе на Италію короля Французъ-

---

[1]) «Самъ Зевсъ съ Олимпа будетъ свергнутъ съ пришествіемъ лучшаго и сильнѣйшаго его потомка, когда духъ человѣческій освободится отъ своихъ оковъ».

[2]) Apol. Socr. p. 117. 118. De rep. VI, p. 179. 209. Phaed. p 61. Gorgias p. 58 и въ другихъ мѣстахъ.

[3]) *Virgil.* eclog. IV: «Pollion».

[4]) Свѣдѣнія объ этомъ имѣются не только въ его собственномъ сочиненіи Bellum Jud., но и у римскихъ историковъ *Dio Cass.* LXVI, 1, *Sueton* Vesp. c. 5; а еврейское преданіе приписываетъ это пророчество *Р. Іонахану-бенъ-Саккаю.* Не смотря однако на множество свидѣтельствъ; оно подверглось сомнѣнію и по вопросу о немъ составилась даже обширная литература, указанія на которую мы находимъ у нѣмецкаго необогослова *Шюрера* (Schurer) въ его Geschichte des judischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi Zw-te Aufl. Leipzig» 1890 Th. I, Heft 2, p. 514 Самъ авторъ безъ всякихъ основаній хочетъ умалить силу факта, когда замѣчаетъ: Wahrscheinlich hat Josephus ein paar allgemeine Phrasen nachträglich zu einer formlichen Weissagung umgestaltet» ibid.

[5]) См., напр., *Чистилище* v. 106—111, XXIII, 37—45. Подобныя же пророчества о Реформаціи находитъ церковный историкъ Неандеръ у *Гуса*: «Kirchengeschichte» B. VI 5. 594—595.

скаго Карла VIII, судьбу Медичисовъ во Флоренціи и т. п. [1]). О *Нострадамусѣ* (род. въ Реми, на югѣ Франціи 1503 г. и умеръ профессоромъ медицины въ Монпелье 1566 г.) существуетъ обширная литература; многія его предсказанія замѣчательны по буквальной точности исполненія (въ отличіе отъ общей характеристической черты дивинаціи—*приблизительности*). Въ своихъ знаменитыхъ четверостишіяхъ онъ предсказываетъ отдаленнѣйшія событія Французской исторіи, относящіяся ко временамъ даже второй имперіи, такъ думаютъ, онъ предсказалъ главнѣйшія событія періода времени 1789—1793: Французскую Революцію, казнь короля, кровопролитіе въ Парижѣ и напрасныя попытки къ возвышенію принца Орлеанскаго [2]). Изъ многихъ новѣйшихъ предсказаній извѣстно предсказаніе *Лейбница* о Французской революціи.

Древняя классическая литература (греческая и римская) полна свидѣтельствами всеобщей вѣры древняго міра въ дивинацію. Во первыхъ здѣсь, въ сочиненіяхъ Цицерона, Плутарха, Тита Ливія, Ксенофонта, Геродота, Платона и др., собрано множество фактовъ или образчиковъ дивинацій въ древнее время; во вторыхъ, здѣсь мы находимъ весьма ясно высказанныя мнѣнія о способности человѣческой души къ знанію будущаго.

Не считая нужнымъ приводить эти классическіе образцы дивинаціи, мы остановимся нѣсколько на загадочной личности *Сократа*, поражавшаго всѣхъ древнихъ чрезвычайно развитою способностью проникать въ будущее и служившаго для нихъ наглядымъ доказательствомъ существованія въ человѣкѣ такой способности, особенно замѣтно проявля-

---

[1]) См. примѣры у *Splittgerber* 336—337. Протестанты приписываютъ многія предсказанія *Лютеру*, см. ibid. 339—341.

[2]) Въ Cent. III, 49. IX, 11 III, 51; см. о Нострадамусѣ у Splittgerber'a 344—351. Въ Cent. I, 60 VIII, 57 II 66 VIII, 43 содержатся по единогласному всѣхъ толкованію пророчества о Наполеонѣ I.

ющейся лишь у нѣкоторыхъ немногихъ лицъ [1]). И писатели новаго времени посвятили не мало изслѣдованій для рѣшенія загадочнаго вопроса о „демонѣ“ Сократа, голосу котораго онъ приписывалъ свои предсказанія и который руководилъ его поведеніемъ, удерживая отъ неразумнаго и вреднаго [2]). Древніе, какъ и самъ Сократъ, приписывали

---

[1]) Въ новое время фамилія Гете отличалась этою родовою чертою, начиная съ дѣда и кончая имъ самимъ. См. у *Perty* B. II 269 f. f.

[2]) Plat. Theag. p 128 D.: ἔστι γάρ τι θεία μοῖρα παρεπόμενον ἐμοὶ ἐκ παιδὸς ἀρξάμενον δαιμόνιον. ἔστι δὲ τοῦτο φωνή, ἥ ὅταν γένηται, ἀεί μοι σημαινει, ὃ ἂν μέλλω πράττειν, τοῦτο ἀποτροπεῖν, προτρέπει δὲ οὐδέποτε, καὶ ἐάν τίς μοι τῶν φίλων ἀνακοινῶται καὶ γένηται ἡ φωνή, ταυτὸν τοῦτο ἀποτρέπει καὶ οὐκ ἐᾷ πράττειν. Cicero. De divin. I cap. IV. p. 122: Hoc nimirum est illud, quod de Socrate accepimus, quodque ab ipso in libris Socraticorum saepe dicitur, esse divinum quiddam, quod δαιμόνιον apellat, cui semper ipse paruerit, numquam impellenti, saepe revocanti. Далѣе здѣсь Цицеронъ сообщаетъ и образцы дивинаціи Сократа при помощи его «демона». Спеціально по этому вопросу въ древности писалъ еще *Плутархъ* въ De genio Socratis (Περὶ τοῦ δαιμονίου Σωκράτους). Изъ новыхъ извѣстны изслѣдованія и эпизодическія замѣтки: *Lelut* «Du demon de Socrate, spécimen d'une application de la science psychologique à celle de l'histoire» 1856; *Max-Simon* p. p. 154—161 (Chap. VIII); *Splittgerber* p. 262, его-же «Aus dem innern Leben» p. p. 63—69; *Lasaulx* «Des Socrates Leben, Lehre und Tod» Munchen 1857 p. p. 17—33. Можно къ этому упомянуть объ исторіи философіи Zeller'a (т. 2), гдѣ довольно тщательно излагаются разнообразныя сужденія о демонѣ Сократа, при томъ не стоящія упоминанія по своей незначительности, какъ и объясненіе самаго Целлера демона «индивидуальнымъ тактомъ», во всякій моментъ руководившимъ словами и поступками Сократа (пророческій элементъ не объясняется). При посредствѣ, главнымъ образомъ, Целлера составленная статья въ «Вѣра и Разумъ» 1891 № 12 г. *А. Введенскаго* «Демоніонъ Сократа» предназначается «установить конечный результатъ изученія вопроса» (стр. 484) посредствомъ, между прочимъ, сравнительно критической оцѣнки разныхъ теорій (изъ каковыхъ разбирается, собственно, одна, если, въ виду незначительности, не считать теоріи, Целлера и Декарта). «Ознакомившись съ литературою вопроса» (стр. 487) по Zeller'у, (котораго авторъ, какъ можносудить изъ нѣсколько разъ повтореннаго эпитета «знаменитый» (стр. 484, 494, 498,

этотъ голосъ божеству; одни изъ новыхъ видѣли въ немъ голосъ совѣсти, то-же голосъ божества, нисколько не объясняя его пророческаго характера; другіе, съ психологической точки зрѣнія, выдавали голосъ Сократова демона прежде всего за внушенія его собственнаго высшаго я, въ которыхъ обнаруживались и даръ пророческій, и совѣсть [1]); третьи, наконецъ, считаютъ голосъ Сократова демона за простыя слуховыя галлюцинаціи, а пророческое содержаніе этихъ галлюцинацій, слѣдовательно, геніальными мыслями и идеями, возникавшими безъ вѣдома самого Сократа въ глубинѣ его геніальнаго ума. Послѣдняго мнѣнія держатся Лелю и Максъ-Симонъ. Чтобы объяснить пророческій характеръ слуховыхъ галлюцинацій Сократа, Максъ-Симонъ обращается за помощью вышеизложенной нами своей теоріи

---

499) особенно цѣнитъ), но, за исключеніемъ Ласоля и Фулье, не принявъ во вниманіе какъ новой спеціальной литературы по данному вопросу, такъ и древнихъ Плутарха и Цицерона, авторъ, вслѣдъ за Фулье, только повторилъ одну изъ ходячихъ теорій (внушенія демоніона—простая интуиція безсознательныхъ рѣшеній мысли въ соединеніи съ «психологическою», а отчасти—религіозною иллюзіею, по скольку Сократъ приписывалъ «голосъ» Божеству) Считая необходимымъ подойти къ предмету и «со стороны метафизической дедукціи» (стр. 485) т. е., просто говоря, дать освѣщеніе явленію съ какой нибудь метафизической точки зрѣнія, г. *А Введенскій* съумѣлъ придти къ заключенію, что хотя «демоніонъ» Сократа можетъ быть сведенъ на интуицію съ добавленіемъ иллюзіи, «однако остается мѣсто и для высшаго Дѣятеля» (въ смыслѣ идеи объ общемъ промыслѣ Божественномъ). Что касается метафизической точки зрѣнія, позволившей ему «подойти къ предмету со стороны метафизической дедукціи», то она выражена имъ такъ:.... «въ области таинственнаго, превышающаго наше ограниченное пониманіе, вступаютъ въ міръ тѣ идеальныя начала, тѣ силы, которыми стоитъ и созидается не только наша, но и вся вообще—универсальная (!) жизнь» (стр. 484). Эта метафизическая точка зрѣнія смѣшиваетъ таинственное (непонятное) съ идеальнымъ и ставитъ научное изслѣдованіе явленій въ весьма затруднительное положеніе....

[1]) Напр. *Splittgerber* p. 262.

безсознательнаго мышленія. Онъ говоритъ: „безсознательное мышленіе совершается у всѣхъ людей; но очевидно, что его результаты пропорціональны качеству ума. Пустые у людей обыкновенныхъ, они становятся геніальными созданіями у людей высшихъ. Безсознательное мышленіе есть причина вдохновенія поэта, геніальныхъ рѣшеній полководца. Это напередъ выработанныя мысли, которыя являются въ нужный моментъ или, если хотите, это концепціи, элементы которыхъ, если можно такъ выразиться, разсѣяны и которые въ нужномъ случаѣ соединяются и внезапно появляются въ видѣ опредѣленнаго сужденія и кажутся тогда настоящимъ вдохновеніемъ. Когда мы принуждены бываемъ обдумать вопросъ, требующій большого напряженія, мы въ концѣ концовъ по инстинкту предоставляемъ его безсознательной работѣ своего мозга, давая нѣкоторымъ образомъ созрѣть желанному рѣшенію. Таковъ смыслъ пословицы: „утро мудренѣе вечера“. Но время, необходимое для выработки безсознательнымъ мышленіемъ окончательныхъ рѣшеній, конечно, должно быть меньше для однихъ и больше для другихъ умовъ и нѣтъ сомнѣнія, что именно это безсознательное мышленіе диктовало Сократу его быстрыя рѣшенія, мудрость которыхъ оправдывалась событіями“ [1]). Въ основѣ этого мнимо-научнаго объясненія лежитъ двойная ошибка. Во первыхъ, допущеніе безсознательнаго мышленія и, во вторыхъ, отождествленіе предчувствія съ безсознательнымъ мышленіемъ. Первую ошибку мы разбирали, со второю мы будемъ имѣть дѣло ниже.

Имѣя передъ собою такое живое доказательство существованія дивинаціи, какимъ былъ Сократъ, древніе поэты и философы не колебались приписывать человѣческой душѣ прирожденную способность предвѣдѣнія и предчувствія будущаго,—всѣ, за небольшими исключеніями. Всѣмъ извѣстно, что въ пиѳагорейской школѣ по примѣру *Пиѳагора* не

[1]) *Max-Simon* p. p. 159—160.

только теоретически признавалась пророческая способность, но и практиковалась мантика въ ея различныхъ видахъ. *Эмпедоклъ* приписывалъ эту способность только избраннымъ душамъ, и то въ спеціальной области: поэту—въ области поэзіи, доктору—медицины и т. д. Вѣра въ предчувствіе у *Сократа* засвидѣтельствована ясно во многихъ мѣстахъ сочиненій Платона и Ксенофонта, его учениковъ [1]). Большею частію Сократъ приписывалъ знаніе людей о будущемъ прямымъ откровеніямъ боговъ, [2]) но отчасти основаній для него онъ искалъ въ самой душѣ человѣка, что особенно мы замѣчаемъ у его учениковъ. *Платонъ* для многихъ пророчествъ не считаетъ нужнымъ воздѣйствіе божественное, приписывая ихъ способности души при извѣстныхъ условіяхъ знать будущее; она проявляется въ людяхъ, ведущихъ серьезную, правильную, разумную жизнь, заботящихся больше о духѣ, именно о разумной его части, чѣмъ о тѣлѣ [3]). *Ксенофонтъ* держится мнѣнія, что душа собственными силами способна узнавать будущее въ силу своего родства съ божественнымъ духомъ, въ особенности въ нѣкоторыхъ своихъ состояніяхъ, напримѣръ передъ смертью [4]). *Аристотель*, отвергая сверхестественное основаніе для мантики т. е. откровеніе боговъ, тѣмъ не менѣе, отчасти признавалъ ее, по скольку она основывается на естественной способности человѣческой души предчувствовать и знать будущее, прирожденной человѣку. По Аристотелю душа узнаетъ будущее не вслѣдствіе откровенія боговъ, но въ силу своей собственной природы, и эта способность проявляется по нему въ нѣкоторыхъ особенныхъ состояніяхъ, напр во снѣ и передъ смертью, [5]) а также въ нѣкоторыхъ психопатологическихъ

---

[1]) Plat *Criton*, 2, 44; *Phaedon*, 60; *Apolog.* 33.

[2]) Xenoph. *Cyrop.* III. 1, 5; *Memorab.* IV, 3, 12; I, 4, 14.

[3]) De republ IX. p. 572.

[4]) Cyrop VIII, 7, 21.

[5]) De divinat. per somn. I p. 462, 12 f. f.

состояніяхъ, напр. въ меланхоліи и экстазѣ [1]). *Плутархъ* принимаетъ врожденную пророческую способность души, дремлющую въ ней, пока не вызоветъ ее какое-нибудь физическое (нервное) потрясеніе, называя такое состояніе энтузіазмомъ. Въ этомъ состояніи энтузіазма душа подъ вліяніемъ духа пророческаго дрожитъ, какъ струна подъ смычкомъ. Въ такомъ состояніи душа дѣлается орудіемъ Бога какъ тѣло служитъ орудіемъ души [2]). Идеи Платона, Ксенофонта и Аристотеля болѣе полное развитіе получили въ *стоической* школѣ. Стоики, напр. *Хризиппъ и Посейдоній*, взявшіе подъ свою собственную защиту мантику, между разнобразными основаніями для нея одно указывали въ самомъ духѣ человѣческомъ. Духъ человѣческій въ силу своего родства съ богами, въ тѣхъ состояніяхъ, когда онъ отрѣшается отъ тѣла вполнѣ или отчасти, можетъ безъ помощи боговъ и внѣшнихъ чувствъ узнавать будущее. Такимъ удобнымъ состояніемъ является, между прочимъ, сонъ, въ которомъ душа, отрѣшаясь отъ тѣла и земныхъ заботъ, ближе становится къ богамъ и дѣлается болѣе удобнымъ орудіемъ откровенія боговъ. „Когда душа, говоритъ Посейдоній, во снѣ освобождается отъ общенія и соприкосновенія съ тѣломъ, тогда она вспоминаетъ прошедшее, видитъ настоящее и предвидитъ будущее [3]). Хотя люди по самой природѣ своей, общей съ богами (a natura deorum haustos animos et libatos habent) имѣютъ способность знать будущее, однако обнаруженію ея въ бодрственномъ состояніи

---

[1]) *Cicero*. De divin. I, Cap. XXXVIII: Aristoteles quidem eos etiam, qui valetudinis vitio furerent et melancholici dicerentur, censebat habere aliquid in animis praesagiens atque divinum.

[2]) Plut *Defect orac*, 40, 48; *De Pyth. orac.*, 21.

[3]) De divinat. I, XXX p 63. Quod multo magis, говорится тамъ, faciet post mortem, quum omnino corpore excessit Itaque appropiquante morte multo est divinior. Nam et id ipsum vident, qui sunt morbo gravi et mortifero affecti, instare mortem, что доказывается фактами, напр. предсказаніемъ умиравшаго Гектора близкой кончины Ахиллесу.

препятствуетъ то обстоятельство, что тогда люди заботятся болѣе о земномъ, чѣмъ о душѣ и божественномъ, и разобщаются съ богами, скованные тѣломъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ душа, освобождаясь отъ тѣла, погружается въ созерцаніе самой себя,—всего своего содержанія, того, что она отъ вѣчности знаетъ, когда жила въ высшемъ мірѣ духовъ [2]). Не лишне замѣтить, что по ученію стоиковъ существуютъ три источника для дивинаціи: a) собственная природа человѣческой души, родственная природѣ боговъ, b) прямыя откровенія боговъ; c) соприкосновеніе души съ безчисленнымъ множествомъ безсмертныхъ духовъ, которые наполняютъ собою весь воздухъ и въ которыхъ ясно отпечатлѣны знаки истины [3]). Ученіе стоиковъ о дивинаціи находится въ связи съ ихъ ученіемъ о судьбѣ, въ силу котораго увеличивалась способность души проникать въ будущее. По этому ученію міровой порядокъ представляетъ изъ себя необходимое сцѣпленіе причинъ и дѣйствій; но по извѣстнымъ знакамъ можно узнавать существованіе причинъ, изъ которыхъ должны вытекать извѣстныя слѣдствія, такъ что всякимъ событіямъ предшествуютъ извѣстныя знаменія [4]).

---

[1]) De divin. I, XLIX p 110 ср. LVII, p. 129; L, p. 113 и LI, p. 115 особ.

[2]) Viget animus in somnis, liberque est sensibus et omni impeditione curarum, jacente et mortuo paene corpore. Qui quin vixit, ab omni aeternitate versatusque est cum innumerabilibus animis. omnia, quae in natura rerum sunt, videt, si modo temperatis escis modicisque potionibus ita est effectus, ut sopito corpore ipse vigilet. Haec somniantis est ratio. Ср. под. м. у *Аммiана Марцеллина* въ XIV. 11 и *Немезія* въ „De natura hominis“ p. 97, ed. Oxon.

[3]) In quibus (animis) tanquam insignitae notae veritatis appareant, говоритъ Посейдоній, (1, XXX, 64), что по объясненію комментаторовъ значитъ—знаютъ истину и потому могутъ сообщить ее людямъ.

[4]) Объ отношеніи ученія стоиковъ о судьбѣ (Fatum) къ ученію о дивинаціи см. Lib. I. Cap. LVI; LII и LVII.

Если соединить въ одно цѣлое мнѣнія древнихъ о дивинаціи, то мы получаемъ вполнѣ законченное ученіе о природѣ и происхожденіи ея. Древніе указываютъ точно источники дивинаціи въ а) прирожденной способности магическаго знанія, въ б) общеніи съ сверхчувственнымъ міромъ безтѣлесныхъ существъ и в) въ прямыхъ откровеніяхъ боговъ; они почти вполнѣ исчерпываютъ также вопросъ объ условіяхъ дивинаціи вообще (въ древности существовала для этого особая наука или искусство: теургія или мантика), и въ частности магической способности. Главнѣйшимъ условіемъ, изъ котораго вытекали всѣ другія, они считали нѣкоторое отрѣшеніе души отъ тѣла (ея высшей части), выходя не только изъ общаго понятія, совершенно вѣрнаго, о превосходствѣ чисто-духовнаго начала передъ матеріальнымъ, но и изъ невѣрнаго дуалистическаго противоположенія духа тѣлу, какъ его темницѣ. Отсюда всѣ состоянія, въ которыхъ духъ отчасти или вполнѣ становится независимымъ отъ тѣла, и духовное начало въ человѣкѣ беретъ перевѣсъ надъ матеріально-чувственнымъ, признавались удобными условіями для проявленія профетическихъ способностей души и вообще ея высшихъ способностей: сонъ, смерть, экстазъ, меланхолія и тяжелыя болѣзни, понижающія и угнетающія дѣятельность тѣла на счетъ души, являлись именно такими состояніями. Вполѣдствіи мы увидимъ, что древніе владѣли искусствомъ преднамѣренно для тѣхъ или иныхъ цѣлей ставить себя въ положенія, удобныя для обнаруженія высшихъ магическихъ силъ души (мантика). Вообще должно сказать, что по отношеніи къ разсматриваемому нами предмету древность завѣщала нашему времени и именно спиритуалистической психологіи ученіе, вполнѣ разработанное, не оставляя намъ сказать что-либо новое. Задача новой спиритуалистической психологіи теперь лежитъ не здѣсь, а въ исправленіи и устраненіи нѣкоторыхъ недостатковъ древнеклассической теоріи. Въ христіанской философіи она не можетъ быть принята цѣликомъ уже по тому одному, что носитъ

на себѣ общій всѣмъ явленіямъ древности языческій отпечатокъ. Въ частности, у стоиковъ теорія эта имѣетъ пантеистическо-дуалистическую подкладку; кромѣ того ея посылками служатъ и другіе нехристіанскіе элементы древнеязыческой философіи. Подъ одинаковыми словами здѣсь поэтому часто скрывается глубокое и существенное различіе. Вотъ примѣры. Стоики справедливо утверждаютъ, что пророческая способность человѣческой души основывается на сродствѣ ея природы съ природою Божественною. Такъ и мы утверждаемъ это сродство на основаніи ученія о сотвореніи человѣка по образу и подобію Божію и о воплощеніи Сына Божія. Однако-же здѣсь разница существенная: у стоиковъ наше богоподобіе представляется пантеистически, у насъ теистически, по стоикамъ души человѣческія суть части общей міровой души (animi a natura deorum *exhausti* et *libati*), ея изліянія, похристіански души относительно самостоятельныя и личныя существа, вызванныя благостію Божества изъ небытія къ бытію (сотворенныя изъ ничего). Стоики относительно проявленія пророческой способности во снѣ говорятъ, что это происходитъ вслѣдствіе большей возможности духу, въ отрѣшеніи отъ тѣла, погружаться въ самого себя и тамъ созерцать, въ своемъ вѣчномъ содержаніи, образы всего сущаго. Очевидно для всякаго, что тайной посылкой этого взгляда служитъ заимствованное съ Востока (изъ Индіи) ученіе о вѣчномъ предсуществованіи душъ. Вотъ почему древне-класическое ученіе о дивинаціи въ христіанской философіи должно быть подвергнуто значительной переработкѣ. Но эта переработка касается не основныхъ положеній его, а ихъ аргументаціи; основныя же положенія объ а) источникахъ и б) условіяхъ дивинаціи могутъ быть приняты цѣликомъ, какъ оно и есть, и съ христіанской точки зрѣнія. Источниками дивинаціи надо признать: а) душу человѣческую; б) Бога и в) воздѣйствіе духовъ. Главное условіе для проявленія пророческой способности души, выставленное древними, должно быть

принято,—именно господство духа надъ тѣломъ и его независимость отъ чувственности; а принявъ это условіе, мы должны принять также и слѣдствія, вытекающія изъ него, т. е. подобно древнимъ признать, что естественная дивинація легче обнаруживается у людей, ведущихъ духовную жизнь, а также вообще во снѣ, передъ смертью, въ экстазѣ и другихъ необыкновенныхъ состояніяхъ организма, напр. въ сомнамбулизмѣ и гипнотизмѣ. Во всѣхъ этихъ состояніяхъ болѣе или менѣе нарушается равновѣсіе между духомъ и тѣломъ съ повышеніемъ духовной дѣятельности, что признается, какъ выше видѣли, и современными учеными.

И мы дѣйствительно видимъ, что новая спиритуалистическая философія, главнымъ образомъ въ школѣ Шуберта, въ объясненіи дивинаціи болѣе или менѣе примыкаетъ къ древней теоріи. *Шубертъ* основное условіе для проявленія пророческой способности души указываетъ, какъ и древніе, въ отрѣшеніи души отъ тѣла, и въ связанныхъ съ нимъ состояніяхъ, по его терминологіи, „психическаго высвобожденія“ (магическія явленія это-die Erscheinungen der psychischen Entbundenheit)[1]), каковы: сонъ[2]), аскетизмъ[3]), болѣзни и смерть[4]). *Перти*, среди многихъ психопатологическихъ состояній, условіемъ естественной дивинаціи ставитъ близость смерти[5]). Слѣдуя началамъ древней теоріи, арх. Херсонскій *Иннокентій* точно также говоритъ: „Во снѣ естественномъ душа въ извѣстной мѣрѣ отрѣшается отъ тѣла, во снѣ искусственномъ она отрѣшается отъ него болѣе; въ обмираніи еще болѣе, а въ смерти и еще болѣе“[6]). Не безъ вліянія древнихъ стоиковъ, а также философіи

---

[1]) B. II, 48.

[2]) Ibid. 30.

[3]) Ibid. 35.

[4]) Ibid. 48 f.

[5]) B. I, 48—49.

[6]) Арх. Херсонскій *Иннокентій* стр. 185.

Шуберта, онъ же пишетъ о снѣ, какъ условіи естественной дивинаціи, слѣдующее: „Во снѣ пространство и время для души почти не существуютъ. Потому она въ это время соединяетъ въ одну, такъ сказать, точку прошедшее, настоящее и отчасти будущее, и живетъ жизнью, превышающею жизнь обыкновенную. Она въ то время чувствуетъ себя свободною отъ пространства и времени; видитъ прошедшее; заглядываетъ въ будущее, проникаетъ въ дѣла другихъ“ [1]). Еще очевиднѣе вліяніе древней философіи въ слѣдующихъ сужденіяхъ арх. Иннокентія о магическихъ способностяхъ души: „Еще со временъ древнихъ тѣло называли темницею души, недозволяющею ей дѣйствовать по ея желанію. Тѣло для нея оковы, которые она силится расторгнуть. По этому древніе признавали тѣло произведеніемъ злаго духа. Новѣйшіе подтвердили мысль сію, нашедши въ душѣ высокую, необыкновенную сторону, которая развивается въ болѣзняхъ или отъ случайныхъ обстоятельствъ, также и во снѣ, вслѣдствіе добродѣтельной жизни. Отъ чего это происходитъ? Отъ того, что въ подобныхъ случаяхъ душа освобождается отъ обыкновенныхъ формъ пространства и времени [2]) *Шплитгерберъ*, посвятившій обширную монографію таинственнымъ магическимъ явленіямъ дивинаціи во снѣ и передъ смертью, сравнительно съ древними стоиками не высказываетъ ничего существенно новаго, только въ объясненіи природы пророческой способности видоизмѣняетъ древне-стоическое ученіе о родствѣ человѣческой души съ божественнымъ духомъ въ христіанскомъ смыслѣ, когда говоритъ, напр.: „Способность предчувствія есть преломленный лучъ первоначальнаго божественнаго образа и слабый отблескъ Божественнаго существа“ [3]), или: „только въ богоподобной природѣ человѣческаго духа заключается послѣднее основаніе для всѣхъ

---

[1]) Ibid. стр. 57

[2]) Ibid. стр. 56—57.

[3]) *Splittgerber* p. 272.

предсказаній во снѣ и на яву“ [1]), или: „въ силу библейскаго ученія о сотвореніи человѣка по образу и подобію Божію человѣку до извѣстной степени прирождено высшее знаніе и должно таиться въ зародышѣ у каждаго человѣка, хотя вслѣдствіе отпаденія отъ Бога и связаннаго съ нимъ ниспаденія въ область низшаго земного бытія оно затемнилось. Отсюда также вполнѣ понятно, что это высшее знаніе обнаруживается всякій разъ, какъ духъ, освобождаясь отъ этой омрачающей его связи съ чувственностью, получаетъ возможность раскрыть свою истинную высшую природу и сдѣлаться орудіемъ откровеній въ видѣ предчувствій, видѣній и пророческаго предвѣдѣнія. Такимъ образомъ, какъ все высшее и необыкновенное, такъ и пророческая способность человѣческой души въ концѣ концовъ коренится въ глубинѣ души и ея существенномъ родствѣ со всевѣдущимъ Богомъ“ [2]).

Впрочемъ, кромѣ новой постановки *нѣкоторыхъ* подробностей въ аргументаціи ученія, мы должны отмѣтить и нѣкоторыя дополненія къ древне-стоическому ученію о натуральной дивинаціи. *Авсеневъ*, напр., представляетъ нѣкотораго рода попытку новаго изъясненія естественной человѣческой способности знать будущее, когда пишетъ: „Время не есть что-либо безсвязное, а напротивъ есть нѣчто органически цѣлое, стройный порядокъ бытія, отъ вѣчности существующій въ умѣ Божественномъ и раскрывающійся послѣдовательно въ дѣйствительномъ бываніи тварей; слѣдовательно, всѣ вѣка суть только моменты одного бытія, суть частные круги одного великаго периферія ограниченной жизни, такъ что тому уму, который поставленъ въ самомъ центрѣ круга времени, который созерцаетъ идею міра, раскрывающуюся во времени, естественно открывается вся цѣлость существующаго и бывающаго. Человѣкъ не видитъ

---

[1]) Ibid. p. 273.

[2]) Ibid. p. p. 380—381.

этой цѣлости потому, что онъ поставленъ въ одномъ пунктѣ времени—въ одномъ настоящемъ. Такая ограниченность его одними настоящими явленіями міра главнымъ образомъ зависитъ отъ тѣла, которое по тѣсной связи съ духомъ погружаетъ его въ міръ явленій; ибо духъ по природѣ своей созданъ не для настоящаго, частнаго, а для вѣчнаго, общаго, неизмѣннаго. Значитъ, когда духъ отрѣшится отъ тѣла и вступитъ въ свою собственную сферу общаго, то естественно увидитъ тамъ не одни быстролетныя явленія настоящаго, а и прошедшее, изъ котораго они развиваются, и будущее, начало коему они полагаютъ своимъ бытіемъ, увидитъ вѣчный порядокъ, который осуществляется во времени. Въ этотъ порядокъ входятъ и свободныя дѣйствія человѣка; ибо свобода человѣка никогда не можетъ разрушить плановъ Божественной премудрости, перемѣнить ходъ событій, а напротивъ она только выполняетъ идею творца. И такъ для духа отрѣшившагося отъ тѣла, есть возможность предвидѣть будущее. Эта-то возможность и становится для человѣка въ магнитномъ состояніи дѣйствительностію“ [1]). Онъ же весьма хорошо разъясняетъ значеніе для ясновидѣнія отрѣшенія души отъ тѣла во снѣ: „Во глубинѣ своего существа нашла душа внутренно состоитъ въ связи съ L) самымъ Божественнымъ Духомъ, всеобъемлющимъ и всепроницающимъ, который таинственно влечетъ ее къ себѣ своею Божественною красотою; значитъ, когда душа низойдетъ во внутреннюю глубину существа своего, то она черезъ это вступитъ во внутренній союзъ съ Богомъ; здѣсь причина, почему въ больной на высшей степени открывается особенно возвышенное чувство религіи, любовь къ Божественному съ подобными себѣ существами міра духовнаго; ибо она есть гражданка царства духовнаго; значитъ, по отрѣшеніи отъ тѣла, уединяющаго ее отъ міра духовнаго, она естественно должна вступить въ общеніе съ духами; отсюда

---

[1]) *Аксеневъ* стр. 205—206.

понятно, какъ сомнамбула видитъ духовъ и бесѣдуетъ съ ними“ [1]). У новыхъ писателей можно также находить указаніе нѣкоторыхъ новыхъ условій для проявленія магическихъ способностей. *Перти* условіемъ для проявленія дальновидѣнія выставляетъ, между прочимъ, симпатію по отношеніи къ лицамъ, которыя служатъ предметомъ дальновидѣнія, хотя эта способность можетъ проявляться и безъ этого условія [2]). Подобнымъ же образомъ *Шернеръ* въ качествѣ необходимаго условія дивинаціи ставитъ, чтобы лица и предметы ея глубоко и сильно затрогивали сердечные интересы ясновидящаго; а потому любовь или симпатія является естественно важнымъ условіемъ дальновидѣнія по отношеніи къ такимъ или инымъ лицамъ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, что предметомъ дивинаціи всегда почти служатъ важныя событія въ судьбѣ ясновидящаго, его близкихъ и его народа. Шернеръ находитъ, что сонъ является благопріятнымъ условіемъ именно потому, что во время его дѣятельность сердца нисколько не прекращается и даже усиливается [3]). Онъ же объясняетъ проявленіе дивинаціи во снѣ особымъ состояніемъ нервной системы, хотя и темно. Во снѣ почти совсѣмъ прекращается периферическая дѣятельность нервной системы и нервная сила отливаетъ, такъ сказать, вовнутрь организма; благодаря этому-то душа пріобрѣтаетъ во снѣ способность непосредственнаго созерцанія и дѣятельности, т. е. безъ посредства органовъ внѣшнихъ чувствъ, „потому что концетрированной нервной силы совершенно достаточно для произведенія того, что возможно было при ея раздробленіи и раздѣленіи въ бодрственномъ состояніи лишь при посредствѣ вспомогательнаго дополненія внѣшнихъ чувствъ“ [4]). Авсеневъ условіемъ ясновидѣнія

[1]) Стр 207.

[2]) B. I, 40 f. ср. Splittgerber'a 83 f.

[3]) Scherner Das Leben des Traums p p. 329—331. 353.

[4]) Ibid p. p. 328—329 ср. *Maury*: «La prévision naturelle étant une faculté, on se explique aisement que des conditions cérébrales particulières puissent en faciliter, en étendre l'exercice» p. 311.

(предчувствія) считаетъ пониженіе самосознанія и сознательной дѣятельности (личности): „Въ бодрственной жизни предчувствіе бываетъ заглушено разумною дѣятельностію; но когда упадаетъ личность, тогда оно и пробуждается во всей своей силѣ“ [1]). Точно также Шплитгерберъ, основываясь на фактѣ существованія предчувствій у животныхъ, ставитъ предчувствіе у человѣка въ связь съ такими душевными состояніями, въ которыхъ личное самосознаніе ослабѣваетъ. Онъ даже находитъ возможнымъ заявить будто-бы на основаніи наблюденія, что предчувствіе всего сильнѣе развивается на низшихъ ступеняхъ умственной жизни, напр, у некультурныхъ народовъ, и выставить въ качествѣ закона обратно пропорціональное отношеніе между предчувствіемъ и умственнымъ развитіемъ личности.

По нашему мнѣнію послѣднее условіе въ дѣлѣ дивинаціи представляется неважнымъ и сомнительнымъ даже, по крайней мѣрѣ, для мнѣнія Авсенева и Шплитгербера нѣтъ фактическихъ основаній; напротивъ въ собранныхъ самимъ же Шплитгербером фактахъ въ качествѣ ясновидящихъ выступаютъ даже такія историческія лица, какъ: Гомеръ, Эсхилъ, Горацій, Θукидидъ, Платонъ, Сенека, Флавій, Беконъ. Данте, Лютеръ, Лейбницъ и другіе. Во всякомъ случаѣ Шплитгербера опровергаютъ имъ же самимъ приводимые факты [2]).

[1]) *Стр. 199.*

[2]) Считаемъ нелишнимъ упомянуть, что пророческая способность въ новой литературѣ признается не одними представителями спиритуалистической философіи и богословами, но людьми иного направленія мыслей, напр. *Бэкономъ Верулам-скимъ*, который говоритъ: «естественное пророчество, имѣющее свое начало во внутренней силѣ души, основывается на томъ, что душа, погружаясь въ саму себя, сообразно со своей божественной сущностью, имѣетъ нѣкоторое предчувствіе будущаго, которое особенно обнаруживается въ сновидѣніяхъ, въ экстазѣ, передъ смертію, а иногда и въ бодрственномъ состояніи при полномъ тѣлесномъ здоровьи». (De dignit. et augment. scientiarum IV, 3 p. 116—117). Мнѣніе *Lasaulx'a* см въ его книгѣ *Die prophetische Kraft* p 43 на Шеллинговской пантеистической подкладкѣ; о другихъ, напр. о Brierre-de-Boismond'ѣ *Perty* B. II, 243 и у Splittgerber'a p. 271 f.

Наконецъ, здѣсь должно разсмотрѣть такое научное объясненіе дивинаціи, которымъ отрицается основаніе для нея въ какихъ-либо магическихъ способностяхъ души: мы имѣемъ въ виду уже извѣстное объясненіе *(М. Симона* и др.) предчувствія гипотезою безсознательнаго мышленія. Предчувствіе есть слѣдствіе безсознательной работы мышленія, отъ которой до сознанія доходятъ лишь ея послѣдніе, конечные результаты. Такъ какъ предчувствующій совершенно не сознаетъ самаго процесса логическаго, при посредствѣ котораго мышленіе дошло до такого или иного вывода, то появленіе въ сознаніи одного только вывода или какой нибудь идеи, безъ видимыхъ основаній, производитъ на предчувствующаго впечатлѣніе внѣшняго и какъ бы сверхъестественнаго откровенія. Такимъ образомъ, повидимому, гипотезою безсознательнаго мышленія удовлетворительно объясняется характеръ непосредственной очевидности, непроизвольности и непреодолимости идей, возникающихъ въ состояніи предчувствія. По Максъ-Симону такое предчувствіе или безсознательное мышленіе есть самое обыкновенное явленіе въ жизни каждаго, только не всѣ обращаютъ на него вниманіе. Но Мори считаетъ врожденнымъ даромъ эту способность къ быстрымъ и мѣткимъ концепціямъ безъ сознанія самаго логическаго процесса вслѣдствіе быстроты его, хотя не отказываетъ въ ней и всѣмъ въ извѣстной мѣрѣ: „способность предвидѣнія, существующая въ большей или меньшей степени у всѣхъ, можетъ развиваться чрезвычайно у нѣкоторыхъ индивидуумовъ, особенно подъ вліяніемъ обстоятельствъ, способствующихъ чрезмѣрному возбужденію мозга. У очень многихъ сомнамбулъ умственныя способности пріобрѣтаютъ большую интенсивность; развивается замѣчательная проницательность... Но пусть не забываютъ, что естественная проницательность не всегда есть результатъ опыта, медленнаго и терпѣливаго наблюденія: это врожденный даръ ума (un don inné de l'esprit), какъ филологическая проницательность, помогающая съ перваго взгляда схваты-

вать смыслъ темнаго текста, какъ математическій геній, замѣчающій такія отношенія линій и чиселъ, которыя недоступны большинству, даже послѣ продолжительныхъ размышленій. Въ области познавательной уму можно приписать своего рода тактъ, который въ жизни принадлежитъ волѣ и характеру; тактъ можетъ развиваться, но не пріобрѣтаться упражненіемъ. Благодаря такту умственному, смыслъ и ходъ событій угадывается сразу, на что потребовались бы годы безъ него [1]). По *Шпитта*, напротивъ, онъ болѣе результатъ упражненія, чѣмъ даръ врожденный. Указывая на фактъ нѣкотораго рода проницательности, обнаруживаемой особенно женщинами и дѣтьми въ отношеніи къ лицамъ совершенно незнакомымъ (такъ называемыя симпатія и антипатія), а также и на другіе факты мимоходомъ, Шпитта отрицаетъ существованіе за ними какой-нибудь особенной пророческой способности. Онъ держится того мнѣнія, что человѣкъ всегда живетъ и дѣйствуетъ руководясь разумомъ, а не внезапными впечатлѣніями и предчувствіями; вмѣстѣ съ Кантомъ онъ говоритъ: „всякое предчувствіе есть призракъ“, потому что „какъ можно предчувствовать то, чего еще нѣтъ?“ Предчувствія—это сужденія, возникающія на основаніи темныхъ понятій о причинномъ отношеніи вещей, такъ что „лучшій пророкъ всегда есть тотъ, который, оглядываясь назадъ, совѣтуется съ добытыми опытами и въ своемъ умѣ подготовляетъ планъ будущаго“ [2]).

Если даже и призналъ-бы кто возможнымъ существованіе безсознательнаго мышленія (а этого сдѣлать нельзя, какъ видѣли), то и тогда гипотезою безсознательнаго мышленія ничего не достигалось бы въ объясненіи предчувствія. Правда, съ формально—психологической стороны предчувствіе со свойственнымъ ему характеромъ непроизвольности и непосредственной убѣдительности, повидимому, объясняется

---

[1]) *Maury* p. p. 310—311.

[2]) Spitta *Die Schlaf und Traumzustande* p. p. 260—262.

удовлетворительно; но оно совершенно не объясняется ни въ одномъ случаѣ со стороны своего содержанія. Скажемъ нѣсколько словъ о недостаточности объясненія предчувствія съ его формальной стороны и подробнѣе о совершенной непригодности по отношеніи къ реальной сторонѣ.

Наблюденія надъ фактами предчувствія показываютъ, что гипотеза безсознательнаго мышленія недостаточна для объясненія ихъ непроизвольности и непосредственной достовѣрности. По этой гипотезѣ содержаніе предчувствія кажется субъекту его постороннимъ и непосредственно очевиднымъ внушеніемъ лишь потому, что до его сознанія не дошли посылки его въ безсознательномъ мышленіи. Въ дѣйствительности же субъекты предчувствія никогда не могутъ указать основаній для своихъ предчувствій потому, что ихъ не бываетъ въ такихъ случаяхъ и быть не можетъ по той хотя бы причинѣ, что субъектъ не находитъ ихъ въ своемъ *сознательномъ мышленіи.* Если въ состояніи полнаго сознанія субъектъ не можетъ себѣ найти основанія для объясненія своего предчувствія (а это фактъ), то, спрашивается, какимъ чудомъ могли бы оказаться они въ безсознательномъ мышленіи? Если не знаніе основаній предчувствія субъектами его объяснять забывчивостью, то какъ не назвать необъяснимымъ чудомъ такую забывчивость,—какъ объяснить, что никогда и ни въ какихъ случаяхъ предчувствующіе не могли дать отчета въ своихъ предчувствіяхъ, т. е. другими словами, вспомнить кое-что изъ безсознательнаго процесса мышленія, ему предшествовавшаго? Какимъ образомъ объяснить въ данномъ случаѣ неспособность субъекта перевести свои до—или безсознательныя состоянія въ состояніе сознательной мысли, что ему всегда удается въ другихъ случаяхъ? Почему только въ этомъ случаѣ человѣкъ долженъ быть на степени неразумнаго животнаго, лишеннаго возможности переводить безсознательныя и внѣсознательныя свои состоянія въ сознательныя, когда отличительная черта его разумной природы въ томъ и состоитъ, что онъ имѣетъ спо-

собность самыя сложныя и запутанныя движенія своей души, имѣющія свои корни во врожденныхъ инстинктахъ. переводить на ясный языкъ мысли и сознанія? Конечно, все это такіе вопросы, на которые не можетъ быть хорошаго отвѣта. Въ справедливости сказаннаго всякій убѣдится при самомъ легкомъ анализѣ фактовъ предчувствія. Совершенно здоровый человѣкъ заявляетъ своимъ роднымъ, что онъ завтра умретъ; конечно, у него нѣтъ и не можетъ быть никакихъ основаній для такого заявленія. Спрашивается, если нѣтъ такихъ основаній въ его сознательномъ мышленіи, такъ въ какомъ еще мышленіи они могли бы оказаться?! Если читатели помнятъ разсказъ Макс-Симона о молодомъ человѣкѣ, условившемся ѣхать съ двумя офицерами на почтовыхъ и отказавшемся сѣсть въ карету безъ видимой причины, то они легко поймутъ, что если такой причины вообще не было, то не могло быть основаній для предчувствія въ безсознательномъ мышленіи. Когда аббатъ Монтморенъ чувствуетъ неодолимую потребность передвинуться съ одного мѣста на другое; когда Беккеръ безъ всякой причины къ собственному своему удивленію не можетъ рѣшиться войти въ свой домъ, а Сократъ бѣжать отъ непріятеля вмѣстѣ съ другими по одной дорогѣ; то какія могли быть основанія или посылки ихъ предчувствія, когда ихъ вообще не было и не могло быть? Защитники гипотезы заставляютъ вѣрить себѣ на слово, когда утверждаютъ существованіе того, чего нельзя доказать и чего они не доказываютъ (предшествующая ясновидѣнію безсознательная работа мышленія). Нельзя не признать, что пріемъ, употребляемый здѣсь учеными,— ссылаться для объясненія явленія на предшествующія фикціи и объяснять неизвѣстное неизвѣстнымъ-же, отличается большою наивностью: они похожи на тѣхъ, которые, желая получше разсмотрѣть вещь, понесли бы ее въ темную комнату.

Гипотеза безсознательнаго мышленія становится уже совершенно непригодною для объясненія содержанія предчувствій, т. е. самыхъ предсказаній. Единственное доста-

точное объясненіе ихъ можетъ заключаться только въ предположеніи способности предугадывать ходъ событій или прозрѣвать будущее не по закону вѣроятности, дѣйствующему въ обыкновенномъ познаніи, а помимо этого закона другими путями. Заключенія по закону вѣроятности примѣнимы лишь къ познанію явленій необходимыхъ, т. е. такихъ, которыя неизмѣнно слѣдуютъ за извѣстными имъ предшествующими явленіями, ихъ причинами, и потому, коль скоро нашему сознанію даны во всей полнотѣ или отчасти эти послѣднія, мы можемъ въ однихъ случаяхъ съ безошибочностью, а въ другихъ—съ вѣроятностью заключать о вытекающихъ явленіяхъ. Отсюда представляется возможнымъ для умовъ геніальныхъ предвидѣть отчасти и приблизительно довольно далекія событія въ исторіи, на основаніи общихъ историческихъ законовъ, коль скоро для этихъ событій причины даны намъ, хотя бы и въ зародышѣ (а въ исторіи, большею частью, наблюдаются большіе интервалы, иногда на протяженіи цѣлыхъ столѣтій, между причинами и дѣйствіями: въ исторіи будущее заключается въ настоящемъ, какъ растеніе въ зернѣ). Не таково познаніе въ предчувствіи. Предметомъ предчувствія не служатъ явленія случайныя, для которыхъ не существуетъ причины на лицо, или даже въ зародышѣ; предсказываются такія явленія, которыя по самой своей природѣ не могутъ быть необходимыми, т. е. неизмѣнно слѣдовать за своими предшествующими: таковы свободныя человѣческія дѣйствія, таковы жизнь и исторія, по скольку въ нихъ дѣйствуетъ свободная человѣческая воля. Здѣсь нѣтъ мѣста для заключенія по закону вѣроятности; напротивъ, предсказанія совершаются вопреки всякой вѣроятности, вопреки даже самой логикѣ и отличаются всегда неожиданностью и поражаютъ всѣхъ своею странностью, заключающеюся именно въ этомъ ихъ противорѣчіи законамъ логики и здраваго смысла. Въ самомъ дѣлѣ, когда совершенно здоровый человѣкъ говоритъ, что онъ заболѣетъ или умретъ, то не нарушаются-ли тутъ

всякія требованія здраваго смысла и здравой логики? Когда молодой человѣкъ Максъ-Симона отказывается ѣхать безъ всякой причины со своими спутниками, Монтморенъ переходитъ въ церкви съ обычнаго мѣста на другое, Бемъ переставляетъ кровать безъ нужды съ обычнаго мѣста на новое и притомъ неудобное и т. д.; то во всѣхъ этихъ случаяхъ предчувствующіе сами сознаютъ несообразность и противорѣчіе всякимъ требованіямъ здравой мысли своихъ дѣйствій. Это такъ ясно, что нѣтъ надобности дальнѣйшихъ разъясненій [1]). Попытка эта къ объясненію предчувствія заключеніями по вѣроятности не отличаются кромѣ того и новизною: о ней упоминаетъ стоикъ Посейдоній и считаетъ ее настолько ничтожною, что ограничивается однимъ утвержденіемъ ея непригодности [2]).

---

[1]) О недостаточности объясненія предчувствій заключеніями по вѣроятности см. у *Авсенева* p. 204, *Splittgerber'a* p. 269, 380.

[2]) Люди «et natura futura praesentiunt, ut aquarum eluviones et deflagrationem futuram aliquando caeli atque terrarum Alii autem, in re publica exercitati, ut de Atheniensi Solone accepimus, orientem tyrannidem multo ante prospiciunt; *quos prudentes possumus dicere*, id est providentes, *divinos nullo modo possumus*; non plus, quam Milesium Thalem: qui, ut objurgatores suos convinceret, ostenderetque, etiam philosophum, si ei commodum esset, pecuniam facere posse, omnem oleam, antequam florere coepisset, in agro Milesio coëmisse dicitur. Animadverterat fortasse quadam scientia, olearum ubertatem fore. Et quidem idem primus defectionem solis, quae Atstyage regnante facta est, praedixisse fertur.—Multa medici, multa gubernatores, agricolae etiam multa praesentiunt: *sed nullum eorum divinationem volo;* ne illum quidem, qua ab Anaximandro physico moniti Lacedaemonii sunt, ut urbem et tecta linquerent, armatique in agro excubarent, quod terrae motus instaret, tum, quum et urbs tota corruit, et ex monte Taygeto extrema montes quo si puppis avulsa est. Pherecydes quidem ille Pythagorae magister, potius divinus habebitur, quam physicus; quod quum vidisset haustam aquam de jugi puteo, terrae motum dixit instare (потому что въ послѣднемъ случаѣ отсутствуетъ причинное отношеніе между событіями). См. *Ciceronis* De divinatione Lib. I, cpp. XLIX p. 111—L. p. 113.

Другихъ подобнаго рода попытокъ объясненія предчувствія внѣ пророческой способности не существуетъ, если не считать таковою объясненія Шернера, по своей темнотѣ и странности не заслуживающаго особеннаго разсмотрѣнія [1]).

Между тѣмъ дѣлались и въ древности попытки съ помощью этого слабаго аргумента подорвать вѣру въ дивинацію, такъ въ одномъ изъ сатирическихъ діалоговъ (Разговоръ съ Гезіодомъ) *Лукіанъ* пользуется этимъ аргументомъ для доказательства, что Гезіодъ, приписывавшій себѣ даръ пророческій и пользовавшійся у древнихъ славою пророка, въ дѣйствительности не обладалъ никакими особенными способностями. Гезіодъ, говоритъ Лукіанъ, въ своихъ пророчествахъ далеко уступаетъ простымъ мужикамъ:... «Они чудесно предскажутъ намъ, что, если станутъ перепадать дожди, снопы будутъ тяжелы, а если начнется засуха и поля останутся безъ влаги,—за засухой непремѣнно откроется голодъ; въ срединѣ лѣта пахать не слѣдуетъ—пользы не будетъ.... Точно также нѣтъ нужды прибѣгать къ мантикѣ, чтобы узнать, что, если ты не зароешь сѣмянъ, если рабъ не набросаетъ на нихъ своей лопатой земли,—налетятъ птицы и съѣдятъ раньше времени всю надежду лѣта... Давать такіе совѣты и наставленія можно, не рискуя ошибиться, но, на мой взглядъ, это далеко не мантика. Ея назначеніе заранѣе дѣлать извѣстнымъ такое, относительно чего нѣтъ никакихъ указаній — предсказать, напр., Миною, что его сынъ утонетъ въ бочкѣ меду, заранѣе объявить грекамъ причину гнѣва Аполлона или сказать, что черезъ девять лѣтъ они возьмутъ Трою. Вотъ это я называю мантикой; если же къ ней относить то, о чемъ я говорилъ выше,—и меня слѣдуетъ назвать пророкомъ: я скажу напередъ, какъ прозорливецъ, даже безъ всякихъ Кастальскихъ водъ, лавровъ и дельфійскихъ треножниковъ, что, если ты вздумаешь прогуляться, въ чемъ мать родила, въ холодъ, или, вдобавокъ, въ дождь, не то—градъ, ты поплатишься порядочной лихорадкой, и—что еще удивительнѣй,—у тебя откроется, вѣроятно, затѣмъ жаръ и т. д.—массу такого, о чемъ нельзя говорить безъ смѣху (по русскому переводу г. Алексѣева въ «Пантеонѣ Литературы» кн. I за 1891 годъ).

[1]) Странно объясненіе его вслѣдствіе какой-то матеріализаціи души: предчувствіе по Шернеру есть «самоизліяніе души въ пространство», позволяющее ей входить въ соприкосновеніе съ предметами; оно—духовное «лучеиспусканіе», при которомъ душа непосредственно соприкасается съ внѣшнимъ міромъ (die Weitenstrahlung des Geistes, der psychischen Seinkraft, der gestige Ausstrahl in das All hinaus: § 37). По этой странной теоріи всѣ способности души суть особаго рода ея движенія или выхожденія во внѣ, такъ память есть der Spannungstrahl der Erinnerung, надежда,—Spannung des Geistes in Zukunft, Hinausdehnung des Geistes!

Гл. III. Міръ необыкновенныхъ сновидѣній.

Разнообразный міръ необыкновенныхъ сновидѣній удобно умѣщается въ трехъ группахъ нашей классификаціи, въ существенныхъ чертахъ извѣстной читателямъ изъ I-ой главы изслѣдованія.

а) *Сны необыкновенные, объясняющіеся законами обыкновенныхъ психическихъ явленій.*

Вѣроятно, каждый по собственному опыту знаетъ, что часто во снѣ, въ сновидѣніяхъ своихъ, спящій находитъ блистательное разрѣшеніе тѣхъ или иныхъ вопросовъ, мучившихъ его наканунѣ, и сны подобнаго рода становятся тѣмъ поразительнѣе, чѣмъ важнѣе и сложнѣе разрѣшенные ими вопросы. Поразительно, когда школьникъ во снѣ получаетъ разрѣшеніе наканунѣ имъ нерѣшенной ариѳметической задачи, но еще поразительнѣе сны *ученаго*, дѣлающаго великія научныя открытія, сны *философа* и *художника*, являющіеся геніальными философскими и художественными концепціями. Не даромъ этого рода сны называются сны—откровенія (Offenbarungsträume) и Максъ-Симонъ нисколько не преувеличиваетъ, говоря, что бывали случаи, когда во снѣ завершались великія произведенія искусства, рѣшались сложныя научныя задачи и распутывались щекотливыя положенія (Chp. IV).

Слѣдуя своему правилу приводить только типичные сны, мы и въ данномъ случаѣ поступимъ также.

Вотъ знаменитый сонъ *музыканта Тартини*. Тартини заснулъ однажды послѣ долгихъ и напрасныхъ усилій найти конецъ, гармонирующій съ тою сонатою, которую онъ писалъ. Во снѣ ему приснилось, что онъ опять сидитъ за своей сонатой, которая никакъ не дается ему. Онъ начинаетъ приходить въ отчаяніе, что сочиняетъ такъ медленно и безуспѣшно. Вдругъ передъ нимъ является дьяволъ и предлагаетъ ему кончить его сонату, если онъ продастъ ему свою душу. Совершенно подавленный этимъ призракомъ, онъ соглашается на его условія и немедленно онъ услышалъ чудные звуки, которыхъ онъ такъ давно и тщетно ждалъ и которые дьяволъ такъ безупречно передавалъ на скрипкѣ. Онъ проснулся и въ восторгѣ сѣлъ и записалъ услышанные во снѣ звуки. Это и былъ конецъ его сонаты [1]).—Сны часто служили источникомъ вдохновеній художниковъ, напр. *Рафаэля* [2]), поэтовъ, напр. *Гёте* (во время писанія „Прометея“) [3]). Сообщимъ три—четыре сна *философовъ* и *ученыхъ*. *Кондильякъ* разсказываетъ, что когда онъ составлялъ свои лекціи, ему приходилось ложиться спать прежде, чѣмъ удавалось кончить работу; при пробужденіи его работа была въ головѣ въ оконченномъ видѣ [4]). Вольтеръ въ свою очередь передаетъ, что ему разъ приснилась цѣлая пѣснь изъ „Генріады“. Она не похожа была на ту, которую онъ написалъ. Это обстоятельство дало ему поводъ высказать слѣдующее: „Я во время сна высказалъ то, что врядъ-ли удалось-бы мнѣ высказать въ бодрственномъ состояніи; слѣдовательно у меня въ головѣ были идеи, которыя были обду-

---

[1]) Radestock *Schlaf und Traum p. 7*, Max Simon *Le monde des rêves* p. 55 f. Perty *Die mystischen Erscheinungen* I, 71.

[2]) *Radestock* p. 7.

[3]) Ibid p. 6.

[4]) *Radestock* p. 177; *Max-Simon* 52.

маны помимо меня и въ которыхъ я не былъ повиненъ. У меня воля и свобода отсутствовали, а между тѣмъ я комбинировалъ мысли остроумно и даже геніально“ [1]) *Бурдахъ*, профессоръ физіологіи въ Кенигсбергѣ, говоритъ, что ему часто во снѣ приходили мысли настолько важныя и касающіяся вопросовъ, которыми онъ въ это время занимался, что онъ отъ волненія пробуждался; при чемъ подробно также говоритъ, какимъ открытіямъ въ своей наукѣ онъ обязанъ своимъ снамъ [2]). Математику *Мепьяну* не разъ удавалось найти теорему или рѣшить ее во снѣ [3]). *Кондорсе* сообщаетъ о себѣ, что ему часто приходилось ложиться спать въ то время, когда его занимали какія—нибудь очень сложныя соображенія и что не однажды сны представлялись блистательнымъ ихъ окончаніемъ [4]).

Подобнаго рода сны объясняются весьма просто, хотя и не всегда правильно. Для объясненія ихъ *Максъ-Симонъ*, *Либо*, *Карпентеръ* и др, какъ видѣли, прибѣгаютъ къ гипотезѣ безсознательнаго мышленія, усиливающагося во снѣ [5]). Другіе стараются объяснить сны—откровенія, не давая какой-нибудь опредѣленной теоріи и отчасти примыкая къ этой. *Радстокъ* говоритъ, напр., „что умъ, утомленный днемъ надъ рѣшеніемъ какой-нибудь задачи, все-таки подготовляетъ для

---

[1]) *Max Simon* p. 52.

[2]) *Radestock* p. 177, 182 ff,; *Max-Simon* p. p. 53—55.

[3]) *Max-Simon* p. 53.

[4]) Abercrombie *The intellectual Powers* p. 221, ibid. о Франклинѣ и др.; о *Рейнгольдѣ—Radestock* p. 182, о *Крюгерѣ* ibid.—Автору во время одной литературно-богословской работы большую помощь оказалъ сонъ въ вопросѣ о язычествѣ съ его внутренней психологической стороны,—освѣтивъ яркою картиною изъ древне-греческой жизни состояніе души язычника въ моментъ его молитвъ передъ восходящею зарею,—гдѣ онъ видѣлъ себя однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ.

[5]) Спеціально въ примѣненіи къ снамъ см. объясненіе *Max-Simon'a* на p. p. 49—51.

него всѣ необходимые матеріалы, изъ которыхъ само собою чисто—механически возникаетъ выводъ силою продолжающейся по инерціи дѣятельности мышленія и во снѣ. Успѣхъ облегчается тѣмъ, что на ходъ мыслей гораздо менѣе во снѣ оказываютъ вліяніе внѣшнія впечатлѣнія, чѣмъ днемъ", мѣшающія слѣдовать имъ своей естественной природѣ Отсутствіе самосознанія является такъ же благопріятствующимъ условіемъ, поскольку устраняется его насильственное вторженіе въ естественное теченіе представленій, связывающихся безъ него по своему внутреннему родству.—Теорія безсознательнаго мышленія вообще нарушаетъ законъ достаточнаго основанія, когда полагаетъ въ дѣйствіи (научныя открытія, великія произведенія искусства) больше, чѣмъ заключается въ причинѣ (механическая ассоціація представленій), и такъ какъ эта черта лежитъ въ основаніи и существѣ всякаго рода суевѣрій, то и данная теорія есть своего рода продуктъ научнаго суевѣрія. У *Радстокка* это суевѣріе выступаетъ безъ всякихъ прикрасъ во всей наготѣ: здѣсь контроль ума надъ „мозговою машиною" признается прямо вреднымъ, и механическая дѣятельность мышленія ставится выше разумной и сознательной.

Гораздо ближе къ истинѣ будетъ объяснять сны—откровенія усиленною дѣятельностью воображенія во снѣ, а также и понятнѣе для тѣхъ, кто знаетъ о громадномъ значеніи этой способности въ познаніи,—о неисчислимыхъ услугахъ, оказанныхъ и оказываемыхъ ею мышленію въ наукѣ, философіи, всякаго рода познаніи, и особенно въ художественномъ творчествѣ. Вопросъ о познавательномъ значеніи воображенія нами былъ затронутъ выше и было-бы пріятно не входить въ доказательство высказанной мысли; но, къ сожалѣнію, значеніе воображенія въ познаніи не есть еще научная аксіома общеизвѣстная; а потому кратко скажемъ о семъ.

Три функціи воображенія дѣлаютъ его услуги мышленію неоцѣненными: а) аналогизація, б) комбинированіе и в) де-

терминація. а) Воображеніе соединяетъ представленія по ихъ *сходству,* ставя ихъ рядомъ или сплавляя въ цѣльный образъ (общее представленіе); оно, слѣдовательно, можетъ помогать мышленію во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно оперируетъ по сходству, напр, въ образованіи понятій, создаваемыхъ чрезъ отвлеченіе общихъ *сходныхъ* признаковъ предмета, въ индукціи, классификаціи и т. п Законъ всемірнаго тяготѣнія былъ открытъ воображеніемъ Ньютона, случайно поставившимъ въ умѣ его рядомъ паденіе яблока съ дерева въ саду, подъ которымъ отдыхалъ Ньютонъ, и движеніе небесныхъ тѣлъ. Какъ видимъ, воображеніе находитъ сходство тамъ, гдѣ мышленіе его не нашло бы (напр. это особенно видно въ остроуміи); оно находитъ сходство скорѣе и легче, чѣмъ, хотя и вѣрно, но медленно и методически работающій умъ. И такъ, по этой своей функціи воображеніе *облегчаетъ и ускоряетъ процессъ познанія.* б) Соединяетъ данныя представленія и элементы въ такія, которыя не были въ опытѣ познающаго, напр. представленія о невиданной странѣ, о неиспытанныхъ чувствахъ, о 100 пудахъ тяжести и т. п, о minimum'ѣ и maximum'ѣ тѣхъ или иныхъ ощущеній, (что особенно нужно музыканту, артисту). Такое воображеніе безусловно необходимо историку, психологу и географу: только воображеніе вводитъ въ полное обладаніе т. е. ясное и полное пониманіе міра невиданнаго и неиспытаннаго, и часто бываетъ, что истинными хозяевами въ этихъ наукахъ бываютъ не ученые, а поэты; соединеніе же поэта съ одной стороны, и психолога и историка—съ другой есть положительная необходимость. Механикъ, техникъ—немыслимы безъ воображенія, самаго живаго. У механика въ распоряженіи только нѣсколько элементовъ: рычагъ, воротъ, зубчатое колесо, безконечный ремень, блокъ. наклонная плоскость, винтъ, клинъ—и вся тайна всякаго новаго механизма состоитъ въ новомъ искусномъ сочетаніи старыхъ элементовъ. Для всякаго ясно, что комбинирующее воображеніе *разширяетъ знаніе замѣною недостающаго опыта,* дѣлая доступными нашему сознанію,

на основаніи нѣсколькихъ намековъ изъ собственнаго опыта, цѣлые міры неизвѣданнаго и неиспытаннаго. — в) Воображеніе, стихія котораго есть ясность и живость, не терпитъ въ нашемъ сознаніи ничего темнаго и неяснаго, въ рамки котораго добровольно заключаетъ себя мышленіе по принципамъ познанія: оно *оживляетъ* и *разъясняетъ* темное и неясное (понятія и представленія) подстановкою подъ него ясныхъ и живыхъ образовъ. Все, воспринимаемое слухомъ и зрѣніемъ въ словѣ и письмѣ, понимается яснѣе чрезъ подстановку представленій изъ прежняго запаса опытовъ: пониманіе музыки, игры артиста, произведеній поэзіи обусловлено этимъ. Безъ живаго воображенія невозможно людямъ понимать рѣчь другъ друга; въ наукѣ мышленіе предохраняется отъ неясности подстановкою подъ абстрактное и общее конкретнаго и частнаго воображеніемъ. Безъ контроля мысли воображеніе, равнодушное къ ея законамъ, можетъ вводить въ заблужденія, но рука объ руку съ мышленіемъ оно — великая опорная его сила: воображеніе не въ поэтическомъ, но въ буквальномъ научно — психологическомъ значеніи — крылья мышленія, живая сила, душа и вдохновеніе его. Безъ него все въ построеніяхъ мысли — вяло, безжизненно, блѣдно, узко и не оригинально. Воображеніе *ускоряетъ дѣятельность мысли* до головокружительнаго полета, *расширяетъ горизонты ея въ безпредѣльность,* вноситъ въ нее *свѣтъ и ясность* живой реальности.

---

[1]) Изъ онирологовъ *Шпитта* отчасти склоняется къ объясненію сновъ—откровеній воображеніемъ, когда говоритъ: «Es handelt sich also in diesen Offenbarungs-Träumen lediglich um die reproductive Einbildungskraft (also Reproduction der Erfahrung), welche dieses Material der Erfahrung benützt und sich zur productiven gestaltet d. h. auf Grund der Erfahrung selbständig schliesst—ein Process, welcher im Traum auf automatische Weise mehr oder minder genau sich vollzieht und welcher auf der andern Seite mit vollem Bewusstsein während des Wachens vor sich gehend, die Basis alles fernunftgemässen Lebens bildet; denn das, was wir im

Другой классъ необыкновенныхъ сновъ этой группы получается изъ усиленной способности запоминанія и репродукціи (памяти) во снѣ, когда спящій въ сновидѣніяхъ получаетъ сообщеніе о давно затерянныхъ вещахъ, напр. важныхъ бумагахъ, деньгахъ и т. п., и о такихъ фактахъ, которые потомъ, по сличенію съ дѣйствительностью, оказываются вѣрными; а такъ какъ послѣдніе спящій признаетъ неизвѣстными ему изъ прежняго опыта, то самые сны этого рода въ глазахъ его получаютъ характеръ чего-то чудеснаго. По мнѣнію *Макниша* явленіе это служитъ сильною опорою вѣры въ пророческіе и чудесные сны [1]) Самое усиленіе памяти во снѣ не представляетъ ничего неестественнаго и есть лишь одинъ изъ многихъ случаевъ этого рода въ психофизическихъ состояніяхъ, родственныхъ сну, каковыми признаются состоянія психопатологическія [2]) Сообщаемъ харак-

---

Allgemeinen Lebenserfahrung nennen, ist in Grunde genommen weiter Nichts, als die zweckmässige Zusammenordnung und Bearbeitung des Erlebten und seine richtige den Umständen angemessene Verwerthung fur kunftige Zwecke S. S 224—225 въ «Die Schlaf und Traumzustände der mensehlichen Seele mit besonderer Berücksichtigung ihres Verhältnisses zu den psychischen Alienationen».—Прекрасно выражается о познавательномъ значеніи воображенія одинъ французскій авторъ, изъ котораго позволимъ себѣ здѣсь выдержку: Tout act de connaissance est précedé d'un' act d'imagination... Les grandes découvertes sont presque toujours la justification ou la correction d'une hypothèse, et on ne suppose pas sans imaginer. On va à l'erreur par la vérité, on va à la vérité par l'erreur S'il avait été moins imaginatif, Darwin ne se serait jamais trompé, mais il n'aurait rien découvert Si Kepler ne s'etait fait une conception mystique et imagée de l'harmonie et la musique des sphères célestes..., il n'eût jamais cherhé ses fameuses lois, ni conquis l'immortalité (въ *Rêvue de deux mondes* 15 juillet 1891, ст. *M. Victor Cherbuliez*, «L'art et la nature», p. 250. f.).

[1]) *Macnish's* «Philosophy of Sleep» p. p 80—81.

[2]) Объ усиленіи памяти и примѣрахъ его сообщаетъ *Liebeault* «Du sommeil et des états analogues» p. 92, *Abercrombie* p. 207.

терные образчики сихъ сновъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія сонъ, разсказываемый у Аберкромби, видѣнный его пріятелемъ банкиромъ изъ Гласго. При составленіи отчета банковымъ годовымъ операціямъ онъ усмотрѣлъ дефицитъ въ 6 фунтовъ стерлинговъ. Нѣсколько дней и ночей потратилъ онъ, стараясь открыть ошибку и свести балансъ, но тщетно. Однажды, утомившись послѣ одного изъ такихъ безплодныхъ стараній, онъ уснулъ и во снѣ живо, съ подробностями, прошла передъ нимъ сцена, имѣвшая мѣсто въ банкѣ мѣсяцевъ 9 тому назадъ, когда онъ, выдавъ не въ очередь 6 фунтовъ стерлинговъ особенно докучливому кліенту, позабылъ ихъ записать, вскользь замѣтивъ только, что этотъ кліентъ былъ заика. Это обстоятельство совсѣмъ вылетѣло изъ головы; но благодаря ему, балансъ въ банковомъ отчетѣ былъ сведенъ какъ слѣдуетъ [1]). Макничъ, а также Аберкромби сообщаютъ случай, передаваемый Вальтеромъ Скоттомъ, объ одномъ помѣщикѣ, къ которому по смерти его отца былъ предъявленъ большой искъ, грозившій потерею всего имущества. Помня, что у отца были какіе-то документы, хорошо доказывавшіе неправильность этого иска, онъ однако не могъ найти ихъ. Ему явился во снѣ самъ отецъ и указалъ лице, у котораго находились нужныя бумаги, благодаря чему и былъ выигранъ процессъ [2]). Подобнымъ же образомъ, какъ передаетъ Перти, найдена была послѣ смерти Данте его сыномъ затерянная рукопись, заключавшая въ себѣ XIII пѣснь изъ Paradiso [3]). У него же читаемъ объ одномъ господинѣ передъ которымъ, за полгода до смерти, до мельчайшихъ подробностей прошла вся жизнь въ сновидѣніи, повторявшемся три раза кряду. Каждый разъ ему являлся какой-то чело-

---

[1]) *Abercrombie* p. 205.

[2]) *Macnish* p. p. 81—83; *Abercrombie* p. p. 207—209; ср. случай у *Abercrombie* объ адвокатѣ, нашедшемъ затерянныя бумаги своего кліента, благодаря «откровенію» во снѣ p. 209.

[3]) *Perty* B. II, 390.

вѣкъ и подставлялъ передъ нимъ зеркало, въ которомъ и видѣлъ спящій картины изъ своего прошедшаго [1]).

Къ разсматриваемой группѣ можно относить нѣкоторые случаи предсказаній во снѣ болѣзни и смерти, именно тѣ случаи, когда предсказанія относятся къ самому спящему, а не постороннимъ лицамъ: очень возможно, что иногда основаніемъ такихъ сновъ служатъ воспріятія дѣйствительныхъ состояній организма во снѣ, какъ видѣли, во снѣ усиливающіяся. Таковы, напр., сны, приводимые Радстоккомъ (p. 189 f.).

Б) Вторую группу образуютъ сны, основывающіеся на магическихъ способностяхъ: а) дальновидѣнія, б) ретроспекціи, в) сквозьвидѣнія и д) предвѣдѣнія. Такъ какъ мы имѣемъ дѣло ближайшимъ образомъ съ послѣднимъ видомъ необыкновенныхъ магическихъ сновидѣній, именно со сновидѣніями пророческими, то для другихъ видовъ этого рода сновъ ограничимся лишь тѣмъ, что представимъ типичные образчики ихъ.

а) Одинъ пасторъ, ночуя въ Эдинбургѣ, видитъ во снѣ, что его домъ въ селѣ горитъ, а дѣти — въ большой опасности. Проснувшись, онъ поспѣшно отправляется въ свою деревню, куда и приходитъ во время, едва успѣвъ спасти изъ пламени забытаго въ домѣ сына [2]). Часто спящіе видятъ во снѣ мѣстности, никогда прежде ими невиданныя, и много потомъ удивляются, когда приходится имъ видѣть ихъ на дѣлѣ [3]) — б) Помощникъ могильщика одного кладбища въ Нюренбергѣ имѣлъ виды на его мѣсто, такъ какъ тотъ былъ

---

[1]) *Perty* B. II, 397. Оба эти сна Перти безъ нужды выводитъ изъ магическихъ способностей (ретроспективнаго видѣнія и дальновидѣнія). Другіе примѣры сновъ см. у *Abercrombie* p. 110, 107, 106; *Maury* p. 122 ср. *Strümpell* «Die Natur und die Entstehung der Traume» p. 42.

[2]) *Splittgerber* «Schlaf und Tod» p. 79; другіе примѣры на p. p. 78 80, 81, 287.

[3]) *Splittgerber* p. p. 80—81.

близокъ къ смерти. Онъ съ радостію сообщилъ о своихъ видахъ женѣ своей, потомъ ушелъ и уже не возвращался. Безутѣшная жена считала его умершимъ, утонувшимъ, по ея предположенію, въ рѣкѣ. Скоро она во снѣ узнала все отъ самаго явившагося ей мужа. Сонъ ей показалъ, что мужъ ея убитъ и лежитъ закопанный въ извѣстномъ мѣстѣ. Она на другой день отправилась въ полицію и упросила сдѣлать розыскъ по указанію сна, вполнѣ подтвердившагося[1]) Октября 24, года 1855 въ Augsburger Allgem. Zeitg. сообщалось слѣдующее происшествіе 11 Октября въ Константинополѣ: „Недѣль шесть тому назадъ въ Галатѣ исчезъ неизвѣстно куда одинъ греческій мальчикъ. Всѣ поиски были безуспѣшны. Минувшею пятницею ночью мать его увидѣла необыкновенный сонъ. Ей снилось, будто она видитъ свою умершую годъ тому назадъ трехлѣтнюю дѣвочку, которая будто-бы пришла изъ школы и говоритъ ей: „знаешь-ли, гдѣ братъ Костя? Онъ въ томъ колодцѣ“ Мать проснулась и тотчасъ-же съ удивленіемъ разсказала всѣмъ свой сонъ. Когда слухъ объ этомъ снѣ, взволновавшемъ всѣхъ, дошелъ до полиціи, было наряжено слѣдствіе и, по изслѣдованіи, трупъ мальчика дѣйствительно былъ найденъ въ указанномъ колодцѣ“[2]). Еще лучше случай, сообщенный Шплитгербером. Маркъ Фламиній въ Генуѣ положилъ книгу, взятую имъ, на своей постели, а потомъ, когда хозяинъ потребовалъ книгу обратно, ее ни какъ не могли найти Озабоченный этимъ, вслѣдъ за

---

[1]) *Perty* B. II, 393.

[2]) Ibidem p. 395; другіе сны ibid 390—398 55. Зам. сонъ Софокла, передаваемый у Цицерона. Послѣ того, какъ похищена была изъ храма Геркулеса тяжелая золотая жертвенная чаша, Софоклъ увидѣлъ во снѣ самого бога Геркулеса, который открылъ ему, кто это сдѣлалъ. Сонъ повторился и въ другой разъ, но Софоклъ не обращалъ на него вниманія, и только на третій разъ Софоклъ сдѣлалъ донесеніе о своемъ снѣ въ ареопагъ. Ареопагиты приказали арестовать человѣка, названнаго во снѣ Софоклу; арестованный сознался въ своемъ преступленіи (De divin Lb. I cap. XXV).

симъ ночью Фламиній видитъ во снѣ, какъ горничная взяла съ постели книгу съ намѣреніемъ положить ее на столъ, какъ уронила ее на полъ и разбился ея переплетъ, какъ вслѣдъ затѣмъ горничная, изъ боязни отвѣтственности, засунула книгу въ одно мѣсто. На утро книга была найдена на указанномъ мѣстѣ, а горничная, сознавшись, дала показанія, совершенно совпавшія со сномъ [1]). — в) Перти сообщаетъ объ одномъ господинѣ, который во снѣ прочитавъ узналъ содержаніе запечатаннаго письма, лежавшаго на столѣ [2]) Гречъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ о своей матери: „матушка часто имѣла и вѣщія сновидѣнія и необыкновенныя предчувствія. Разскажу случай ничтожный, но не менѣе того замѣчательный, бывшій уже на седьмомъ десяткѣ ея жизни. Воротившись съ дачи осенью въ городъ, она спросила у горничной теплыхъ башмаковъ, а та не знала, куда заложила ихъ весною. Долго искали напрасно по всѣмъ угламъ Вотъ матушка заснула послѣ обѣда; ей чудится, что она подходитъ къ шкафу, сдѣланному въ заколоченныхъ дверяхъ, видитъ высокую, круглую корзинку (какія употребляются для бутылей); въ корзинѣ до верху разный хламъ; она вынимаетъ все и на днѣ находитъ свои теплые башмаки. Проснувшись, видитъ она, что въ той комнатѣ сидитъ ея дочь Екатерина, и, боясь насмѣшки, не говоритъ о своемъ видѣніи; но лишь только К. И. вышла, она встала съ постели, отперла шкафъ, нашла корзину и въ ней, подъ тряпками и обломками, искомые башмаки [3]).

Пророческіе сны. Прежде всего приведемъ образцы сновъ *патагномическихъ* съ предсказаніемъ болѣзни и смерти.—а) *Патагномическіе съ предсказаніемъ болѣзней* [4]).—Максъ-Симонъ

---

[1]) *Splittgerber* p. 105.

[2]) *Perty* B. II, 388.

[3]) Въ книгѣ *М. П. Погодина* «Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ». Изд. 3-е М. 1875, отд. II, стр. 41; см. под. у *Splittgerber'a* на p. 89.

[4]) Примѣры патагномическихъ сновъ у *Schernera* «Das Leben des Traums» на p.p. 333—358; *Perty* B. II, p p. 378—390.

разсказываетъ, что Конрадъ Женеръ видѣлъ во снѣ, что змѣя укусила его очень больно въ лѣвый бокъ; черезъ нѣсколько времени у него заболѣлъ этотъ бокъ. Одинъ больной видѣлъ во снѣ, что у него нога одна каменная; спустя нѣкоторое время эта нога у него была парализована.—б) *Съ предсказаніемъ смерти—а: своей.* Со словъ покойнаго намѣстника Свято-Троицкой Сергіевой Лавры арх. Антонія М. П. Погодинъ сообщаетъ въ своей книгѣ сонъ митр моск. *Филарета*, предвѣщавшій ему смерть въ 19 числѣ, что дѣйствительно и сбылось [1]). Благочестивый маркграфъ Георгъ Фридрихъ Бранденбургскій получилъ извѣщеніе о своей смерти въ символическомъ сновидѣніи, смыслъ котораго онъ тотчасъ же понялъ. Ему снилось, что ангелъ съ неба спустился на гробницу въ его церкви, имъ впередъ устроенную [2]). Въ новѣйшее время профессоръ *Мейеръ* въ Галле опубликовалъ сонъ одного больного паціента, студента, точно предсказавшій мѣсяцъ и число смерти больного [3]). По Платону Сократъ предсказалъ свою смерть Критону за три дня на основаніи видѣннаго имъ сна, въ которомъ ему явилась женщина необычайной красоты и продекламировала одинъ стихъ изъ Гомера:

Tertia te Phthiae tempestas laetu locabit [4]).

β) *Предвѣдѣніе смерти чужой.* Извѣстенъ сонъ *Кальпурніи*, жены Цезаря, въ ночь на смерть Цезаря. Ей снился умирающій на ея рукахъ окровавленный Цезарь. Въ страхѣ проснувшись, она заклинала его не выходить въ этотъ день изъ дому. Но онъ изъ боязни, чтобы не стали смѣяться надъ его вѣрою въ „бабьи сны“, шутилъ надъ ея страхомъ и по-

---

[1]) *М. П. Погодинъ* стр. 14; тамъ-же на 10 й о др. снѣ.

[2]) *Schubert* Symbolik des Traums. Aufl. 3, S S., 17—88, *Splittgerber'a* ср. р. 113.

[3]) У *Splittgerber'a* § 113 f.

[4]) *Cicero* De divinatione Lib. I. cap. XXV.—Др. сны под. *Scherner*: р.р. 353, 361; *Perty* B. II, 378; *Schubert* 89—90.

шелъ въ сенатъ, гдѣ и былъ убитъ своими заговорщиками.— *Петрарка*, обезпокоенный болѣзнью своего благодѣтеля, епископа Colonna in Lombez, видѣлъ сонъ, будто онъ бесѣдуетъ съ нимъ въ саду. Епископъ все больше и больше удалялся отъ него, Петрарка хотѣлъ его сопровождать, но епископъ отстранилъ его и съ измѣнившимся лицомъ, получившимъ всѣ черты смертной близости, сказалъ: „нѣтъ, я не хочу, что бы Вы теперь со мной шли". Въ тотъ же день, когда Петрарка видѣлъ въ Пармѣ этотъ сонъ, епископъ умеръ [1]). *Бэконъ* въ своемъ сочиненіи Sylva sylvarum разсказываетъ, что за три дня до смерти своего отца онъ видѣлъ сонъ, будто отцовская вилла объята была чернымъ покрываломъ.

b) *Предвѣдѣніе опасностей—α) своихъ.* О Симонидѣ Цицеронъ разсказываетъ, что онъ, увидавъ мертвое тѣло неизвѣстнаго человѣка, предалъ его землѣ; передъ тѣмъ, какъ сѣсть на корабль, во снѣ явился ему этотъ имъ погребенный человѣкъ съ увѣщаніемъ, чтобы онъ не садился на корабль, а если отплыветъ, то потерпитъ кораблекрушеніе. Симонидъ послушался, а прочіе, отплывшіе, погибли [2]). Радстоккъ передаетъ нѣсколько подобныхъ сновъ. Одному снилось, что упалъ потолокъ въ комнатѣ и раздавилъ его; проснувшись, онъ ушелъ въ другую комнату и тѣмъ спасся, ибо потолокъ дѣйствительно обрушился.—Одной русской помѣщицѣ снилось, что трое ея крѣпостныхъ людей влѣзли чрезъ окно въ комнату къ ней съ цѣлью ее убить; при пробужденіи она вскрикнула, и на ея крикъ сбѣжалась спавшая по близости прислуга и по тщательномъ обыскѣ дѣйствительно оказалось, что трое крестьянъ сидѣли спрятавшись въ кус-

---

[1]) *Perty* B. II, p. 358; у него же ibid. p. p. 386—387; 384, 385. У Scherner'a p. p. 354, 355 f., 312.—*М. Погодинъ* сообщаетъ нѣсколько замѣчательныхъ сновъ этого рода со словъ В. Щербакова, А. Елагиной и др. въ своей книгѣ: стр. 16—17; 42 и др.

[2]) *Ciceronis* De div. Lb. I cap. XXVII.

тахъ подъ окномъ съ оружіемъ въ рукахъ [1]).—Принцесса де-Конти видѣла во снѣ, что комнаты въ ея дворцѣ разрушились и ея дѣти погибли подъ развалинами. Въ ужасѣ она просыпается, зоветъ своихъ камеръ-юнгферъ, разсказываетъ сонъ и настоятельно требуетъ, чтобы ей показали дѣтей. Ее успокоиваютъ, но она настаиваетъ. Тѣ дѣлаютъ видъ, что пошли за дѣтьми и черезъ нѣсколько минутъ возвращаются, говоря, что молодые принцы такъ хорошо спятъ, что грѣхъ безпокоить ихъ. Тогда принцесса, не довѣряя имъ, встаетъ сама и хочетъ идти за ними, но ее останавливаютъ и приносятъ дѣтей. Едва только это было сдѣлано, какъ дѣтская дѣйствительно обрушилась (Максъ-Симонъ).

β) *Предвѣщаніе опасностей чужихъ.* Два пріятеля изъ Аркадіи шли одною дорогою и остановились на пути въ Мегарѣ, одинъ—въ гостинницѣ, а другой у знакомаго. Тому, который остановился у знакомаго, снилось, будто другой зоветъ его на помощь, узнавъ о дурномъ замыслѣ хозяина противъ себя. Тотчасъ онъ въ страхѣ пробуждается, потомъ, раздумавъ и не придавъ видѣнному никакого значенія, ложится опять. Тогда пріятель опять является къ нему съ просьбою не оставлять его смерти неотомщенною, такъ какъ, пришедши, онъ уже не застанетъ его въ живыхъ; далѣе онъ сказалъ, что содержатель гостиницы, убивъ его, положилъ тѣло на телѣгу, а сверху набросалъ навозу съ намѣреніемъ рано утромъ вывезти его изъ города; а потому просилъ, чтобы въ это время пріятель подстерегъ его у городскихъ воротъ. Сновидецъ такъ и сдѣлалъ, явившись къ городскимъ воротамъ; накрылъ тамъ убійцу съ поличнымъ, и убійца понесъ заслуженное наказаніе [2]).—Канцлеръ Наваррскій Калиньякъ, находясь въ Бернѣ, трижды во снѣ слышалъ, какъ его зовутъ; въ третій разъ голосъ совѣтовалъ

---

[1]) *Radestock* p. 192 и др. ibid. См. примѣры у Scherner'a p. 354, 359 и *Abercrombie* 214—215.

[2]) Cicero l.b. I cap. XXVII.

ему уйти изъ города, такъ какъ чрезъ нѣсколько дней въ немъ будетъ свирѣпствовать страшная эпидемія. Такъ и случилось; но Калиньякъ остался цѣлъ, потому что, послушавшись предостереженія, во время оставилъ городъ [1]).

c) *Смѣшанныя предсказанія* разнаго рода событій, важныхъ въ жизни лица.

Заимствуемъ нѣсколько сновъ у Цицерона. Понтикъ Гераклидъ, мужъ ученый, слушатель и ученикъ Платона, пишетъ, что матери Фалариса снилось, будто она видитъ статуи боговъ и приноситъ этимъ богамъ въ своемъ домѣ жертвы; вдругъ ей показалось, что между ними Меркурій, державшій въ правой рукѣ жертвенную чашу, сталъ лить изъ нея кровь, которая, достигнувъ земли, кипѣла такъ, что весь домъ наполнился ею. Этотъ материнскій сонъ оправдала необыкновеная жестокость Фалариса (тирана).—Киру снилось, будто солнце скатилось къ его ногамъ, а всякій разъ, какъ онъ хотѣлъ схватить солнце, послѣднее ускользало отъ него; такъ повторилось до трехъ разъ. Маги (это люди мудрые и ученые у персовъ) сказали, на основаніи троекратнаго хватанія Киромъ солнца, что онъ будетъ царсьвовать 30 лѣтъ, что дѣйствительно и сбылось (Киръ вступилъ на царство въ 40-лѣтнемъ возрастѣ, а умеръ 70-ти лѣтъ). — Целій (Caelius) пишетъ, что Ганнибалъ хотѣлъ однажды взять золотую колонну изъ святилища Юноны Лакійской и для удостовѣренія въ ея прочности, а также и въ томъ, вся-ли она золотая, пробуравилъ ее. Когда такимъ способомъ онъ убѣдился въ ея прочности и хотѣлъ, было, ее вынести, во снѣ явилась ему Юнона съ требованіемъ, чтобы онъ этого не дѣлалъ, и съ угрозою, что, если онъ

---

[1]) *Splittgerber* p. 256.— Ссылаясь на Силимаха и Сильвія Дельбэ, *Макничъ* хочетъ объяснить подобные сны воспріятіемъ начинающейся болѣзни эпидемической, предварявшейся по сообщенію первыхъ подобнаго рода снами (p. 80); но это объясненіе къ данному случаю неприменимо: Калиньянъ былъ напротивъ вполнѣ здоровъ.—Др. прим. см. у *Perty* B. I. p. 74.

сдѣлаетъ это, то она постарается отнять у него и тотъ глазъ, которымъ онъ хорошо видѣлъ. Ганнибалъ послѣдовалъ сну и изъ того золота, которое было вынуто изъ колонны, велѣлъ сдѣлать изображеніе коровы и помѣстить ее на верху колонны.—Ганнибалу передъ сраженіемъ въ Сагунтѣ снилось, будто Юпитеръ зоветъ его на собраніе боговъ; явившись туда, онъ получаетъ приказаніе отъ Юпитера идти войною на Италію, а также—полководца. Во главѣ съ нимъ войско выступаетъ въ походъ, а полководецъ совѣтуетъ ему не оглядываться назадъ; онъ же, не утерпѣвъ, оглянулся. Тогда Ганнибалъ увидѣлъ какое-то громадное, чудовищное животное, обвитое змѣями, опрокидывавшее и топтавшее на своемъ пути деревья, кустарники и дома. Удивленный, онъ спрашиваетъ „божественнаго“ полководца, что это за чудовище, на что богъ ему отвѣтилъ, что это—пустыня Итальянская (т. е. опустошенная Италія), и приказалъ продолжать идти впередъ, не смущаясь тѣмъ, что остается позади.—У Агаѳокла написано въ исторіи, что Гамилькару Карѳагенскому во время осады Сиракузъ снилось, что онъ слышитъ голосъ: „на слѣдующій день ты будешь обѣдать въ Сиракузахъ“. Съ наступленіемъ этого дня произошло большое возмущеніе въ войскѣ Гамилькара. Воспользовавшись имъ, Сиракузяне вторгнулись въ лагерь и живымъ взяли Гамилькара въ плѣнъ. Такъ сбылся сонъ [1]). Аристотель, мужъ необыкновеннаго, даже божественнаго ума, говоритъ Цицеронъ, самъ-ли заблуждается, или хочетъ, чтобы другіе заблуждались, когда пишетъ, что Эвдадъ Кипрскій, его пріятель, направляясь въ Македонію, прибылъ въ Феры (Ѳессалія) и тамъ такъ сильно заболѣлъ, что медики отчаявались въ его выздоровленіи, но что во снѣ ему явился юноша

---

[1]) Cic. Lb. I. cap XX, XXIII, XXIV и XXV. За правдивость этихъ сновъ говоритъ античная колоритность ихъ; во всякомъ случаѣ они интересны и мы приводимъ ихъ исключительно поэтому, а не по недостатку фактовъ изъ позднѣйшаго времени.

почтеннаго вида и сказалъ, что онъ въ самое короткое время выздоровѣетъ, а не много дней спустя погибнетъ тираннъ Александръ, самъ же Эвдалъ послѣ пяти лѣтъ возвратится домой (что и сбылось)? — Правитель Іудеи Архелай, сынъ Ирода Великаго, видѣлъ слѣдующій сонъ въ періодъ наибольшаго неудовольствія противъ него іудейскаго народа, высшихъ классовъ его, по сообщенію Іосифа Флавія. Ему снилось десять колосьевъ, которые поѣли быки. Проснувшись, онъ тотчасъ послалъ къ ессеямъ за снотолкователемъ Симономъ. „Быки", сказалъ онъ, „означаютъ перемѣну, такъ какъ они взрываютъ землю плугомъ, а десять колосьевъ означаютъ десять лѣтъ твоего владычества". Черезъ пять дней послѣ этого Архелай былъ отозванъ въ Римъ дать объясненіе по жалобѣ, сдѣланной на него дворянствомъ Самаріи и Іудеи, передъ императоромъ Августомъ. Имущество Архелая было конфисковано, и самъ онъ былъ отправленъ въ Vienna Allobrogum на Ронѣ. Такимъ образомъ оправдался его сонъ [1]). Погодинъ разсказываетъ, со словъ Димитріева, сонъ извѣстнаго исторіографа Карамзина, видѣвшаго во снѣ, во время безнадежной болѣзни своей жены, будто бы онъ стоитъ надъ ея могилою, а черезъ нее протягиваетъ къ нему руку какая-то женщина .. Эта женщина впослѣдствіи оказалась его вторая жена Екатерина Андреевна [2]).

d) *Предвѣщаніе народно и всемірно-историческихъ событій.* Извѣстны классическіе сны Гекубы о паденіи Трои, Тарквинія Гордаго—о разрушеніи Рима [3]), Астіага о Кирѣ (по Геродоту). Разскажемъ послѣдній. Астіагъ, послѣдній

---

[1]) На основаніи *Bell. Iud.* II; 7, 3 и *Antiquit. Iud.* XVIII; 13, 2 въ *Hausrath's* «Neutestamentliche Zeitgeschichte» Aufl. 3. Th. I. p. 333.

[2]) *Погодинъ* стр. 15; изъ др. примѣр у Scherner'a на р. 357 (предсказаніе выигрыша въ лотереѣ); *Splittgerber* p. 85 f; *Schubert* «Geschichte der Seele» B. II. §§ 90—91; *Hom.* Odys XIX 560 f. (Сонъ Пенелопы).

[3]) У Cic De div. Lb. I. cap. XXII.

царь Мидіи, видѣлъ во снѣ, что изъ чрева дочери его Мандины, выростаетъ дерево, покрывающее тѣнью своею всю Азію и его самого. Онъ приказалъ призвать ко двору своему гадателей и разсказалъ имъ этотъ странный сонъ. Гадатели растолковали, что дочь его Мандина родитъ сына, который сдѣлается властителемъ всей Азіи и будетъ опасенъ для самого Астіага. Это былъ Киръ персидскій. Такъ какъ подозрѣніе относительно исторической правдивости и надежности повѣствованій Геродота вообще, высказывавшееся еще древними (apud Herodotum, patrem historiae, innumerabiles sunt fabulae), можетъ быть распространено и на приведенные факты изъ глубокой древности Востока, то мы обратимся къ другимъ авторамъ. — Сициліянка, по имени Химера, видѣла во снѣ, будто какой-то юноша вознесъ ее на небо и поставилъ передъ богами. Ей бросился въ глаза между прочимъ прикованный къ подножію трона человѣкъ съ краснымъ бородатымъ лицомъ. На вопросъ, что это за человѣкъ, юноша ей отвѣчалъ: „это злой рокъ Сициліи, а когда онъ освободится отъ цѣпей, то наступятъ великія бѣдствія“. По пробужденіи женщина сообщила свой сонъ другимъ. Когда вскорѣ затѣмъ Діонисій овладѣлъ тропомъ и она увидѣла его, то у нея невольно вырвался крикъ: „это—притѣснитель Сициліи, котораго я видѣла въ цѣпяхъ на небѣ!“ Діонисій велѣлъ ее умертвить [1])—Квинтъ Катулъ видѣлъ во снѣ мальчиковъ, играющихъ передъ алтаремъ Юпитера; у одного изъ нихъ была печать Римской республики; эту печать онъ положилъ Юпитеру на колѣни; въ слѣдующую ночь того-же мальчика онъ увидѣлъ сидящимъ уже на колѣняхъ Юпитера Капитолійскаго. Когда онъ приказалъ снять его оттуда, самъ богъ проговорилъ: „Оставь мальчика: онъ выростетъ на защиту Риму“. На слѣдующее утро К. Катулъ увидалъ молодаго Августа, невиданнаго имъ прежде,

---

[1]) Изъ Schol. къ Aeschin. 2, 10 у *Perty* B. II, 364 f., *Splittgerber* p. 122 f.

и немедленно призналъ въ немъ мальчика своихъ сновъ [1]). Подобнаго рода сны, предшествующіе рожденію великихъ людей, весьма часты [2]. — Фактовъ изъ новаго времени также весьма достаточно. Въ 1783 году донна Лукреція въ Апулеѣ видѣла во снѣ всѣ подробности ужаснаго землятрясенія въ этомъ году, охватившаго всю Южную Италію [3]).

в) Третья группа сновъ необыкновенныхъ, сны сверхъестественные, имѣя тѣже виды, что и естественные магическіе сны, существенное отличіе представляетъ по источнику. Сверхъ-естественные необыкновенные сны, какъ говорили уже выше, возникаютъ вслѣдствіе взаимно общенія души спящаго съ міромъ невидимымъ духовнымъ: Богомъ, ангелами, злыми духами и душами умершихъ. Изъ этихъ сновъ предметомъ нашего вниманія служатъ въ данномъ случаѣ по преимуществу сны пророческіе и при томъ происходящіе отъ Бога, Его воздѣйствія на душу человѣка. Всѣ подобные сны всегда служили и служатъ средствомъ къ достиженію высокихъ цѣлей Божественнаго домостроительства спасенія или отдѣльныхъ лицъ, или всего человѣчества, имѣя значеніе общее для всего царства Божія на землѣ, (какъ напр. извѣстный сонъ Константина Великаго, побудившій его къ признанію Христіанства, или какъ многіе пророческіе сны Ветхаго и Новаго Завѣта, служившіе средствами сверхъестественнаго откровенія истинъ вѣры и нравственности). Богъ, дѣйствуя или Самъ непосредственно Своею благодатію, или посредствомъ святыхъ Своихъ на духъ человѣческій во снѣ, часто возбуждаетъ къ обращенію и покаянію дремлющую совѣсть человѣка, сообщаетъ ему волю Свою на какіе нибудь спеціальные случаи, когда эта воля

---

[1]) Ibidem.

[2]) Таковы сны: Фридриха Великаго о Наполеонѣ, матерей: Перикла и св. Бернарда Клервосскаго (см. у *Splittgerber* p. p. 123 f.).

[3]) *Splittgerber* p. 124 f. ср. *Schubert* «Symbolik des Traumes» p. 42 и *Perty* B. II, 374 ff.

не можетъ быть познана Христіаниномъ изъ даннаго ему Богооткровеннаго закона въ церкви и совѣсти; всеблагій Господь являетъ человѣку часто разнообразную помощь въ трудныхъ обстоятельствахъ и случаяхъ жизни: даетъ утѣшеніе скорбящему, миръ—мятущемуся, надежду—отчаявающемуся, бодрость и силу духа унывающему и ослабѣвающему [1]). Всѣ эти незчислимые сны суть несомнѣнныя явленія милости и благодати Божіей, непосредственно опознаваемыя человѣкомъ въ чувствѣ: такіе сны отпечатлѣваются въ душѣ, по пробужденіи, въ чувствахъ радости, мира и духовной бодрости; благодатное соприкосновеніе божественнаго высочайшаго Духа съ духомъ человѣческимъ непосредственно воспринимается послѣднимъ.

Примѣрами подобныхъ явленій благодати Божіей человѣку полна исторія Церкви Христовой, и они не прекращаются и доселѣ [2]). Константинъ Великій предъ войною съ Максентіемъ увидѣлъ во снѣ самого Христа со знаменіемъ креста; І. Христосъ сказалъ ему, что этимъ знаменемъ онъ побѣдитъ врага.—Блаженный Августинъ въ періодъ своего блужданія во тьмѣ языческой, до обращенія въ Христіанство, слышалъ во снѣ голосъ: „возьми и читай!“, при чемъ увидѣлъ Римл. XIII, 12—14. (Это сообщаетъ самъ Бл. Августинъ въ своей исповѣди).—Однажды, по сообщенію самого-же Бл. Августина, мать его, св. Моника, видѣла во снѣ, что она стоитъ на длинной узкой чертѣ и погружена въ глубокую скорбь; вдругъ ей явился ангелъ и съ участіемъ спросилъ, о чемъ она плачетъ „Я плачу о погибели души сына“, отвѣчала она „Успокойся“, сказалъ ей ангелъ, „гдѣ ты стоишь, тутъ и увидишь его“ (т. е. онъ впослѣдствіи будетъ раздѣлять съ тобою одни и тѣ-же христіанскія вѣ-

---

[1]) Совсѣмъ нѣтъ нужды дробить эти сны на отдѣльные виды, какъ дѣлаетъ, напр., *Delitzsch*, а вслѣдъ за нимъ и *Splittgerber* (сны этого рода бываютъ по нимъ: Gewissensträume, Gnadenträume и Offenbarungsträume).

[2]) Примѣры приводятся въ изобиліи у *Splittgerber'a*: см. p.p. 153—185.

рованія).—Св. *Евагріи* самъ сообщаетъ объ одномъ бывшемъ ему снѣ во время одного сильнаго искушенія, переживавшагося имъ (чувственная склонность къ женѣ одного знатнаго гражданина въ Константинополѣ). „Богъ сжалился", разсказываетъ онъ, „надо мною, и послалъ мнѣ сонъ. Я видѣлъ себя въ глубокомъ и темномъ подземельи, и мнѣ явился ангелъ и сказалъ: „здѣсь ты погибнешь, если сейчасъ-же не убѣжишь. Поклянись мнѣ св. Евангеліемъ завтра оставить городъ, и я помогу тебѣ бѣжать!" Я поклялся и проснулся, но по пробужденіи въ моихъ ушахъ стояли еще слова: „здѣсь ты погибнешь". Св. Евагрій бѣжалъ въ Іерусалимъ и побѣдилъ свою склонность [1]).—Св. Патрикій (род 372) во снѣ получилъ повелѣніе отъ Бога идти и проповѣдывать Евангеліе среди дикихъ язычниковъ Ирландіи [2]).—Преп. Пахомій видѣлъ сонъ, будто роса сошла съ неба въ его правую руку и сдѣлалась какъ медъ, и въ тоже время слышалъ голосъ, что это означаетъ благодать, которая будетъ ниспослана на него.—У одного князя русскаго не было дѣтей; онъ просилъ ихъ себѣ у Бога, и разъ явился во снѣ ему и его супругѣ св. Кириллъ Бѣлозерскій и подалъ имъ своими руками три сосуда. У князя вскорѣ послѣ того родились два сына да дочь [3]). Въ особенности изобилуетъ примѣрами чудесныхъ явленій Божественной благодати во снѣ житіе св. Николая Чудотворца. Внявъ молитвѣ трехъ невинно осужденныхъ на смерть воеводъ въ Римѣ, св. Николай явился во снѣ императору Константину съ по-

---

[1]) *Splittgerber'a* p. 154 f; *Perty*, со словъ Боссюэта, (B. I. S. 74), передаетъ сонъ принцессы Анны, обратившій ее къ Богу: ей явился слѣпецъ и сказалъ, что есть на свѣтѣ много чудесъ, которыхъ люди не видятъ, какъ онъ свѣта.

[2]) *Neander* Kirchengeschichte B. I Abth. 3. S. 259 ff. ср. *Splittgerber'a* S. 177 f.

[3]) Чет. Мин. 15 Мая и 9 Іюня. См. подобные сны Чет. Мин. 24 Мая, 9 Мая, 9 Іюля, 8 Іюля, 11 Декабря.

велѣніемъ немедленно освободить ихъ изъ темницы и съ угрозою наказанія за неисполненіе воли Божіей. Тотъ же самый сонъ и въ ту же самую ночь видѣлъ и префектъ Рима [1]), который не замедлилъ разсказать свой сонъ императору. Императоръ сначала хотѣлъ было объяснить это чудо волшебствомъ осужденныхъ, но потомъ созналъ свою ошибку. — Великомученица Екатерина обращена явленіемъ ей Божіей матери во снѣ съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, обручившимъ ее Себѣ въ невѣсту (24 Ноября) —Св. Андрею Юродивому во снѣ представился весь міръ св. ангеловъ, въ противоположность полчищу темныхъ силъ (2 Октября).— „На далекомъ Востокѣ, на границахъ Китая, въ г. Кяхтѣ проживаетъ еще и нынѣ одно семейство, въ средѣ котораго произошло по истинѣ замѣчательное чудо милости Божіей, испрошенное молитвами Кронштадтскаго пастыря. Сестра консула, состоящаго на русской государственной службѣ, страдала долго и глубоко тяжкимъ недугомъ, отъ котораго, повидимому, не было никакой надежды когда-либо избавиться. Болѣзнь была столь тяжка, что страдалица замыслила даже отравиться и вотъ, подъ вліяніемъ этой страш-

[1]) Эти сны называются сны-двойники или двойные, хотя они могутъ быть видимы и весьма многими сразу (Doppelgeträume). Они представляютъ собою особый разрядъ сновъ необыкновенныхъ. Сны этого рода весьма любопытное явленіе, занимающее сильно психологовъ-онирологовъ, но въ весьма немногихъ случаяхъ объяснимое средствами опытной «научной» психологіи (напр. общностью и однородностью впечатлѣній двухъ или нѣсколькихъ лицъ: это объясняло бы, пожалуй, въ нѣкоторыхъ случаяхъ однородность содержанія, но не одновременность сновъ). По вопросу объ этомъ интересномъ явленіи, объяснимомъ вполнѣ и безъ остатка лишь на почвѣ истинной спиритуалистической психологіи, существуетъ обширная литература. Въ нашихъ матеріалахъ примѣры и объясненія сихъ сновъ даютъ: *Spitta* p. p. 215—255; *Scherner* p. p. 365—367; *Abercrombie* p. 215 f. *Radestock* p. p. 193—195; *Schubert* Geschichte der Seele» B. II, 91, *Splittgerber* p. 115 f. Изслѣдованіе объ этомъ особаго рода явленіи сонной жизни не входитъ въ нашу задачу, а потому мы ограничиваемся только этими краткими замѣчаніями.

ной мысли, ей снится сонъ. Видитъ она себя на краю мрачной и ужасной бездны; желала бы она уйти отъ нея, но какая-то роковая сила толкаетъ ее впередъ и влечетъ въ пропасть, откуда нѣтъ спасенія, и гдѣ ее ждетъ неминуемая смерть. Ужасъ овладѣваетъ страдалицею, холодный потъ выступаетъ на ея лицѣ, сердце ея трепещетъ отъ смертельнаго страха, но почва колеблется подъ нею и она чувствуетъ, что ноги ея скользятъ къ самому краю бездонной пропасти, надъ которой разстилается зловѣщій мракъ, а въ глубинѣ бурлитъ и клокочетъ цѣлый адъ. Наконецъ, она теряетъ подъ собою почву и тѣло ея повисаетъ въ воздухѣ съ тѣмъ, чтобы стремительно ринуться въ объятія смерти, широко распахнувшей свой ужасный зѣвъ... Спасенья, по видимому, нѣтъ, и послѣдняя мысль, мелькнувшая въ ея сознаніи, была о Спасителѣ, распятомъ на крестѣ!.. Въ то же мгновеніе точно въ облакахъ появился передъ нею священникъ, съ печатью кротости и милосердія на челѣ...—Именемъ спасителя нашего даруется тебѣ жизнь!—проговорилъ онъ, и могучей твердой рукой схвативъ ее, опять поставилъ на твердую почву. Затѣмъ онъ показалъ ей до того незамѣтную тропинку, по которой она могла бы удалиться отъ бездны, и напутствовалъ ее такими словами: „Иди и воздай благодареніе Богу за дарованное тебѣ спасеніе!“ Проснувшись, страдалица разсказала брату и всѣмъ своимъ близкимъ о своемъ чудномъ снѣ, причемъ съ подробностью описала видѣннаго ею во снѣ священника, образъ котораго рѣзко запечатлѣлся въ ея воображеніи. Кто таковъ былъ привидѣвшійся ей священникъ, на это никто не могъ дать объясненія.

Прошло нѣкоторое время послѣ этого сновидѣнія, всѣ посторонніе забыли о немъ, да и сама страдалица все меньше и меньше вспоминала о немъ, хотя и таила въ душѣ убѣжденіе, что вѣщій сонъ ея долженъ имѣть какое-нибудь особенное значеніе. И вдругъ совершенно случайно ей довелось увидѣть портретъ о. Іоанна Кронштадтскаго, о внѣшнемъ

видѣ котораго она до того времени не имѣла никакого понятія. хотя и многое слышала о немъ, такъ какъ слухомъ о немъ полнится вся русская земля. Представьте же ея и всѣхъ близкихъ ея удивленіе, когда въ портретѣ о. Іоанна она узнала того самаго священника, который спасъ ее отъ гибели въ ея сновидѣніи! Она немедленно же телеграфировала о. Іоанну въ Кронштадтъ, прося его молитвы и ходатайства предъ престоломъ Царя царей. О. Іоаннъ не замедлилъ исполнить ея просьбу. отслужилъ молебенъ о ея здравіи, о чемъ и увѣдомилъ ее своевременно. Съ тѣхъ поръ неизлѣчимая болѣзнь, грозившая неизбѣжною смертью страдалицѣ. приняла благопріятный оборотъ и въ скоромъ времени больная окончательно выздоровѣла. Она была такъ признательна, что, по воздоровленіи, не устрашилась далекаго, долговременнаго и труднаго путешествія и вмѣстѣ съ братомъ пріѣзжала изъ Кяхты въ Кронштадтъ, чтобы лично благодарить добраго пастыря, испросившаго ей своими молитвами милосердіе Божіе“ [1]) —Сюда же принадлежитъ сонъ Грачева въ связи съ его чудеснымъ исцѣленіемъ. взволновавшій недавно Петербургъ. Въ г. С.-Петербургѣ, на такъ называемой Петербургской сторонѣ, въ приходѣ Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, у супруговъ Грачевыхъ 3 Декабря родился сынъ Николай, наименованный такъ въ честь святителя и чудотворца Николая, ближайше къ сему числу празднуемаго церковію 6 Декабря. Отъ самаго рожденія Николай былъ слабый и больной ребенокъ, до 7—лѣтняго возраста не ходилъ и вообще перенесъ въ дѣтствѣ много болѣзней. Въ 1886 году одновременно скончались родители Николая и онъ остался на попеченіи сестры своей, благочестивой молодой дѣвицы. Въ день похоронъ матери сдѣлался съ нимъ первый припадокъ падучей болѣзни, и онъ сталъ подвергаться припадкамъ, въ началѣ рѣдко, затѣмъ все чаще и чаще. Во время сихъ припадковъ онъ по-

[1]) Изъ «Русскаго Паломника» 1891 г. № 15 (ст. «О. Іоаннъ Кронштадтскій» Ѳеодора Г-ва).

стоянно подергивался и надувался, истерически рыдалъ. его ломало, изгибало, подбрасывало иногда на полъаршина, сбрасывало со стула, съ кровати. Тѣло его принимало, говоритъ сестра, такое неестественное положеніе, что можно было усумниться, есть-ли у него кости. Благочестивая, любящая сестра его употребила всѣ возможныя средства къ его излѣченію, и всѣ они были напрасны. Длинная тяжелая исторія его лѣченія подробно сообщается въ собственноручномъ свидѣтельствѣ сестры. Восемь разныхъ врачей и разными способами лѣчили его и аллопатіей, и гомеопатіей. и терапевты, и психіатры, употребляли морскія ванны, и дома лѣчили, и клали въ лѣчебницы. Въ числѣ врачей указуются первыя знаменитости медицинской науки въ С.-Петербургѣ. Но не только не было исцѣленія, даже облегченія болѣзни; напротивъ,—положеніе больнаго дѣлалось все хуже. Въ Ноябрѣ 1890 года у больнаго отнялись руки и ноги. онъ былъ не въ состояніи уже принимать лѣкарства, припадки повторялись по 6, по 7, по 8 разъ въ сутки: единственнымъ избавленіемъ отъ страданіи представлялась смерть. Истощивъ всѣ средства, видя брата лежащаго безъ рукъ и ногъ, и сестра подумала, что ему уже не долго жить, и пригласила своего духовнаго отца исповѣдать брата и причастить святыхъ Таинъ въ напутіе жизни вѣчной. Въ это время полнаго сознанія немощи человѣческой и безнадежности болящаго, Господу, дивному въ дѣлахъ Своихъ, и благоугодно было подать больному Свою Божественную помощь. Послѣдовало дивное явленіе ему Царицы Небесной. святителя Николая и еще святаго въ бѣломъ клобукѣ съ крестомъ. Царица Небесная, обращаясь къ болящему, сказала: „Николай, поѣзжай въ часовню, гдѣ упали монеты. 6 Декабря ты получишь исцѣленіе, но ранѣе никому не говори“. И здѣсь сколько испытано было недоумѣній и страховъ, прежде чѣмъ повелѣніе Царицы Небесной было исполнено! Вотъ наконецъ 6 Декабря, въ день Ангела, больнаго съ большимъ трудомъ одѣли, снесли съ лѣстницы и повезли

въ часовню. Разстояніе отъ дома жительства до часовни около семи верстъ. На дорогѣ былъ съ нимъ припадокъ. Лишь только внесли его въ часовню, припадокъ возобновился; положили его на полъ передъ святой иконой. Во время чтенія Евангелія больной пришелъ въ сознаніе. При пѣніи „Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, развѣ Тебе, Владычице", приподняли его и приложили къ святой иконѣ. Въ ту-же минуту онъ перекрестился и всталъ на ноги, какъ здоровый, и еще разъ со всѣмъ усердіемъ благодарной любви приложился къ святой иконѣ. Съ тѣхъ поръ отрокъ совершенно здоровъ. (Изъ Церковныхъ Вѣдомостей 1891 года).

Мы не приводили сновъ Библейскаго цикла, для которыхъ отведемъ особенное мѣсто; но какъ объ этихъ, такъ и о внѣ-библейскаго цикла сверхъестественныхъ снахъ легко можно судить по представленнымъ образцамъ.

Для отличія сверхъестественныхъ пророческихъ (и другихъ) сновъ отъ естественныхъ пророческихъ (и другихъ) кромѣ вышеуказаннаго субъективнаго критерія (внутренняго чувства) служатъ критеріи объективные, разумные. Это, конечно, тѣ же самые критеріи, которые прилагаются къ отличенію естественныхъ предсказаній (основывающихся на разсмотрѣнныхъ во II-й главѣ магическихъ способностяхъ души) отъ сверхъестественнаго пророчества въ богословіи. Въ этомъ отношеніи богословіемъ давно выработаны опредѣленныя данныя, на основаніи которыхъ богословъ отличаетъ явленія естественной магической дивинаціи отъ сверхъестественнаго пророчества. Правда, не всегда указывались признаки характерные, но и такіе указывались. Такъ *ясность* предсказанія не можетъ быть отличительною чертою пророчества въ отличіе отъ естественной дивинаціи: какъ извѣстно, пророчества большею частію имѣютъ аллегорическую форму, а потому отличаются непостижимостью и загадочностью; извѣстно также, что и естественныя предсказанія во снѣ и другими способами (напр. въ снахъ *теорематическихъ*) отличаются полною ясностью и опредѣленностью, такъ предсказываются событія, напр., смерть, съ точнымъ обоз-

наченіемъ лицъ, обстоятельствъ мѣста и времени и т. п. Точно также наблюденіе надъ фактами не позволяетъ считать необходимымъ для пророчества, чтобы оно относилось къ событіямъ общаго значенія, а не частнаго, а для естественныхъ предсказаній—необходимымъ, чтобы ихъ предметомъ служили событія значенія частнаго, напр. изъ жизни собственной и ближайшихъ лицъ: это наглядно показываетъ уже безъ всякихъ объясненій одинъ только взглядъ на послѣднюю рубрику въ нашемъ общемъ изложеніи типическихъ пророческихъ сновъ, основывающихся на естественныхъ магическихъ способностяхъ (см. стр. 132 f. 138 f. сей главы). Менѣе всего также можетъ служить къ отличію пророчествъ отъ естественныхъ предсказаній указаніе на то, что предметомъ первыхъ служитъ случайное и далекое, а послѣднихъ—необходимое и близкое. Достаточно бѣглаго взгляда хотя бы только на вышеприводившіеся факты для того, чтобы видѣть произвольность этого критерія: предметомъ того и другого рода предсказаній всегда служитъ случайное, предсказанія же въ астрономіи, медицинѣ и другихъ точныхъ наукахъ на основаніи закона вѣроятности стоятъ совершенно особнякомъ и не могутъ быть въ собственномъ смыслѣ названы предсказаніями: это простыя заключенія логическія по вѣроятности. Кажется, установка критеріевъ, по которымъ безошибочно можно было-бы отличать пророчества отъ естественныхъ предсказаній, не представитъ большаго затрудненія, если мы за исходное начало ея возьмемъ слѣдующее положеніе: такъ какъ пророчество исходитъ отъ самого Бога, то оно должно носить на себѣ печать своего божественнаго происхожденія, т. е. быть совершенно свободно отъ всякихъ недостатковъ, а человѣческая естественная дивинація носить на себѣ слѣды человѣческой ограниченности. Поэтому вполнѣ достойнымъ Бога должно признать такое пророчество, которое совершенно во всѣхъ отношеніяхъ: и по своему содержанію или характеру, и по цѣли. *Цѣль* пророчествъ должна быть всегда высокая (религіозно

нравственная), какою по преимуществу представляется содѣйствіе падшимъ людямъ въ дѣлѣ вѣры и нравственности [1]). Но этого нельзя сказать о естественной дивинаціи: часто предсказанія этого рода не только не имѣютъ высокой цѣли, но даже лишены всякой цѣли и смысла. Изъ обзора явленій естественной дивинаціи можно придти къ слѣдующимъ общимъ заключеніямъ: магическія силы души дѣйствуютъ въ тѣхъ, у кого онѣ есть, какъ слѣпыя стихійныя силы, не подчиняясь разуму. Вопреки всякому смыслу онѣ часто сильнѣе проявляются въ отношеніи къ мелочному, ничтожному, къ мелкимъ и ненужнымъ подробностямъ, чѣмъ къ главному въ событіяхъ, оттого онѣ производятъ впечатлѣніе чего-то безсмысленнаго, ненужнаго [2]), нелѣпаго. Далѣе, пророчество должно быть *абсолютно истинно*, т. е. безошибочно предсказывать во всѣхъ подробностяхъ. Но этого также нельзя сказать о естественной дивинаціи: предсказанія ея, напр., въ общемъ имѣютъ характеръ лишь *приблизительности*, а не совершеннѣйшей точности. Эта черта указывается не нами одними, но и другими изслѣдователями въ онирологіи. Шплиттгерберъ, отмѣтивъ эту черту, указываетъ при этомъ и ея источникъ, объясняетъ ея происхожденіе. „Никогда“, говоритъ онъ, „не слѣдуетъ забывать, что и способность предвѣдѣнія, кореняцаяся въ образѣ и подобіи Божіемъ человѣка, участвуетъ въ общей болѣзненности и слабости нашей человѣческой природы, и потому какъ во снѣ, такъ и на яву дѣйствуетъ лишь отрывочно, съ пробѣлами (какъ электрическій индуктивный токъ, добавимъ отъ себя: luckenhaft, bruchstückartig), а иногда даже ошибочно“ [3]). Естествен-

[1]) См. *Арх. Макарія*. Введеніе въ Православное богословіе § 44. IV.

[2]) Таковъ характеръ ясновидѣнія въ сомнамбулизмѣ по Perty. Изъ сновъ, въ частности, см. *Perty* B. II, 388, *Погодинъ* стр. 41; *Splittgerber* p. p. 79—80. Эта черта выступаетъ болѣе или менѣе ясно во всѣхъ снахъ.

[3]) *Splittgerber* p. 273 ср. 382. Какъ одну любопытную особенность въ этомъ отношеніи замѣтимъ, что во снѣ и въ другихъ дивинаціонныхъ состояніяхъ ясновидящій духъ погрѣшаетъ въ числахъ или количествѣ, указывая всегда боль-

ныя предсказанія отъ пророчества „существенно отличаются и стоятъ гораздо ниже послѣдняго, потому что они возникаютъ изъ естественныхъ силъ человѣческой души, а пророчество изъ внушеній Божественнаго Духа. А это отличіе влечетъ за собою другое въ высшей степени важное отличіе: пророчество... вполнѣ свободно отъ всякой лжи и ошибокъ, слѣдовательно безусловно во всѣхъ частяхъ достовѣрно, между тѣмъ какъ естественныя предсказанія всегда подчинены ошибкамъ и потому никогда не могутъ претендовать на полную достовѣрность. Этимъ объясняется, что на дѣлѣ весьма рѣдко, да едва-ли когда и было, чтобы являлись во всѣхъ частяхъ сбывавшіяся естественныя предсказанія, что отъ этого недостатка не освобождались даже самые знаменитые ясновидцы. Можно сказать, духъ ясновидящаго подобенъ облачному небу, въ которомъ изрѣдка выглянетъ во всемъ блескѣ солнышко, обыкновенно свѣтящее сквозь облака; ясновидецъ раздѣляетъ со времени грѣхопаденія общую судьбу всѣхъ смертныхъ“ [1]). Мы особенно просимъ читателей обратить вниманіе на эту черту естественной дивинаціи для того, чтобы они по достоинству могли оцѣнить отрицаніе на основаніи ея самаго факта дивинаціи и степень логичности такого весьма зауряднаго пріема со стороны большинства противниковъ вѣры въ пророческіе сны, пробавляющихся въ данномъ случаѣ, какъ и слѣдуетъ ожидать отъ большинства, предразсудками своей среды безъ всякаго критическаго къ нимъ отношенія.

шую цифру противъ той, какая слѣдуетъ, напр., (у *Scherner'a* p. 357) сонъ предсказываетъ выигрышъ въ 10,000, дѣйствительный-же оказался въ 1000 марокъ. Это только образецъ). Впрочемъ можетъ быть этотъ выводъ изъ наблюденій надъ фактами и требуетъ еще провѣрки.

[1]) *Splittgerber* p. 310 f. ср. *Delitzsch* p. 286. Фактъ несбывающихся предсказаній во снѣ и другихъ состояніяхъ принимаетъ и *Perty* B. I, 223.

Гл. IV. Библейское ученіе о пророческихъ снахъ.

Божественное откровеніе, имѣющее свою послѣднюю цѣль въ спасеніи человѣка черезъ возсоединеніе его съ Божествомъ, источникомъ совершенства и счастія, не можетъ имѣть своею цѣлію удовлетвореніе нашей любознательности по тѣмъ или инымъ вопросамъ нашего знанія, хотя и обнимаетъ собою почти весь кругъ послѣдняго, заключая въ себѣ данныя по антропологіи, психологіи, астрономіи и прочимъ наукамъ. Отсюда Библейская Психологія не есть наука въ точномъ смыслѣ этого слова, какъ ученіе Библіи о душѣ, а лишь систематическій сводъ данныхъ по психологіи, разсѣянныхъ въ Библіи; въ этомъ смыслѣ существуютъ: Библейская космогонія, библейская археологія, библейская естественная исторія, библейская Географія, отсюда также понятно, что должно разумѣть подъ Библейскимъ ученіемъ о пророческихъ снахъ.

На основаніи имѣющихся данныхъ въ Библіи по нашему вопросу можно представить здѣсь вполнѣ законченное Библейское ученіе о пророческихъ снахъ въ связи съ общимъ ученіемъ о снѣ и сновидѣніяхъ. Такъ какъ ученіе Библіи о снѣ, сущности и происхожденіи его, было изложено выше (см. гл. I), то начнемъ съ ученія о сновидѣніяхъ.

Въ качествѣ общей черты библейскаго ученія о снахъ прежде всего должно отмѣтить его полное согласіе съ здравыми научными понятіями въ этой области и отсутствіе тѣхъ нелѣпостей и несообразностей, которыя насъ иногда поражаютъ не только въ донаучномъ народномъ воззрѣніи на

сны, ихъ существо и происхожденіе, какъ это видимъ у грековъ, напр., гомеровскаго періода (см. гл. V), но и у философовъ и ученыхъ прежняго и даже не очень давняго времени, какъ у древнихъ Демокрита и Лукреція, изъ новыхъ—у Бакстра. Демокритъ и Лукрецій, какъ извѣстно, считали образы сновъ матеріальными истеченіями отъ предметовъ (εἰδωλα), ихъ утонченными образами, носящимися, какъ пыль, въ воздухѣ и, во снѣ чрезъ дыхательные органы, входящими въ душу; а о Бакстрѣ Макничъ сообщаетъ, что онъ въ своемъ Treatise on the Immortality of the Soul старается доказать, что сны происходятъ отъ дѣятельности нѣкоторыхъ духовныхъ существъ, которыя во снѣ или забавляютъ спящаго, или сами серьезно забавляются, устраивая настоящія театральныя представленія, невольнымъ зрителемъ которыхъ дѣлается спящій [1]).

Нѣтъ и слѣдовъ чего-либо подобнаго въ Библейскомъ ученіи о снахъ. Что Библія чужда этого первобытнаго наивнаго и грубо реалистическаго представленія о сновидѣніяхъ, что она видитъ въ сновидѣніяхъ простой продуктъ дѣятельности воображенія, это видно. напр., изъ сравненія сновъ съ мечтами. Изображая шаткость и эфемерность стремленій нечестивыхъ людей, псалмопѣвецъ говоритъ: *Какъ сновидѣніе по пробужденіи, такъ Ты, Господи, пробудивъ ихъ, уничтожишь мечты ихъ* (Пс. LXXII, 20). Видя въ снахъ лишь суетную игру воображенія, выражающуюся въ лишенномъ логической связи движеніи представленій, Экклезіастъ сравниваетъ сны съ глупыми словами: *Ибо какъ сновидѣнія бываютъ при множествѣ заботъ, такъ голосъ глупаго познается при множествѣ словъ... Ибо во множествѣ сновидѣній, какъ и во множествѣ словъ, много суеты* (Екк. V, 2. 6). Св. писатель книги Іова, чтобы показать призрачность и непрочность земнаго величія и славы, не находитъ ничего лучшаго, какъ уподобить ихъ снамъ: *хотя бы до небесъ возросло вели-*

---

[1]) *Macnish* Philosophy of Sleep p. 33.

чіе его (нечестиваго), *и голова его касалась облаковъ; какъ сонъ, улетитъ, и не найдутъ его; и, какъ ночное видѣніе, исчезнетъ* (XX, 6. 80. Ис. XXIX, 7—8). По сравненіямъ премудраго сновидѣнія—надежды глупыхъ (нечестивыхъ), тѣнь, вѣтеръ, отраженіе лица въ зеркалѣ: *Пустыя и ложныя надежды—у человѣка безразсуднаго, и сонныя грезы окрыляютъ глупыхъ. Какъ обнимающій тѣнь или гоняющійся за вѣтромъ, такъ вѣрящій сновидѣніямъ.* Сновидѣнія совершенно то-же, что *подобіе лица противъ лица* (Сир. XXXIV, 1—3).

Изъ такого понятія о снахъ, какъ пустой игрѣ воображенія, естественно слѣдуетъ выводъ, что вѣрить въ нихъ нельзя, что вѣра въ сны есть такое же неразумное дѣло, какъ погоня за вѣтромъ или обниманіе тѣни (Сир. XXXIV, 2): *Гаданія и приметы и сновидѣнія—суета, говоритъ премудрый, и сердце наполняется мечтами какъ у рождающей. Сновидѣнія многихъ ввели въ заблужденіе, и надѣявшіеся на нихъ подверглись паденію* (Сир. XXXIV, 5. 7) [1]).

Однако отсюда вовсе не слѣдуетъ, что не должно вѣрить въ сны никогда. Сны бываютъ различные: обыкновенные, происходящіе отъ дѣятельности воображенія, и необыкновенные, сны отъ Бога; порицается вѣра въ сны только перваго вида, обыкновенные—пустые. Эта мысль раскрывается ясно уже у тѣхъ же самыхъ священныхъ писателей, которые такъ рѣшительно порицаютъ неразборчивую вѣру въ сны. *Какъ обнимающій тѣнь или гоняющійся за вѣтромъ, такъ вѣрящій сновидѣніямъ. Если они не будутъ посланы отъ Всевышняго для вразумленія, не прилагай къ нимъ сердца твоего* (Сир. XXXIV. 2. 6). Въ сравненіи Экклезіаста сновъ съ глупыми словами заключается та же мысль косвенно о различіи между снами по значенію: какъ есть слова истин-

[1]) Цицеронъ горько сѣтуетъ на то, что суевѣріе изъ сна, назначеннаго богами для успокоенія людей, часто дѣлаетъ источникъ безпокойства, страха, страданій (De divin. Ib. II, cap. LXXII).—Словами Сираха о тщетѣ вѣры въ сны пользуются многіе ученые онирологи скептики, какъ Шпитта, Радстоккъ и др.

ныя и ложныя, такъ есть и сны истинные и ложные. какъ при множествѣ словъ возможны слова глупыя („во множествѣ словъ много суеты"), такъ и „во множествѣ сновидѣній", естественно. неизбѣжны глупыя и пустыя (Еккл. V, 2. 6). При этомъ сновъ пустыхъ по необходимости всегда больше, чѣмъ сновъ значительныхъ; это ужъ слѣдуетъ. во первыхъ, изъ ихъ множества, а во вторыхъ изъ свойствъ самой души человѣческой—изъ ея ограниченности, нечистоты и лживости, не позволяющихъ ей вѣрно и правильно воспринимать и отражать въ себѣ истину не только во снѣ, но и въ бодрственномъ состояніи: *Отъ нечистаго что можетъ быть чистаго, и отъ ложнаго что можетъ быть истиннаго!* (Сир. XXXIV, 4). Вотъ почему требуется осторожность и разборчивость въ отношеніи къ вѣрѣ въ сны, и для большинства, можетъ быть, лучше совсѣмъ не вѣрить въ свои сны, чѣмъ подвергаться ошибкамъ.

Существованіе сверхъестественныхъ пророческихъ и другихъ сновъ третьей группы нашей классификаціи (а также пророческихъ второй группы) утверждается не только въ этихъ приведенныхъ здѣсь мѣстахъ Библіи, но и въ другихъ мѣстахъ, и при томъ—яснѣе и прямѣе: кромѣ того оно слѣдуетъ само собою изъ сообщаемыхъ въ Библіи фактовъ пророческихъ сновидѣній. Разсмотримъ сначала мѣста перваго рода. а) „*И сказалъ* (Господь): *слушайте слова Мои: если бываетъ у васъ пророкъ Господень, то Я открываюсь ему въ видѣніи, во снѣ говорю съ нимъ* (Числъ XII, 6). Это мѣсто по своей ясности не требуетъ комментаріевъ: изъ него очевидно, что сны служатъ орудіемъ Божественнаго откровенія людямъ. Изъ нижеслѣдующаго мѣста мы узнаемъ, что этотъ способъ откровенія не былъ особенностью Ветхаго Завѣта.—напротивъ онъ предназначается преимущественно для Новаго Завѣта, времени большей близости людей къ Богу: *И будетъ послѣ того излію отъ Духа Моего на всякую плоть, и будутъ пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцамъ*

вашимъ будутъ сниться сны, и юноши ваши будутъ видѣть видѣнія (Іоиль II, 28)[1]). Въ другихъ мѣстахъ указывается и цѣль такихъ откровеній Божественныхъ, именно—вразумленіе, наставленіе, вообще спасеніе грѣшнаго человѣка. Сюда, кромѣ приведеннаго уже Сир. XXXIV, 6, относится Іова XXXIII, 14—18: *Богъ говоритъ однажды, и, если того не замѣтятъ, въ другой разъ: во снѣ, въ ночномъ видѣніи, когда сонъ находитъ на людей, во время дремоты на ложѣ. Тогда Онъ открываетъ у человѣка ухо, и запечатлѣваетъ Свое наставленіе, чтобы отвесть человѣка отъ какого-либо предпріятія и удалить отъ него гордость, чтобы отвесть душу его отъ пропасти и жизнь его отъ пораженія мечемъ* (ср. Ев. Мо. II, 13, 12, 19—20).

Такимъ образомъ сны служатъ орудіемъ не общаго, а частнаго или индивидуальнаго Божественнаго Промысла, за нѣкорыми исключеніями: они посылаются Богомъ для всѣхъ людей безразлично, а не для однихъ избранниковъ, какъ пророки, они посылаются и грѣшнымъ для ихъ вразумленія, посылаются язычникамъ и невѣрующимъ, каковы, напр., Фараонъ Египетскій (Быт. XLI, 32), Навуходоносоръ Вавилонскій (Дан. II, 29—36. IV, 1—15 и VII, 1—15 ср. II, 28 и 45), Египтяне въ день послѣдней казни исхода (Прем. Сол. XVIII, 17—19, Авимелехъ (Быт. XX, 3—7), Лаванъ (Быт. XXXI, 24), жена Пилата (Мѳ. XXVII, 19). Во всякомъ случаѣ видѣніе пророческихъ сновъ не есть признакъ близости человѣка къ Богу и его Божественнаго посланничества, что видно изъ приводившагося ранѣе Втор. XIII, 1—5. Что сны—низшій видъ Божественнаго Откровенія, объ этомъ есть прямое свидѣтельство въ Библіи: *если бываетъ у*

---

[1]) Возможность откровеній во снѣ предполагается, несомнѣнно, и слѣдующими словами во Вт. XIII, 1—3: «Если возстанетъ среди тебя пророкъ, или сновидецъ и представитъ тебѣ знаменіе или чудо, о которомъ онъ говоритъ тебѣ, и скажетъ притомъ: пойдемъ въ слѣдъ боговъ иныхъ...; то не слушай словъ пророка сего, или сновидца сего; ибо чрезъ сіе искушаетъ васъ Господь, Богъ вашъ».

васъ пророкъ Господень, то Я открываюсь ему въ видѣніи, во снѣ говорю съ нимъ; но не какъ съ рабомъ Моимъ Моисеемъ; онъ вѣренъ во всемъ дому Моему. Устами къ устамъ Я говорю съ нимъ, и явно, а не въ гаданіяхъ; и образъ Господа онъ видитъ (Ч. XII, 6—8). Божество приближается къ людямъ въ сновидѣніяхъ подъ покровомъ символовъ и загадокъ болѣе, чѣмъ въ другихъ способахъ Своего Откровенія; вотъ почему и далекіе духовному міру люди удостоиваются откровеній во снѣ (Ч. XII, 6—8).

б). Изъ сообщаемыхъ въ Библіи *двадцати шести сновъ* одни, какъ можно догадываться изъ указаній самой Библіи (Вт. XIII, 1—3), естественнаго происхожденія (принадлежатъ ко второй группѣ), другіе сверхъестественнаго (принадлежатъ къ третьей группѣ), и послѣднихъ гораздо больше, чѣмъ первыхъ [2]).

---

[1]) Богословы, изучавшіе вопросъ, единогласно утверждаютъ, что сны—низшій родъ Божественнаго Откровенія, какъ *Delitzsh* System der Biblischen Psychologie. Leipzig, 1861, p. 285; въ *Zeller'a* «Bibl. Worterb». (Artcl.: *Traum*): «von Offenbarungstraumen wahrer Propheten haben wir kein sicheres Beispiel.» —Еще *Тертуллианъ* обратилъ на это вниманіе: (Gratiae) liberalitas soleat et in profanos destillare, imbres etiam et soles suos peraequante deo justis et injustis, siquidem Nabuchodonosor divinitus somniat, et major paene vis hominum ex visionibus deum discunt (Math. V, 45; Dan. II, 1 sqq.). Sicut ergo dignatio dei et in ethnicos ita et memptatio mali in sanctos, a quibus nec interdiu absistit, ut vel dormientibus obrepat qua potest, si vigilantibus non potest. *De anima* Cap. XLVII

[2]) Быт. XX, 3—7; Б. XXXI, 24; Прем. Сол. XVIII, 17—19; Мѳ. XXVII, 19; Б. XXXI, 10—13; Б Б. XLVI, 2—4; Б. XXVIII, 12—15; Б. XXXVII, 5—9; Б. XL, 9—14; Б. XL, 16—19; Б XLI, 1—5; Б. XLI, 6—7, Суд. VII, 13—15; 1 Цр. III, 1—15; Б. XV, 12—16; Дан. II. 2 f. 19 f. 29—36; Дан. IV, 1—15; Дан. VII, 1—15 ср. 3 Ездр. XI; 3 Цр. III, 5 f; Мѳ. 1, 20—24; Мѳ. II, 13, Мѳ. II, 19—20; Мѳ. II, 12; Іовъ IV, 12 f; Мѳ. II, 22.

Здѣсь мы приведемъ сны менѣе извѣстные, не встрѣчающіеся въ общихъ курсахъ и ходячихъ руководствахъ по священной исторіи.

А. **Сны естественнаго происхожденія.**

Сюда принадлежатъ всѣмъ извѣстные сны напр. Іосифа (Быт. XXXVII, 5—9), виночерпія и хлѣбодара Египетскаго фараона (Быт. XL. 9—14. 16—19), воина въ войскѣ Гедеона передъ сраженіемъ съ Мадіанитянами: „Гедеонъ пришелъ; и вотъ одинъ разсказываетъ другому сонъ, и говоритъ: снилось мнѣ, будто крутый ячменный хлѣбъ катился по скату Мадіамскому, и прикатившись къ шатру, ударилъ въ него такъ, что онъ упалъ, опрокинулъ его, и шатеръ распался. Другой сказалъ въ отвѣтъ ему: это не иное что, какъ мечъ Гедеона, сына Іоасова, Израильтянина; предалъ Богъ въ руки его Мадіатинянъ и весь станъ. Гедеонъ, услышавъ разсказъ сна и толкованіе его. поклонился (Господу), и возвратился въ станъ израильскій“ (Суд. VII, 13—15).

Б **Сны сверхъестественнаго происхожденія.**

Въ нѣкоторыхъ снахъ Господь даетъ разрѣшеніе недоумѣній, тревожащихъ совѣсть; сюда принадлежатъ—сонъ Елифаза: „И вотъ ко мнѣ тайно принеслось слово, и ухо мое приняло нѣчто отъ него. Среди размышленій о ночныхъ видѣніяхъ, когда сонъ находитъ на людей, объялъ меня ужасъ и трепетъ, и потрясъ всѣ кости мои. И духъ прошелъ надо мной; дыбомъ встали волосы на мнѣ. Онъ сталъ,—но я не распозналъ вида его, только обликъ былъ передъ глазами моими; тихое вѣяніе,—и я слышу голосъ: человѣкъ праведнѣе-ли Бога? и мужъ чище-ли Творца своего? Вотъ Онъ и слугамъ Своимъ не довѣряетъ; и въ ангелахъ Своихъ усматриваетъ недостатки, тѣмъ болѣе—въ обитающихъ въ храминахъ изъ бренія, которыхъ основаніе—прахъ. которыя истребляются скорѣе моли“ (Іова IV, 12—19); сонъ Егип-

тянъ въ ночь послѣдней казни исхода:... „тогда вдругъ сильно встревожили ихъ (египтянъ) мечты сновидѣній, и наступили неожиданные ужасы; и будучи поражаемъ--одинъ—тамъ, другой—тутъ, полумертвый объявлялъ причину, по которой онъ умиралъ: ибо встревожившія ихъ сновидѣнія предварительно показали имъ это, чтобы они не погибли, не зная того, за что терпятъ зло (Прем. Сол. XVIII, 17—19). Въ сновидѣніяхъ Господь предостерегаетъ людей отъ злыхъ поступковъ: сюда принадлежатъ сны *Авимелеха*, царя Герарскаго: И пришелъ Богъ къ Авимелеху ночью во снѣ, и сказалъ ему: вотъ ты умрешь за женщину, которую ты взялъ; ибо имѣетъ мужа. Авимелехъ же не прикасался къ ней, и сказалъ: Владыка! неужели Ты погубишь (незнавшій сего) и невинный народъ? Не самъ-ли онъ сказалъ мнѣ: она—сестра моя? И она сама сказала: онъ – братъ мой. Я сдѣлалъ это въ простотѣ сердца моего и въ чистотѣ рукъ моихъ. И сказалъ ему Богъ во снѣ: „Я знаю, что ты сдѣлалъ сіе въ простотѣ сердца твоего, и удержалъ тебя отъ грѣха предо Мною; потому и не допустилъ тебя прикоснуться къ ней. Теперь же возврати жену мужу: ибо онъ пророкъ и помолится о тебѣ, и ты будешь живъ; а если не возвратишь, знай, что непремѣнно умрешь ты и всѣ твои“ (Быт. XX, 3—7); сонъ *Лавана*. „И пришелъ Богъ къ Лавану арамеянину во снѣ и сказалъ: берегись, не говори Іакову ни добраго, ни худаго (Б. XXXI, 24); сонъ жены Пилата (Мѳ. XXVII, 19).—Въ сновидѣніяхъ Господь даетъ утѣшеніе людямъ и ободряетъ ихъ; сюда—сонъ *Іакова у Лавана*: „Однажды въ такое время, когда скотъ зачинаетъ, я взглянулъ и увидѣлъ во снѣ, и вотъ козлы (и овны), поднявшіеся на скотъ (на козъ и овецъ), пестрые съ крапинами и пятнами. Ангелъ Божій сказалъ мнѣ во снѣ: Іаковъ! Я сказалъ: вотъ я! Онъ сказалъ: возведи очи твои и посмотри: всѣ козлы (и овны), поднявшіеся на скотъ (на козъ и овецъ), пестрые съ крапинами и съ пятнами; ибо я вижу все, что Лаванъ дѣлаетъ съ тобою. Я Богъ (явившійся тебѣ) въ Веѳилѣ, гдѣ ты возлилъ елей на памятникъ и гдѣ ты далъ Мнѣ обѣтъ.

Теперь встань, выйди изъ земли сей; и возвратись въ землю родины твоей („Я буду съ тобою“) [Б. XXXI, 10—13]; его-же сонъ передъ переселеніемъ въ Египетъ: „И отправился Израиль со всѣмъ, что у него было, и пришелъ въ Вирсавію, и принесъ жертвы Богу отца своего Исаака. И сказалъ Богъ Израилю въ видѣніи ночномъ: Іаковъ, Іаковъ! Онъ сказалъ: вотъ я! Богъ сказалъ: Я Богъ, Богъ отца твоего, не бойся идти въ Египетъ; ибо тамъ произведу отъ тебя народъ великій. Я пойду съ тобою въ Египетъ; Я и выведу тебя обратно. Іосифъ своею рукою закроетъ глаза твои (Б. XVLI, 1—4). Къ собственно—пророческимъ снамъ сверхъестественнаго происхожденія принадлежатъ: извѣстное видѣніе лѣствицы въ Веѳилѣ патріархомъ *Іаковомъ* (Б. XXVIII, 12—15), сны *Фараона* объ урожаѣ и голодѣ (Б. XLI, 1—5. 6—7; толкованіе: 8 f; сверхъестественное происхожденіе на основаніи ст. 32), сонъ *Авраама:* „При захожденіи солнца крѣпкій сонъ напалъ на Авраама и вотъ напалъ на него ужасъ и мракъ великій. И сказалъ Господь Аврааму: знай, что потомки будутъ пришельцами въ землѣ не своей, и поработятъ ихъ, и будутъ угнетать ихъ 400 лѣтъ. Но я произведу судъ надъ народомъ, у котораго они будутъ въ порабощеніи, послѣ сего они войдутъ (сюда) съ большимъ имуществомъ. А ты отойдешь къ отцамъ твоимъ въ мирѣ, и будешь погребенъ въ старости доброй. Въ четвертомъ родѣ возвратятся они сюда: ибо мѣра беззаконій Аммореевъ доселѣ еще не наполнилась“ (Б. XV, 13—16), сонъ *Самуила* о домѣ Иліи (1 Цар. III, 1—15), *Соломона* въ Гаваонѣ (3 Цр. III, 5 f.), сонъ Навуходоносора о царствахъ или видѣніе истукана (Дан. II, 2 f. 19 f.; самый сонъ: 39—36; объясненіе его 36—47), *его-же* видѣніе дерева: „...видѣнія же головы моей на ложѣ моемъ были такія: я видѣлъ вотъ среди земли дерево весьма высокое. Большое было это дерево и крѣпкое, и высота его достигала до неба, и оно видимо было до краевъ всей земли. Листья его прекрасныя, и плодовъ на немъ множество, и пища на немъ для всѣхъ; подъ нимъ находили

тѣнь полевые звѣри, и въ вѣтвяхъ его гнѣздились птицы небесныя, и отъ него питалась всякая плоть. И видѣлъ я въ видѣніяхъ головы моей на ложѣ моемъ, и вотъ низшелъ съ небесъ Бодрствующій и Святый. Воскликнувъ громко, Онъ сказалъ: срубите это дерево, обрубите вѣтви его, стрясите листья съ него, и разбросайте плоды его; пусть удалятся звѣри изъ подъ него и птицы—съ вѣтвей его; но главный корень его оставьте въ землѣ, и пусть онъ въ узахъ желѣзныхъ и мѣдныхъ среди полевой травы орошается небесною росою, и съ животными пусть будетъ часть его въ травѣ земной. Сердце человѣческое отнимется отъ него, и дастся ему сердце звѣриное, и пройдутъ надъ нимъ семь временъ. Повелѣніемъ Бодрствующихъ сіе опредѣлено, и по приговору Святыхъ назначено, дабы знали живущіе, что Всевышній владычествуетъ надъ царствомъ человѣческимъ и даетъ его кому хочетъ, и поставляетъ надъ нимъ уничиженнаго между людьми (Дан IV, 1—6; самый сонъ: 7—14; толкованіе пр. Даніила: 15—25); видѣніе самимъ пророкомъ *Даніиломъ* четырехъ звѣрей на морѣ (Дан. VII, 1—15; толков. ст. 16—28; ср. 3 Ездр. XI, толков. XII. 8 ff.). Наконецъ, приведемъ цѣликомъ Библейскіе сны Новаго Завѣта—всего числомъ шесть включительно со сномъ жены Пилата,—сообщаемые однимъ св. Ев. Матѳееемъ. Пять изъ нихъ связаны прямо и косвенно съ тайною Божественнаго Воплощенія и принадлежатъ праведному Іосифу и волхвамъ, пришедшимъ поклониться Божественному Младенцу. „Іосифъ хотѣлъ тайно отпустить её (св. Дѣву Марію). Но когда онъ помыслилъ это; се Ангелъ Господень явился ему во снѣ, и сказалъ: Іосифъ, сынъ Давидовъ! не бойся принять Марію, жену твою; ибо родившееся въ ней есть отъ Духа Святаго. Родитъ же Сына, и наречетъ Ему имя Іисусъ, ибо Онъ спасетъ людей Своихъ отъ грѣховъ ихъ. А все сіе произошло, да сбудется реченное Господомъ чрезъ пророка, который говоритъ: Се дѣва во чревѣ пріиметъ, и родитъ сына, и нарекутъ имя ему: Еммануилъ, что значитъ: съ нами Богъ (Исаіи 7, 14). Вставъ

отъ сна, Іосифъ поступилъ, какъ повелѣлъ ему Ангелъ Господень, и принялъ жену свою“ (Ев. Мѳ. I, 19—24).—„Когда же они отошли; се Ангелъ Господень является во снѣ Іосифу, и говоритъ: встань, возьми Младенца и матерь Его, и бѣги въ Египетъ, и будь тамъ, доколѣ не скажу тебѣ; ибо Иродъ хочетъ искать Младенца, чтобы погубить Его. Онъ всталъ, взялъ Младенца и матерь Его ночью, и пошелъ въ Египетъ (II, 13 f.). „По смерти же Ирода, се Ангелъ Господень во снѣ является Іосифу въ Египтѣ, и говоритъ: встань, возьми младенца и Матерь Его, и иди въ землю Израилеву; ибо умерли искавшіе души Младенца. Онъ всталъ, взялъ Младенца, Матерь Его, и пришелъ въ землю Израилеву (II, 19—21). „Услышавъ же, что Архелай царствуетъ въ Іудеѣ вмѣсто Ирода, отца своего, убоялся идти туда; но, получивъ во снѣ откровеніе, пошелъ въ предѣлы Галилейскіе (II, 21—22).

Изъ двадцати шести представленныхъ здѣсь Библейскихъ сновъ—четырнадцать *теорематическіе* (Б. XX, 3—7, XXXI, 24; Мѳ. XXVII, 19; Пр. Сол. XVIII, 17—19; Іова IV, 12 f; Б. XXXI, 10—13; XLVI, 1—4; XV, 12—16; I Цр. III, 1—15; сны въ Ев. Мѳ.), одинъ *смѣшанный* (Б. XXVIII, 12—15), остальные—*аллегорическіе* Б. XXXVII, 5—9; XL, 3—14; 16—9; XLI, 1—5; 6—7; Дан. II, 29—36; IV, 1—15 ср. 3 Ездр. XI). Допуская аллегоризмъ въ сновидѣніяхъ, Библія, естественно, учитъ и о возможности истолкованія или пониманія символическихъ сновъ, безъ чего они не могли-бы служить средствомъ Божественнаго Откровенія людямъ; но самую способность толкованія сновъ она относитъ не столько къ человѣческому искусству, каковымъ толкованіе сновъ (онироманція) было во всѣхъ языческихъ религіяхъ (напр. въ Египтѣ и Вавилонѣ: Б. XLI, 8, Дан II, 2. IV, 4 и др.), сколько и даже единственно къ Богу, видя въ ней сверхъестественный даръ Божій. Ученіе объ этомъ высказывается устами двухъ Библейскихъ сновидцевъ

и снотолкователей: Іосифа и пророка Даніила. Виночерпію и хлѣбодару въ темницѣ Іосифъ говорилъ: „не отъ Бога-ли истолкованія“? (Б. XL, 8); то-же повторилъ онъ и передъ фараономъ: „о тебѣ я слышалъ, что ты умѣешь толковать сны. И отвѣчалъ Іосифъ Фараону, говоря: это не мое; Богъ дастъ отвѣтъ во благо Фараону“ (Б. XLI, 15—16 ср. 38—39). Даніилъ говорилъ Навуходоносору: „тайны, о которой царь спрашиваетъ, не могутъ открыть царю ни мудрецы, ни обаятели, ни тайновѣдцы, ни гадатели. Но есть на небесахъ Богъ, открывающій тайны“ (Дан. VI, 27. 28). О немъ, впрочемъ, прямо сказано: „И даровалъ Богъ... Даніилу разумѣть и всякія видѣнія и сны“ (Дан. I, 17). Способность толкованія сновъ приписывается Даніилу какъ именно сверхъестественнй даръ (donum superadditum), а не въ томъ общемъ смыслѣ, что всѣ наши способности отъ Бога, источника всѣхъ благъ [1]): способность эта въ одномъ, напр., случаѣ дается Даніилу по его молитвѣ (II, 17—19).

Между тѣмъ мы нигдѣ не видимъ указаній на то, чтобы онироманитика была священнымъ установленіемъ или учрежденіемъ въ ветхозавѣтной іудейской религіи, каковою она была въ язычествѣ, гдѣ существовало много онирамантическихъ оракуловъ при храмахъ въ честь Сераписа, Аполлона, Эскулапа и др., въ которыхъ жрецы искусственно усыпляли своихъ кліентовъ и потомъ толковали ихъ сны (отсюда обычай ложиться въ храмахъ на ночь, чтобы видѣть священные сны, получилъ названіе *инкубаціи;* впрочемъ жрецы толковали сны, видѣнные и внѣ храма). Въ Библіи мы видимъ, напротивъ, положительное воспрещеніе онирамантіи, тѣмъ не менѣе вопреки всему практиковавшейся у

---

[1]) .... «Не потому, чтобы мы сами были соособны помыслить что отъ себя, какъ бы отъ себя, но способность наша отъ Бога». 2 Кор. III, 5.— «Ибо кто отличаетъ тебя? Что ты имѣешь, чего бы не получилъ? А если получилъ, что хвалишься, какъ будто не получилъ?» (1 Кор. IV, 7).

Евреевъ, судя по указанію свящ. книгъ, со временъ Самуила пророка до пророка Захаріи, по примѣру языческому, лицами, которыя называли себя „пророками“ (I Цр. XII. 6. 15; Зах. X, 2). Все отличіе еврейской мантики отъ языческой заключалось лишь въ томъ, что „пророки“ практиковали ее именемъ истиннаго Бога, что было завѣдомою ложью, такъ какъ въ законѣ Моисеевомъ она не была установлена. Особенно ясныя указанія мы находимъ у пр. Іеремеіи: „И вы не слушайте своихъ пророковъ и своихъ гадателей, и своихъ сновидцевъ, и своихъ волшебниковъ, и своихъ звѣздочетовъ, которые говорятъ вамъ: не будете служить царю Вавилонскому. Ибо они пророчествуютъ вамъ ложь“... (XXVII, 9—10)... „Такъ говоритъ Господь Саваоѳъ, Богъ Израилевъ: да не обольщаютъ васъ пророки ваши, которые среди васъ, и гадатели ваши. и не слушайте сновъ вашихъ. которые вамъ снятся. Ложно пророчествуютъ вамъ именемъ Моимъ: Я не посылалъ ихъ, говоритъ Господь“ (XXIX. 8—9)... „Я слышалъ, что говорятъ пророки. Моимъ именемъ пророчествующіе ложь. Они говорятъ: „мнѣ снилось, мнѣ снилось“. Долго-ли это будетъ въ сердцѣ пророковъ, пророчествующихъ ложь, пророчествующихъ обманъ своего сердца? Думаютъ-ли они довести народъ Мой до забвенія имени Моего посредствомъ сновъ своихъ, которые они пересказываютъ другъ—другу, какъ отцы ихъ забыли имя Мое изъ за Ваала? Пророкъ, который видѣлъ сонъ, пусть и разсказываетъ его какъ сонъ; а у котораго Мое слово, тотъ пусть говоритъ слово Мое вѣрно. Что общаго у мякины съ чистымъ зерномъ, говоритъ Господь? Слово Мое не подобно-ли огню. говоритъ Господь, и не подобно-ли молоту, разбивающему скалу? Посему вотъ Я на пророковъ, говоритъ Господь, которые крадутъ слова Мои другъ у друга. Вотъ Я на пророковъ, говоритъ Господь, которые дѣйствуютъ своимъ языкомъ, а говорятъ: „Онъ сказалъ“. Вотъ Я на пророковъ ложныхъ сновъ, говоритъ Господь, которые разсказываютъ ихъ и вводятъ народъ Мой въ заблужденіе своими обманами и оболь-

щеніемъ, тогда какъ Я не посылалъ ихъ и не повелѣвалъ имъ“ (XXIII, 25—32) [1]).

Въ заключеніе Библейскаго ученія о пророческихъ снахъ было-бы пріятно представить и патристическое ученіе объ этомъ предметѣ. Но данныхъ по этому предмету въ патристической литературѣ весьма немного: вопросъ о снахъ, какъ видѣли, затрогиваетъ Тертулліанъ въ сочиненіи „О душѣ“, но только затрогиваетъ; всецѣло же ему посвященъ только одинъ трудъ *еп. Синезія* „О снахъ“ (De insomniis). Но этотъ трудъ, написанный въ языческомъ духѣ въ неоплатоническій періодъ литературной дѣятельности Синезія, не можетъ здѣсь быть принятъ къ разсмотрѣнію [2]). Вообще этотъ вопросъ мимоходомъ разсматривается въ патристической литературѣ лишь въ связи съ вопросомъ о языческой мантикѣ, среди которой имѣла мѣсто и онироманті́я (т. е. угадываніе будущаго по снамъ). Первые христіанскіе апологеты (какъ Іустинъ Философъ, Тертулліанъ, Минуцій Феликсъ Лактанцій, впослѣдствіи Бл. Августинъ) признавали нѣкоторое право за онироманті́ей, относясь сурово къ всѣмъ другимъ видамъ мантики и видя въ ней или суевѣріе, или дѣйствія демоновъ. Это, конечно, зависѣло оттого, что пророческое значеніе сновъ ясно допускается самою Библіею. Со своей стороны апологеты только различали между снами этого рода, одни относя къ Богу, а другіе къ діаволу, какъ это, напр., мы видѣли у Тертулліана. Лактанцій кромѣ того указываетъ и естественный источникъ ложныхъ сновъ: когда Богъ во снѣ ничего не говоритъ душѣ, то она сама, ради развлеченія,

---

[1]) Изъ прор. Ис. LXV видно, что у Евреевъ, по примѣру нѣкоторыхъ народовъ, инкубаціи устраивались на гробахъ умершихъ.

[2]) Петавій отзывается о немъ: «Liber de somniis merum cultorem deorum redolet neque vel pilum christiani habet hominis.... nec aliud de Dione judicium est» (У *Alzog'a* «Handbuch der Patrologie oder der ältern christlichen Literärgeschichte» Aufl. 3 Freib. 1876, p. 320).

своимъ воображеніемъ создаетъ химерическіе образы, не желая оставаться въ бездѣйствіи и во снѣ [1]). *Бл. Августинъ* не разъ тамъ и сямъ въ своихъ сочиненіяхъ свидѣтельствуетъ свою вѣру въ необыкновенные и, между прочимъ, пророческіе сны, когда разсказываетъ таковые то въ De civitate Dei, то въ De divinatione daemonum, то въ своей исповѣди [2]).

---

[1]) *Bouché—Leclercq* Histoire de la divination dans l'antiquité t. I. p 96; подл. *Lactantii* De opif. Dei, 18.

[2]) Напр. въ Civ. Dei XXII, 8 приводится разсказъ о патагномическомъ снѣ одной женщины, по имени Инноценціи, которая, страдая ракомъ груди, во снѣ узнала средство для излѣченія его и, послѣдовавъ сну, дѣйствительно излѣчилась.

V. Вѣра древнихъ въ сны[1].

... Somniorum divinatio.., fusa per gentes, oppressit omnium fere animos.
Ciceronis De divin. Lb. II. C. LXXII.
.. Οἱ δὲ πολλοὶ καταβαρθοῦσιν οἴονται τὸ δαιμόνιον ἀνθρώποις ἐπιθειάζειν
Plutarchi De gen. Socr. 20 S. 589 d.

Ониромантика или гаданіе по снамъ есть одинъ изъ древнѣйшихъ и распространеннѣйшихъ видовъ мантики; Библія говоритъ о существованіи ея у египтянъ и халдеевъ (въ Вавилонѣ), а у древнихъ грековъ она несомнѣнно явилась съ Востока [2]). Данныя по нашему вопросу у Гомера и Гезіода служили выраженіемъ народныхъ вѣрованій и понятій, и по этимъ первобытнымъ понятіямъ всѣ и всякіе сны объявлялись непосредственнымъ произведеніемъ боговъ (Юпитера и Аполлона въ особенности). По Гомеру образы сно-

---

[1]) Кромѣ первоисточниковъ, какъ *Artemidori Daldiani* Ονειροκριτικον, libri V, ed Herscheri Lipsiae 1864, *Synesii* Περὶ ἐνυπνίων, *Macrobii* Comment. in Somnium Scipionis и *Ciceronis* op. citt. и другихъ классическихъ авторовъ, прекраснымъ пособіемъ къ V-й гл. служили изслѣдованія: Prof *A. Bouché-Leclercq* «Histoire de la divination dans l'antiquité» tt. I—IV (t. I). Paris 1879 и *B. Buchsenschütz* «Traum und Traumdeutung im Alterthume» Berlin 1868. Мы будемъ говорить о вѣрѣ въ пророческіе сны классической именно древности, такъ какъ обиліе матеріаловъ, даваемыхъ ею, и недостатокъ ихъ въ древности Восточной, позволяютъ ставить и рѣшать вопросъ именно въ такой, а не иной формѣ.

[2]) *Bouché-L.* p. 292.

видѣній это реальныя хотя и воздушныя фигуры (εἰδωλα), способныя принимать какую—угодно форму по желанію боговъ (Il. II, Odys IV, 796). Эти сонные фантомы (δῆμος ὀνείρων) обитаютъ по ту сторону Океана, при входѣ въ Елисейскія поля, и являются спящимъ по желанію боговъ. Не смотря на такое происхожденіе свое, сны не всегда должны были, по Гомеру, быть значительными—вѣщими: иногда боги (по Гомеру главнымъ образомъ Юпитеръ: Il. II, 5), нарочито обманывали людей снами (во снѣ Зевсъ внушаетъ мысль Агамемнону вступить въ битву, которую греки должны были проиграть: Il. II, 81; XII, 237, XXIV, 220; Odys II, 178, XX, 358).

Трудно съ точностью опредѣлить время появленія онирамантіи у грековъ. Въ періодъ героическій она уже существовала у нихъ, и, по преданіямъ, при Додонскомъ и Дельфійскомъ оракулахъ практиковалась отчасти и онирамантика (сами греки относятъ ея изобрѣтеніе къ Прометею: *Aeschyl.* Prometheus 485). Элементы ея или искусство узнавать будущее посредствомъ надлежащаго изъясненія сновъ, содержащихъ въ себѣ знаки будущаго, мы находимъ и у Гомера.

Искусство онирамантическое распадалось на двѣ части: *онироскопію* и *онирокритику*. Первая указывала средства отличать сны истинные отъ ложныхъ, наблюдая различныя условія пророческихъ сновъ (такъ какъ не всѣ сны пророческіе), вторая—давала ключъ къ пониманію самыхъ сновъ, если по суду онироскопіи они объявлялись пророческими. Первое, какъ само собою понятно, было такъ же важно, какъ и второе: оно давало возможность не только отличать истинные (пророческіе) сны отъ ложныхъ (пустыхъ), но и искусственно по желанію производить въ спящемъ пророческіе сны, какъ скоро были извѣстны необходимыя для нихъ условія.

Всѣ древніе самымъ благопріятнымъ временемъ для пророческихъ сновъ считали утро безъ сомнѣнія потому, что къ этому времени душа наиболѣе становилась свободною отъ

впечатлѣній дня [1]). По этой же причинѣ, вѣроятно, лучшими считались сны натощакъ или по крайней мѣрѣ послѣ легкаго ужина, а объяденіе всегда вреднымъ въ интересахъ дивинаціи [2]); а пиѳагорейцы передъ сномъ запрещали употребленіе въ пищу бобовъ [3]). Положеніе тѣла спящаго также въ данномъ случаѣ вліяло на характеръ сновъ (считалось вреднымъ ложиться на правый бокъ и на спину) [4]). Не было безразлично и время года (что принималъ даже Аристотель). Самымъ благопріятнымъ въ этомъ отношеніи временемъ года считалась весна [5]). Кромѣ соблюденія этихъ и другихъ условій древніе употребляли для искусственнаго вызыванія сновъ при оракулахъ (это называется инкубаціею) разнообразныя вспомогательныя средства, впадая въ нелѣпости суевѣрій (кромѣ молитвъ,—лавровый вѣнокъ, надѣтый на голову, амулеты и т. п.). Конечно, онироскопическое искусство въ Греціи, какъ и вездѣ, было достояніемъ по преимуществу жреческой профессіи при ониромантическихъ оракулахъ, гдѣ устраивался сонъ паціента при извѣстной, необходимой для желаемаго эффекта, обстановкѣ (инкубація). У одного африканскаго племени для это ложатся спать ночью на могилахъ предковъ: сны при такой обстановкѣ считаются вѣщаньемъ самихъ умершихъ предковъ. Это уже показываетъ, какъ возникли онироманическіе оракулы, т. е. какъ необходимы были для искусственнаго вызыванія пророческихъ сновъ особо приспособленныя къ тому священныя мѣста. Въ Греціи было много такихъ оракуловъ, напр. Трофонія въ Беотіи, Амфіарая, Эскулапа и др., гдѣ разными искусственными средствами, напр., куреніями, снадобьями внутренними, свойствами мѣстности, манипуляціями (Ез. 13, 18). повергали

---

1) *Odys* IV, 839 f, *Horat* Sat. I, 10, 31 f, *Cicero* op. cit. I, 51 и др.

2) *Theocr.* XXI, 40 f; *Apul.* Met. I, 18; *Cic.* 1 ср. XXIX.

3) *Cicern* I. cap. XXX p. 62.

4) *Tertull.* De anima 48.

5) У *Bouché-L.* p. 287 f.

пацiентовъ въ состоянiе искусственнаго сна въ родѣ сомнамбулизма или гипнотизма, особенно, какъ мы видѣли (гл. II), благопрiятствующихъ проявленiю магическихъ способностей души. Въ этомъ отношенiи надо отмѣтить особый родъ оракуловъ въ классической древности — оракулы *iатромантическiе*, гдѣ пацiенты повергались въ состоянiя сомнамбулистическiя, способствующiя развитiю цѣлебнаго инстинкта, общаго у человѣка съ животными, каковы особенно извѣстны Асклепiя (Эскулапа; герой изъ Θессалiи, упоминаемый еще у Гомера и потомъ обоготворенный): въ Римѣ, Пергамѣ и Эпидаврѣ; изъ другихъ—оракулы Геркулеса, Изиды и Сераписа [1]). Даже Гиппократъ не столько съ цѣлью терапевтической, сколько для дiагностики, устроивалъ для своихъ пацiентовъ инкубацiи. Нѣтъ нужды непремѣнно подвергать сомнѣнiю безъ всякихъ основанiй свидѣтельство добросовѣстнаго изслѣдователя, какъ Артемидоръ, что „многiе въ Пергамѣ, Александрiи и повсюду при iатромантическихъ оракулахъ получали исцѣленiе, и нѣкоторые даже говорятъ, что самому медицинскому искусству тамъ положено начало“ [2]).

---

[1]) Нѣтъ никакой возможности оспаривать фактъ, признаваемый и древними (Аристотель, Галенъ и Гиппократъ: см. гл. I), и новыми, что въ патагномическихъ снахъ и въ сомнамбулизмѣ часто случалось указывать вѣрныя средства противъ болѣзней (См. *Perty* B. II, 378; *Schubert* Geschichte der Seele B. I, p. 106.—Цицеронъ разсказываетъ сонъ Александра Македонскаго, спасшiй жизнь на смерть раненому его другу Птолемею (драконъ съ корнемъ во рту, сказавшiй, чтобы его дали Птолемею, и указавшiй, гдѣ онъ ростетъ; исцѣлялись этимъ корнемъ и другiе воины; II car. LXVI p. 135). Забывая, что сны слѣдуютъ инымъ законамъ, чѣмъ какiе наблюдаются въ дѣйствительности, Цицеронъ иронизируетъ надъ этимъ сномъ, когда пишетъ: Alexandro draco loqui visus est. Potest omnino hoc esse falsum, potest verum, sed utrum sit, non est mirabile. Non enim audivit ille draconem loquentem, sed est visus audire· et quidem, quo majus sit, quum radicem ore teneret, locutus est. Sed nihil est magnum somnianti. Ibid. LXIII, p. 141. Перечень оракуловъ см. у *Tertull.* De anima XVI.

[2]) *Artemidori* IV, 22.

Онъ же приводитъ не мало случаевъ исцѣленій съ изложеніемъ самыхъ патагномическо—терапевтическихъ сновъ больныхъ паціентовъ. Одному больному желудкомъ (въ святилищѣ Эскулапа) снилось, будто онъ вошелъ въ храмъ и богъ, протягивая ему свою правую руку, давалъ ѣсть свои пальцы. Онъ выздоровѣлъ, съѣвъ пять фиников, ибо финиковые стручки называются „пальцы“ [1]).

Ониромантія практиковалась у древнихъ не при однихъ только оракулахъ, но была весьма развитымъ у грековъ ремесломъ, кормившимъ многихъ (которымъ по Плутарху кормился одинъ изъ обѣднѣвшихъ потомковъ Аристида). Въ Аѳинахъ всегда можно было увидѣть цѣлую толпу онирополовъ [2]) около храма Вакха, предлагавшихъ за вознагражденіе свои услуги прохожимъ. Ихъ можно было узнать уже по тому одному, что въ рукахъ у нихъ всегда были таблички сонныхъ примѣтъ (πινάκια ὀνειροκριτικά — πίνακες ἀγυρτικοί) или сонники (τέχναι ὀνειροκριτικαί). Между онирологами греческими гремѣлъ славою по всей Греціи знаменитый Аристандръ Тельмесскій [3]), сопутствовавшій Александру Македонскому въ его походахъ.

Въ общественно—политической жизни древнихъ ониромантика играла меньшую роль, сравнительно съ другими видами мантики, причины чему хорошо указываетъ *Бюксеншюцъ:* пользованіе ониромантикою при сложности онирокритическихъ толкованій, а главное-возможное тогда, когда сонъ уже на лице, въ политическихъ вопросахъ, безотлагательно требовавшихъ немедленнаго отвѣта, представляло менѣе удобствъ, чѣмъ гаруспиціи, оракулы и т. п. Тѣмъ не менѣе, сны иногда играли и политическую роль у древнихъ, такъ Ливій передаетъ одинъ случай, когда римляне, побуждаемые

---

[1]) Ibid. V, 89: καὶ γαρ αἱ τοῦ φοίνικος βάλανοι αἱ σπουδαῖαι δάκτυλοι καλοῦνται.

[2]) Ονειροπόλος, ὀνειροσκόπος, ἐνυπνιοκρίτης, ὀνειρομάντις, ὀνειροκρίτης.

[3]) *Plutarchi* Alexander 3.

сномъ римскаго гражданина, сдѣлали постановленіе о торжественномъ празднованіи игръ въ честь Юпитера (II, 36). Въ Спартѣ эфоры въ качествѣ должностныхъ лицъ обращались къ онироматическому оракулу Инопы [1]) Цицеронъ сообщаетъ, что Римскій сенатъ на основаніи одного только сна Цециліи, дочери К., постановилъ построить храмъ Юнонѣ [2]).

Въ наши задачи не можетъ входить ознакомленіе читателей съ тайнами онироматической науки древнихъ (собственно онирокритики), хотя древность завѣщала намъ въ наслѣдство весьма цѣнные остатки онирокритической литературы въ видѣ трудовъ Артемидора, Макробія и Синезія. Что касается остальныхъ, которыхъ по дошедшимъ до насъ упоминаніямъ объ ихъ именахъ, заглавіяхъ ихъ сочиненій и отрывковъ изъ нихъ у Артемидора. Тертулліана (De anima), Цицерона, можно насчитать, слѣдуя Буше-Леклерку, до 30 [3]); то изъ нихъ въ цѣлости до насъ дошелъ изъ наиболѣе цѣнныхъ трудъ Артемидора Ονειροκριτικόν. Въ этомъ трудѣ авторъ во время своихъ далекихъ путешествій собралъ богатые матеріалы для изслѣдованія, воспользовавшись опытами древнихъ временъ и разныхъ странъ и народовъ Азіи, Греціи и Италіи. Давъ классификацію сновъ, Артемидоръ устанавливаетъ совершенно научнымъ методомъ. по правиламъ индукціи, принципы изъясненія сновъ, каковые въ свою очередь подтверждаетъ большимъ собраніемъ примѣровъ и фактовъ изъ области онироматики (кн. V-ая) [4]).

---

[1]) *Bouché-L.* p. 295.

[2]) Ciceronis Lb. I. cap. XLIV.

[3]) См. p. 277. Впрочемъ, что касается вопроса классификаціи сновъ, то мнѣнія Артемидора, Синезія и Макробія уже выше были приведены нами.

[4]) Какъ любопытную особенность древней онироматіи отмѣтимъ, что отъ онирологовъ требовалось не только умѣнье толковать и вызывать пророческіе сны, но и *парализовать* дурные сны, отнимать у нихъ силу соотвѣтственно потребности людей не только знать, но и видоизмѣнять будущее Считалось полезнымъ

Цицеронъ въ концѣ своего сочиненія „О мантикѣ“ сѣтуетъ на широкое распространеніе вѣры въ сны не только среди невѣжественнаго класса, но и среди философовъ, которые „приняли ихъ подъ свое покровительство“ [1]); даже философъ такой первой величины, какъ Аристотель, не удовлетворяетъ Цицерона своею нѣкоторою уступчивостью общему философскому вѣрованію [2]). И Цицеронъ былъ дѣйствительно въ правѣ выставить такое общее положеніе по отношеніи къ римской философіи, вполнѣ распространимое и на древнюю греческую философію (начиная съ пиѳагорейской и кончая неоплатоническою). Подтвердить его отдѣльными выдержками изъ древнихъ философовъ и мыслителей (Пиѳагора, Демокрита, Сократа, Платона, Ксенофонта, Плутарха, стоиковъ, неоплатониковъ) не представляется никакой трудности [3]), но въ данномъ случаѣ нѣтъ въ этомъ также и осо-

---

утромъ разсказывать свой сонъ солнцу, «чтобы противоположное ночи сдѣлало событіе, противоположное сну» (у схоліаста на Софокла: см. *Bouché-L.* 324—325 и *Büchsenschütz* p. 8). Рекомендовались для этой цѣли жертвы, молитвы и очищенія. *Плутархъ*, ревнитель языческой старины, совѣтуетъ трусамъ купаться въ морѣ, валяться въ грязи (*De superstitione* 3) и т. п. Если вѣрить *Viscaunt Amberley* («An Analysis of religious Belief» vol. I—II. London 1877 г. v. I p. 126 f.), евреи прибѣгаютъ для предотвращенія дурныхъ послѣдствій сна къ слѣдующей религіозной церемоніи. Пригласивъ трехъ друзей, сновидецъ сажаетъ ихъ противъ себя и передъ каждымъ повторяетъ семь разъ: «хорошій сонъ видѣлъ я», на что тѣ отвѣчаютъ: «Ты видѣлъ хорошій сонъ; онъ хорошъ и будетъ хорошъ; милосердный Богъ, который благъ, сдѣлаетъ его хорошимъ». Въ заключеніе ему говорятъ: «Ступай, ѣшь хлѣбъ свой въ веселіи и пей вино свое въ радости сердца, ибо Господь принялъ дѣла твои. Раскаяніе, молитва и добродѣтель отвратятъ зло, на которое ты былъ приговоренъ, и миръ да будетъ съ нами и со всѣмъ Израилемъ! Аминь».

[1]) II cap LXXII p. 150.

[2]) I cap. XXXVIII p. 21.

[3]) О вѣрѣ Сократа въ пророческіе сны свидѣтельствуютъ: *Phaedon* S 60c; *Criton* S. 44a; Pausan. I 30, 3, Ксенофонта—*Anabas.* III, 1, 12, IV, 3, 8, *De div.* I, XXV cap.; *Платона* Republ. IX S. 571c. О Демокритѣ у *Bouché-L.* Histoire de la divination p. 40.

бенной нужды: по нашему сочиненію разбросано уже достаточное число выдержекъ этого рода изъ философскихъ сочиненій, теорія же стоиковъ была изложена систематически. Задачею нашего апологетическаго изслѣдованія требуется ознакомить читателей съ мнѣніями въ древней философіи отрицательнаго свойства, и при томъ наилучше обставленными въ научно-философскомъ отношеніи

Отрицаніе пророческихъ сновъ имѣло немногихъ сторонниковъ въ древней философіи, а именно: Элеатовъ, Эпикура, Діогена Лаэртскаго, Аристотеля, перипатетиковъ и учениковъ Новой Академіи, въ томъ числѣ Цицерона. Наибольшаго вниманія заслуживаютъ среди нихъ Цицеронъ и Аристотель, оставившіе спеціальныя сочиненія по нашему вопросу (отъ Аристотеля Περὶ ἐνυπνί ων и Περὶ τῆς καθ'ὕπνον μαντικῆς).

Между элеатами Ксенофанъ отрицалъ возможность всякой мантики вообще; на этомъ основаніи вмѣстѣ съ Бюксенштюцемъ можно думать, что элеаты отрицали и онироманті̀ю, хотя нѣтъ препятствія и къ тому предположенію, что это было личное мнѣніе Ксенофана[1]). Съ началами философіи эпикурейской, отрицавшей Промыслъ, вѣра въ пророческіе сны не могла мириться[2]). Изъ циниковъ Діогенъ считалъ всякіе сны пустою игрою воображенія[3]) Перипатетики во всемъ слѣдовали Аристотелю, который далъ первый опытъ научно-психологической разработки вопроса въ двухъ вышепоименованныхъ трактатахъ на началахъ, родственныхъ современной научной психологіи. Нельзя не обратить вниманіе на то обстоятельство, что современные онирологи въ своихъ цитатахъ изъ Аристотеля, единственно пользующагося ихъ благосклонностью, отмѣчаютъ свою солидарность съ нимъ. И мы видимъ, что Аристтоель былъ ихъ предтечею (вмѣстѣ съ

---

[1]) *Büchsenschutz* Traum und Traumdeutung im Alterthume S. 10.

[2]) *Tertull.* De anima XLVI; особ. *Ciceronis* De natura deorum cp. XX, p. 41.

[3]) *Diog. Laërt.* VI, 24, § 43.

Цицерономъ).—Сущность и происхожденіе сновидѣній Аристотелемъ опредѣляются почти такъ же, какъ въ научной психологіи современной (см. гл. I) При всемъ томъ онъ съ крайнею осторожностью держится по отношеніи къ вѣрѣ въ пророческіе сны. Такъ всѣми передается его изреченіе, что онироманти́ку и отрицать не легко, и принимать трудно[1]); первое не легко въ виду несомнѣнныхъ фактовъ предсказаній сбывавшихся; второе трудно въ виду отсутствія всякихъ разумныхъ основаній для онироманти́ки, если принять, что боги посылаютъ людямъ вѣщіе сны. Невѣроятно, чтобы боги дѣлали это: они посылали бы сны мудрѣйшимъ и лучшимъ, а факты говорятъ иное. Но если отнять у пророческихъ сновъ это основаніе, то болѣе уже не остается никакого иного. Свои возраженія Аристотель хочетъ направить противъ трансцедентальнаго происхожденія (божественнаго) сновъ. но не противъ самаго существованія пророческихъ сновъ. основывающихся на спеціальной и прирожденной способности предвѣдѣнія (которую Аристотель принимаетъ, какъ видѣли выше: см. гл. II)[2]), и отрицаетъ сны 3-ей группы. Впрочемъ Аристотель болѣе склоняется. вопреки признанію пророческой способности, къ объясненію пророческихъ сновъ законами обычныхъ явленій психологической жизни и сводитъ ихъ, такимъ образомъ, къ 1-ой группѣ необыкновенныхъ сновъ по нашей классификаціи, какъ это потомъ будутъ дѣлать современные ученые психологи, ученики Аристотеля, не трудящіеся даже скрывать свою связь съ нимъ (особенно Spitta). Сны съ предсказываемымъ и исполнившимся событіемъ могутъ стоять въ связи или: а) случайно, по случайному совпаденію; или б) какъ его причины; в) или какъ его предвѣстники, симптомы, признаки (συμπτώματα, αἴτια, σημεῖα). Если присоединить сюда еще упомянутую естественную способность предвѣдѣнія въ богоподобномъ духѣ человѣческомъ,

---

[1]) *Buchsenschutz* p. 21 (под. De divinat. per insomn. 1).

[2]) Свид. Цицерона въ Lb. I cap. XLVIII.

то такимъ образомъ получаются четыре фактора, которые Аристотель вводитъ въ объясненіе пророческихъ сновъ (нынѣшніе ученики его четвертый факторъ въ своихъ объясненіяхъ или совсѣмъ отбрасываютъ, или сводятъ къ вышеразсмотрѣнной теоріи предчувствія, т. е. къ нулю). а) Первый факторъ понятенъ, а къ оцѣнкѣ его мы перейдемъ въ своемъ мѣстѣ. б) Сны могутъ служить поводомъ къ дѣйствіямъ: подобно тому какъ сонъ отражаетъ въ себѣ дневныя занятія и мысли человѣка, такъ и бодрственная жизнь отражаетъ въ себѣ душевныя движенія во снѣ, когда появляющіяся во снѣ представленія могутъ побудить къ соотвѣтственнымъ дѣйствіямъ (обширныя иллюстраціи къ объясненію сего фактора ниже даетъ современная научная психологія, практикующая этотъ Аристотелевскій пріемъ въ широкихъ размѣрахъ). в) Разъясненіемъ этого фактора служатъ хорошо нѣкоторые патагномическіе сны съ предвѣстіемъ болѣзни и смерти; но, какъ читателю по всему выше говорившемуся извѣстно, эти и подобные сны вовсе не могутъ быть названы пророческими. Предметомъ ихъ служитъ не будущее, котораго нѣтъ, но настоящее уже существующее, но по условіямъ психо-физіологическимъ воспринимаемое лучше во снѣ, чѣмъ на яву, напр. болѣзнь въ силу потенцированія органическихъ ощущеній во снѣ; эта-то, какъ говорятъ нѣмецкіе онирологи, Gegenwärtigkeit des Objeckts въ патагномическихъ и имъ подобныхъ снахъ и снимаетъ съ нихъ право называться пророческими. И такъ, для Аристотеля въ концѣ концовъ сны по отношеніи къ событіямъ, ими предсказываемымъ и исполняющимся, суть συμπτώματα, αἴτια и σημεῖα. Предпочтеніе этихъ трехъ пріемовъ въ объясненіи пророческихъ сновъ, обнаруживаемое Аристотелемъ, равносильно, конечно, отрицанію *пророческихъ* собственно сновъ (не только 3-й, но и 2-й группы нашей классификаціи); но въ похвалу научному такту Аристотеля должно поставить на видъ, что онъ не отрицалъ фактовъ удачныхъ предсказаній въ сновидѣніяхъ и такимъ образомъ уберегся отъ употребленія весьма дешево

стоющаго пріема, который мы встрѣтимъ у Цицерона и позднѣйшихъ учениковъ и подражателей Аристотеля: здѣсь будутъ воздвигаться аргументы противъ пророческихъ сновъ на почвѣ или огульнаго отрицанія фактовъ и всѣхъ и всякихъ свидѣтельствъ о нихъ, или на почвѣ придирчивой и болѣзненной подозрительности по отношеніи ко всякимъ свидѣтельствамъ.

Отъ Цицерона осталось одно сочиненіе, посвященное мантикѣ вообще, и онироманті въ частности: De divinatione (о мантикѣ); что касается другаго его сочиненія. Somnium Scipionis (Сонъ Сципіона), то по отрывку отъ этого сочиненія трудно судить, на сколько оно относилось къ нашему вопросу; можно сказать пожалуй, что Цицеронъ пользуется популярнымъ въ древности сномъ Сципіона, удостоившимся цѣлой книги толкованій на него Макробія, лишь какъ поводомъ для изложенія своихъ философскихъ идей о безсмертіи и загробной жизни [1]).

Въ своихъ двухъ книгахъ „О мантикѣ“, которыя написаны были вскорѣ какъ бы въ дополненіе къ тремъ книгамъ „О природѣ боговъ“, Цицеронъ сначала, именно въ 1-й книгѣ, излагаетъ отъ лица брата своего Квинта аргументы въ пользу мантики, приводимые стоиками, какъ наиболѣе сильные и популярные, а во второй книгѣ разбираетъ эти аргументы. (Для первой книги, такимъ образомъ, матеріалъ ему даютъ стоики, для второй академики). Въ I—IV ср. (введеніе) излагаются народныя и философскія вѣрованія и мнѣнія о мантикѣ. Затѣмъ уже излагается самое разсужденіе съ братомъ, имѣвшее мѣсто будто-бы въ Тускулѣ. Здѣсь говорится объ универсальности вѣрованій въ

---

[1]) Сципіонъ Африканскій старшій является во снѣ Сципіону Младшему (внуку своему); показываетъ ему небо и землю съ неба, говоря при этомъ о ничтожествѣ всего земнаго; затѣмъ довольно обстоятельно сообщаетъ ему объ участи душъ праведныхъ (служившихъ на благо своей родинѣ) и грѣшныхъ (пренебрегавшихъ божескими и человѣческими законами).

мантику и согласіи ихъ съ общимъ мнѣніемъ всѣхъ народовъ, о раздѣленіи мантики на два рода: *искусственное* гаданіе, которое отчасти основывается на толкованіи, или предположеніи (conjectura), отчасти на продолжительномъ наблюденіи, другое *естественное*, которое состоитъ въ сообщеніи человѣку откровеній совнѣ отъ божества, отъ котораго мы получили и самыя свои души. Указывается на то, что безъ этихъ двухъ видовъ мантики не обходится ни одинъ народъ и ни одно государство: вездѣ оракулы, астрологи, снотолкователи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ предсказаніями имѣются въ виду болѣе слѣдствія или, лучше, самыя событія, чѣмъ ихъ причины и способъ совершенія, большею частію необъяснимыя (с. V—XIII) —Нельзя отрицать мантики на томъ основаніи, трактуется далѣе, что нѣкоторыя предсказанія оказывались ложными или предсказываемыя событія исполнялись не во всѣхъ подробностяхъ, согласно съ предсказаніемъ: многія предсказанія настолько удостовѣрены документами, что отрицать ихъ значило бы отрицать исторію вообще, ея свидѣтельство (С. XIV—XVII). Далѣе разсужденіе идетъ сначала касательно безъискуственной мантики. Представители этого рода мантики предсказываютъ не на основаніи разума или догадокъ и наблюденія надъ различными примѣтами, но въ нѣкоторомъ естественномъ возбужденіи души предугадываютъ и предчувствуютъ будущее, когда душа освобождается отъ земныхъ впечатлѣній и заботъ. Сюда относятся предсказанія оракуловъ (С. XVII—XIX), въ сновидѣніяхъ (XX—XXX), а также въ экстазахъ и помѣшательствѣ (XXXI). Въ XXXII ср. присоединяется къ этому аргументація стоика Хризиппа въ пользу поименованныхъ видовъ безъискусственной мантики.—За симъ объясняются виды искусственной мантики, куда относятся гаруспиціи, авгураціи и др. (XXXIII—XXXVII). Аргументація стоиковъ въ пользу искусственнаго гаданія по символамъ и примѣтамъ излагается въ XXXVIII—XL. Тѣ, которые отрицаютъ мантику на томъ основаніи, что практикуемые ею пріемы не

заключаютъ въ себѣ ничего разумнаго и достаточнаго для знанія будущаго, ошибаются въ самой постановкѣ вопроса о предъугадываніи будущаго: здѣсь главное не въ томъ, какъ происходитъ, а есть-ли предсказаніе будущаго? А въ такомъ смыслѣ мантика не отрицается какъ общимъ здравымъ смысломъ, такъ и въ философіи (C. XLI- XLVIII). Что касается источниковъ предвѣдѣнія будущаго, то ихъ три: a) Богъ (C. XLIX—LV), b) судьба (fatum [LVI] и c) природа (LVII—LVIII).—Книга вторая, введеніе I—II.—Здѣсь собственно разборъ изложеннаго въ 1 кн. ученія стоиковъ о мантикѣ Цицеронъ начинаетъ аргументомъ Карнеада, что предвѣдѣніе будущаго не бываетъ, потому что для него нѣтъ предмета, ибо все существующее познается (C. III—IV). Предметомъ предсказанія можетъ быть только случайное; но исходя изъ понятія о случайномъ какъ такомъ, которое не можетъ быть предвидѣно ни разумомъ, ни искусствомъ, должно отрицать мантику. Кромѣ того, стоики признаютъ дѣйствіе во всемъ рока, напередъ опредѣлившаго всѣ существующія вещи, и потому мантика безполезна (C. V—X). Затѣмъ критикуетъ отдѣльные виды мантики: гаруспиціи, ауспиціи (XI—XL), оракулы(XLI), астрологію (XLII—XLVII). Въ LVIII—LVII Цицеронъ занимается критикою естественной мантики, именно предсказаній посредствомъ оракуловъ и въ экстазѣ. Въ LVIII- LXXI строгой критикѣ подвергаетъ особый родъ естественной мантики—предсказанія посредствомъ сновъ. Въ заключеніе всего сочиненія высказывается мысль о необходимости религіи съ ограниченіемъ, что ей должны быть чужды всякія суевѣрія (LXXII).

Цицеронъ приводитъ до восьми доводовъ противъ пророческихъ сновъ, изъ которыхъ нѣкоторые представляются повтореніемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ доводовъ Аристотеля. Доводы направляются противъ пророческихъ сновъ какъ 3-ей, такъ и 2-ой группы. По отношеніи къ первымъ снамъ Цицеронъ становится на почву телеологіи и доказываетъ нецѣлесообразность и непригодность сновъ, какъ ору-

дій Божественнаго откровенія людямъ, дѣлая отсюда выводъ, что ихъ и въ дѣйствительности нѣтъ; вообще же у Цицеро а не замѣтно какого-либо яснаго разграниченія между снами, а потому и въ его возраженіяхъ особеннаго порядка и раздѣльности.

1 Самая сомнительность такого средства откровеній, какъ сны, дѣлаетъ ихъ непригодными для сей цѣли. „Если ради насъ, для знанія именно будущаго боги даютъ намъ сны, то не отъ боговъ они. Многіе-ли на самомъ дѣлѣ настолько вѣрятъ снамъ, чтобы стали сообразовать съ ними свое поведеніе? Многіе-ли ихъ запоминаютъ и понимаютъ? Насколько больше такихъ, которые совершенно пренебрегаютъ снами, считая вѣру въ нихъ глупымъ суевѣріемъ и бабьими сказками? Посему зачѣмъ бы стали боги наставлять тѣхъ, которые не считаютъ сны достойными не только повиновенія, но и запоминанія? Ибо если человѣка недостойно дѣлать что-ли бо безъ цѣли и смысла, то тѣмъ болѣе— Бога. И такъ, если большая часть сновъ или забывается, или пренебрегается; то Богъ или не знаетъ этого обстоятельства, или напрасно посылаетъ сны. Но ни того, ни другаго по отношеніи къ Богу допустить нельзя. Посему слѣдуетъ признать, что Богъ ничего не возвѣщаетъ во снѣ“ [1]).

2. Темнота сновъ даетъ Цицерону нѣсколько новыхъ возраженій противъ ихъ цѣлесообразности, какъ средствъ Божественнаго откровенія людямъ. Откровеніе черезъ сны было-бы несообразно: а) съ благостью боговъ; б) ихъ величіемъ и в) съ цѣлью самого откровенія. „Также и то спрошу, почему Богъ, дающій намъ сны для знанія о будущемъ, предпочитаетъ открывать его спящимъ, а не бодрствующимъ?... То, что боги дѣлаютъ для насъ во снѣ, они лучше могли бы сдѣлать съ бодрствующими. И самъ Хризиппъ, опровергая академиковъ, говоритъ, что ви-

[1]) Lb. II. c. LX p. 125.

димое нами во снѣ бываетъ не такъ ясно и вѣрно, какъ въ бодрственномъ состояніи. Посему съ Божественною благостію было бы сообразнѣе болѣе ясныя видѣнія давать бодрствующимъ, чѣмъ болѣе темныя—спящимъ. Если этого не бываетъ, то и сны нельзя считать божественными. Въ самомъ дѣлѣ, не лучше-ли было бы Богу прямо сообщать людямъ о будущемъ,—такъ, чтобы не нужны были никакія толкованія, необходимыя для сновъ? [1]). Было бы лучше, если бы Богъ, въ заботахъ своихъ о насъ, прямо говорилъ: это дѣлай, а этого не дѣлай" [2])... „Если во снѣ боги намъ сообщаютъ то, чего мы не въ состояніи объяснить, то они похожи на какихъ-нибудь карѳагенянъ или испанцевъ, горящихъ въ нашемъ сенатѣ безъ переводчика. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему темнота и загадочность въ сновидѣніяхъ? Вѣдь богамъ надо, чтобы мы понимали ихъ вѣщанія" [3])... „Темныя сновидѣнія наименѣе всего согласны съ величіемъ или достоинствомъ боговъ. Нѣкто разсказываетъ снотадателю, что онъ видѣлъ во снѣ, будто изъ перетяжекъ его кровати свѣсилось яйце (этотъ сонъ записанъ у Хризиппа). Снотадатель говоритъ, что подъ поломъ, гдѣ стоитъ кровать, зарытъ кладъ. Роютъ; находятъ сколько-то золота и и серебра сверху. Отсылается нѣсколько серебра снотадателю. „А изъ желтка", говоритъ, „ничего?"... Развѣ не приходилось видѣть яйца во снѣ другимъ? Почему же одинъ только нашелъ кладъ, не знаю. Сколько бѣдныхъ, достойныхъ божественной помощи, остаются безъ такихъ сповъ [4]).

---

[1]) Цицеронъ упускаетъ изъ виду, что его возраженіе касается лишь сновъ аллегорическихъ, а не такъ называемыхъ теорематическихъ.

[2]) Lb. II. cap. LXI p. p. 126—127.

[3]) Cap LXIV. p. 131 f.

[4]) Въ основѣ этого аргумента лежитъ вѣрная идея, что сны по своему нравственному характеру должны быть достойны Бога, если они отъ Бога, какъ и мы нравственный характеръ сновъ ранѣе выставили рѣшающимъ признаковъ пророческихъ Божественныхъ сновъ.

При этомъ зачѣмъ Богу надо было бы такъ темно сообщать Свою волю, вмѣсто того, чтобы прямо приказать тому человѣку копать кладъ, какъ Симониду прямо было запрещено отправляться въ плаваніе? Зачѣмъ здѣсь символъ (яйцо)? [1]).

3. Рядъ аргументовъ, весьма слабый въ логическомъ отношеніи уже по своему исходному началу, извлекается Цицерономъ изъ анализа онироматическаго искусства. а) Отсутствіемъ вѣрныхъ критеріевъ для отличенія сновъ пророческихъ отъ пустыхъ на практикѣ сводятся къ нулю пророческіе сны... „Кто осмѣлится утверждать, что всѣ сны истинны (значительны)? *Нѣкоторые сны истинны*, говоритъ Энній, *но не необходимо всѣ*. Если такъ, то какъ ихъ различить? Какіе сны истинны и какіе ложны? И если истинные отъ Бога посылаются, то ложные откуда рождаются? Если же божественные сны истинны, а отъ человѣка ложны и пусты, то

---

[1]) Lb. II cap. LXV.—На возраженіе о нецѣлесообразности предпочтенія въ дѣлѣ откровенія спящихъ бодрствующимъ съ извѣстной точки зрѣнія стоики логично отвѣчали, что въ нашемъ вопросѣ важно не объясненіе факта, а его констатированіе, что съ этимъ пріемомъ пришлось бы отрицать самыя обыденныя явленія дѣйствительности, какъ напр. магнитное протяженіе и т. п. явленія, основы которыхъ намъ неизвѣстны: «Cur autem deus dormientes nos moneat, vigilantes negligat? Quid deinde causae est, cur Cassandra furens futura prospiciat, Priamus sapiens hoc idem facere non queat? Cur fiat quidque, quaeris? Recte omnino. Sed non nunc id agitur. Fiat, necne fiat, id quaeritur. Ut si magnetem lapidem esse dicam, qui ferrum ad se alliciat et attrahat; rationem, cur id fiat, afferre nequam: fieri omnino neges. Quod idem facis in divinatione Lb. I. XXIX p. 85 f. Слабость этого Цицеронова возраженія замѣтилъ и *Bouché—Leclerc*.... «on repondra (Цицерону) que les dieux choisissent les moyens qu'il leur plait et qu'à tout prendre, ils eussent été moins sages si, comme le voudrait le critique, ils avaient parlé aux gens éveillés, ou en termes catégorigues, ou s'ils avaient épargné leurs avertissements à ceux qui font fi des songes; car ils auraient, de cette façon, porté atteinte á la liberté humaine» (Histoire de la divination dans l'antiquité» vol. I. p. 327 f).

какое преимущество въ данномъ случаѣ вы имѣете передъ тѣмъ, еслибы вы или кто другой сталъ утверждать, что всѣ сны отъ Бога или отъ природы?“ [1]).—б) Къ тому же приводитъ и отсутствіе совершенно вѣрныхъ началъ и правилъ онирокритики и наблюдаемы напротивъ того произвольность и противорѣчивость толкованій, неизбѣжныя при невозможности установить вѣрныя начала для нихъ: если бы и были сны отъ Бога, то люди не могли бы пользоваться снами по невозможности понять ихъ, что равносильно ихъ несуществованію. Прежде всего Цицеронъ подвергаетъ осужденію произвольность въ объясненіи символовъ сновидѣній, состоящую въ томъ, что между символами и указываемыми вещами не существуетъ никакого родства и естественнаго соотношенія, какое бываетъ, напр., въ медицинѣ между симптомати, по которымъ доктора судятъ о болѣзни, и самою болѣзнію. Какое основаніе связывать между собою *кладъ* и *яйцо* какъ вещь и символъ? [2]) Отсюда неизбѣжными становятся и противорѣчія въ толкованіяхъ одного и того-же сна разными снотадателями. Цицеронъ приводитъ нѣсколько характерныхъ образцевъ ея [3]), когда, напр, одному и тотому же видѣвшему во снѣ орла одинъ онирологъ предсказываетъ побѣду на Олимпійскихъ играхъ (орелъ летаетъ быстрѣе всѣхъ

---

[1]) Lb. II. LXII.

[2]) ... Quae est continuatio conjunctioque naturae ejusmodi, ut thesaurus ex ovo (intelligatur) intelligi debeat? Nam medici ex quibusdam rebus et advenientes et crescentes morbos intelligunt: nonnullas etiam valetudinis significationes, ut hocipsum, *pleni enectine simus*, ex quodam genere somniorum intelligi posse dicunt. Thesaurus vero, et hereditas, et honos, et victoria, et multa generis ejusdem, qua cum somniis naturali cognatione junguntur? Lb. II cap. LXIX. p. 142 и д.

[3]) Lb. II. cap. LXX.—Parere quaedam matrona cupiens, dubitans, essetne praegnans, visa est in quiete obsignatam habere naturam. Retulit Negavit eam, quoniam obsignata fuisset, concipere potuisse. At alter, praegnantem esse dixit. Nam inane obsignari nihil solere (p. 145).

другихъ птицъ), а другой, назвавъ перваго болваномъ, предсказываетъ пораженіе на томъ основаніи, что при нападеніи на другихъ птицъ орелъ всегда бываетъ позади ихъ [1]).

4. Пророческіе сны не возможны не только со стороны боговъ, но и людей. Хризиппъ ставитъ даръ пророческихъ сновидѣній и ихъ толкованія въ зависимость отъ исключительно—высокихъ качествъ личности (въ чемъ, отъ себя добавимъ, стоики ошибались не только по отношеніи къ снамъ 2-ой, но даже и 3-й группы: см гл. IV), вообще отъ такихъ условій, которыя представляются неосуществимыми. Но это равносильно несуществованію сновъ [2]).

5. Цицеронъ выставляетъ въ качествѣ общихъ объяснительныхъ средствъ по отношеніи ко всякимъ снамъ 2 и 3-й группы (теорематическимъ и аллегорическимъ) два пріема. Первый состоитъ, какъ у Аристотеля, въ ссылкѣ на *случай*, второй, когда никакіе пріемы не оказываются *пригодными, на недостовѣрность и сомнительность факта* (т. е. сна). „Неу-

---

[1]) Изъ всѣхъ слабыхъ въ логическомъ отношеніи доводовъ Цицерона этотъ слабѣйшій, по скольку онъ основывается на софистическомъ уклоненіи отъ вопроса (вопросъ не о практической пользѣ сновъ, а объ ихъ существованіи). Что дурныя толкованія пророческихъ сновъ не уполномочиваютъ заключать объ несуществованіи самыхъ сновъ, это высказывалось стоиками, и возраженіе это у Цицерона замолчано... Male conjecta maleque interpretata, falsa sunt, non rerum vitio, sed interpretum inscitia (Lb. I cap. LII. p. 118). Equidem sic arbitror, etiam si multa fallant cos, qui aut arte aut conjectura divinare videantur, esse tamen divinationem: homines autem ut in ceteris artibus, sic in hac posse falli. Potest accidere, ut aliquod signum dubie datum pro certo sit acceptum: potest aliquot latuisse aut ipsum, aut quod esset illi contrarium. Mihi autem ad hoc, de quo disputo, probandum satis est, non modo plura, sed etiam pauciora, divine praesensa et praedicta reperiri. Quin etiam hoc non dubitas dixerim: si unum aliquid ita sit praedictum praesensumque ut, quum evenerit, ita cadat, ut praedictum sit, neque in eo quidquam casu et fortuito factum esse appareat: esse certe divinationem, idque esse omnibus confitendum (Lb. I. cap LV. p.—124 и д.)

[2]) Lb. 1. cap. LXIII. p. p. 129—130. Cap. LXIV. p. 131.

жели не попадаетъ какъ нибудь въ цѣль тотъ, кто сталъ бы цѣлый день бросать копье? Мы спимъ цѣлыя ночи, и едва—какую не спимъ; и удивляемся, если когда-нибудь видѣнное во снѣ сбывается. Нѣтъ ничего болѣе подверженнаго случайностямъ, какъ игра въ кости (бросаніе костей). Однако нѣтъ ни одного игрока, который, при частомъ бросаніи, когда—нибудь не сдѣлалъ бы счастливаго удара“ [1])...

6. Относительно сновъ хорошо засвидѣтельствованныхъ, римскими и греческими писателями и историками (какъ Геродотъ, Ливій, Ксенофонтъ, Целій и др.) считаетъ достаточнымъ одного замѣчанія: это нами не испытано (haec externa sunt), а по этой причинѣ намъ неизвѣстно; можетъ быть даже нѣкоторые сны измышлены: кто ихъ авторъ?[2]).

Свой положительный взглядъ на природу и происхожденіе сновъ Цицеронъ излагаетъ близко къ Аристотелю, когда пишетъ: „у всѣхъ сновъ, Квинтъ, одинъ смыслъ... Никогда извнѣ не входятъ образы въ души спящихъ. Души обладаютъ способностью въ бодрственномъ состояніи возбуждаться и дѣйствовать съ невѣроятною быстротою безъ всякаго внѣшняго толчка въ силу собственныхъ внутреннихъ импульсовъ. Присутствуя въ членахъ тѣла съ его чувствами, онѣ все различаютъ ясно, ощущаютъ и мыслятъ. Когда же душа разстается съ ослабѣвшимъ тѣломъ, то она дѣйствуетъ сама черезъ себя. Такимъ образомъ въ ней et formae versantur, et actiones (независимо отъ внѣшней реальности); и имъ кажется, что онѣ то слушаютъ, то сами говорятъ. Безъ всякаго сомнѣнія... въ этомъ движеніи пестрой вереницы неуловимыхъ образовъ ослабѣвшей и вѣчной души находятъ себѣ отзвуки мысли и впечатлѣнія, запавшія въ

---

[1]) Lb. II. cap. LXIX p. 121.—Слабость этого пріема *Bouché—Leclerc* отмѣчаетъ въ слѣдующихъ словахъ: «c'est bien là une théorie, qui ne saurait infirmer une théorie fondée sur des principes différents» (p. 328).

[2]) Lb II. cap LXVII p p. 139—140.

души въ бодрственномъ ихъ состояніи“ [1]). (Далѣе это иллюстрируется примѣрами изъ опыта Квинта и своего собственнаго).

Теперь перейдемъ къ новѣйшимъ противникамъ вѣры въ сны; читатели увидятъ, насколько незамѣтенъ и естественъ этотъ переходъ отъ древнихъ къ новымъ ониропогамъ—скептикамъ, не смотря на цѣлые вѣка, лежащіе между ними, и толки о прогрессѣ точной науки. Они увидятъ, что въ этой сферѣ измѣнились только слова и форма, а не идеи и сущность.

---

[1]) Lb. II. cap. LXV p. p. 139—140.

Глава VI. Вѣра въ сны передъ судомъ науки.

Сущность задачи, которую ставитъ себѣ наука по отношеніи къ пророческимъ снамъ, состоитъ въ томъ, чтобы свести всѣ пророческіе и другіе необыкновенные сны къ первой группѣ необыкновенныхъ сновъ нашей классификаціи (см. гл. III) посредствомъ соотвѣтственныхъ объясненій этихъ загадочныхъ феноменовъ сна. Для облегченія этой не только трудной, но и невозможной задачи наука вынуждена прибѣгать къ пріемамъ, значительно облегчающимъ ее. Прежде всего, на всякій случай, она запасается орудіемъ, пущеннымъ въ ходъ еще Цицерономъ, разными аргументами стараясь подорвать довѣріе къ самымъ фактамъ пророческихъ сновидѣній вообще, всячески понизить достовѣрность этого рода фактовъ и сообщеній объ нихъ. Этой цѣли наука достигаетъ не простымъ голословнымъ отрицаніемъ фактовъ, когда они не поддаются ея объясненію (какъ у Цицерона), но путемъ общаго положенія, добытаго точнымъ психологическимъ наблюденіемъ, слѣдующаго рода: совершенно точная передача сновъ, безъ добавленій и измѣненій. словомъ—безъ искаженій, для насъ безусловно невозможна „такъ что“, по словамъ Шпитта, „у насъ никогда, строго говоря, не бываетъ вѣрнаго критерія для опредѣленія того, видѣли ли мы въ

дѣйствительности этотъ, или другой сонъ“[1]). Указываютъ до шести условій, вліяющихъ неблагопріятнымъ образомъ на точную или правильную передачу сновъ.

а) Забываемость или малая запоминаемость сновъ, вслѣдствіе которой при передачѣ дѣлаются невольныя дополненія и исправленія пробѣловъ въ памяти. Возстановленіе памятью всѣхъ подробностей сна невозможно, а иногда по пробужденіи остается только общее впечатлѣніе сна; очень можетъ быть, что иногда не остается и такого впечатлѣнія (отсюда вопросъ въ онирологіи о томъ, ob die Seele in jedem Schlafe träumt). Причины этого явленія разнообразны: недостаточная сила и глубина впечатлѣній во снѣ, полученныхъ памятью, въ зависимости отъ быстроты теченія представленій, недостатка связи между ними, отъ ихъ слишкомъ большой оригинальности и новизны, отличающихъ ихъ отъ формъ бодрственнаго сознанія, отъ ихъ слабости сравнительно съ впечатлѣніями бодрственнаго сознанія, тотчасъ по пробужденіи ихъ вытѣсняющими изъ памяти, отъ невниманія спящаго къ снамъ [2]), отъ различія душевнаго настроенія во снѣ и по пробужденіи, такъ какъ „репродукція становится тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе увеличивается различіе даннаго настроенія отъ прежняго“ [3]). *Штрюмпелль* резюмируетъ обоз-

---

[1]) *Spitta* «Die Schlaf—und Traumzustände der menschlichen Seele» p. 246.—Шпитта устанавливаетъ это положеніе даже на случаи самаго благопріятнаго характера для передачи сновъ, когда мы имѣемъ дѣло съ субъектомъ, достойнымъ всякаго довѣрія (Warheitsliebendste), и снами интенсивными, sehr markirten Traume (p. 241. 243), а *Strümpell* дѣлаетъ исключеніе для сновъ послѣдняго рода, замѣчая: Erst wenn der Traum in dem völlig wachen Bewusstsein sich wie ein gewesenes Erlebniss darstellt, wird man mit den Eigenthümlichkeiten desselben bekannt» въ «Natur und Entstehung der Träume» p. 6.

[2]) *Strumpell'я* см. гл. VI, резюме на 93 f

[3]) *Giessler* (Aus den Tiefen des Traumlebens. Eine psychologische Forschung auf Grund eingehender Beobachtungen». Halle—Saale 1891. S. 3 ср. *Spitta* p. 241.

рѣніе этихъ причинъ слѣдующимъ образомъ: „поэтому замѣчательнымъ становится не забываемость сновъ, но то обстоятельство, что они могутъ удерживаться въ памяти“ [1]).

Положеніе, выставляемое наукою, не можетъ быть принято безъ существенныхъ измѣненій, т. е. оно должно быть отвергнуто, какъ и дѣйствительно отвергается въ самой практикѣ науки: если бы оно серьезно принималось даже тѣми, которые его выставляютъ, то для психологіи отдѣла о сновидѣніяхъ не существовало-бы, не существовало бы и ученыхъ изслѣдованій, демонстрирующихъ различныя теоріи самыми фактами сновидѣній. Въ дѣйствительности указанныя причины слабой запоминаемости сновъ дѣйствуютъ не всегда и при томъ едва-ли когда всѣ вмѣстѣ: сны могутъ быть яркими и живыми, „какъ на яву“, могутъ оставлять глубокій слѣдъ не только въ памяти, но и во всемъ существѣ человѣка, вслѣдствіе чего они никогда не забываются, могутъ быть вполнѣ связными, могутъ имѣть не фантастическій, а реальный колоритъ и т. п. Положеніе это настолько спорно и сомнительно, что Гисслеръ находитъ, напр., возможнымъ противопоставить ему совсѣмъ иное, что „два момента особенно способствуютъ изслѣдованію сновъ, отсутствующіе въ психологіи бодрственной жизни: живость образовъ и при извѣстныхъ условіяхъ значительная возможностость къ точному фиксированію фактовъ (die Lebhaftigkeit der Bilder und die unter gewisssen Bedingungen sich geltend machende genaue Fixierbarkeit der Thatsachen“). Въ то время какъ въ бодрственной жизни образы предметовъ исчезаютъ вмѣстѣ съ дѣятельностью чувствъ, дѣлаясь лишь матеріаломъ памяти, во снѣ это обстоятельство значительно устраняется тѣмъ, что „сонныя представленія вслѣдствіе энергическаго возбужденія мозга накопившимися продуктами разложенія въ крови пріобрѣтаютъ

---

[1]) *Strümpell* p. 94.

характеръ галлюцинацій, слѣдовательно такихъ представленій, которыя отличаются большею живостью отъ нормальныхъ, хранящихся въ памяти; поэтому они легче и прочнѣе отпечатлѣваются въ памяти“ [1]). Гисслеръ не закрываетъ глазъ передъ вышеразсмотрѣнными препятствіями къ запоминанію сновъ, но онъ не считаетъ ихъ неустранимыми и указываетъ, на основаніи собственнаго опыта, въ качествѣ средства противъ нихъ andauernde Uebung, „настойчивое упражненіе и углубленіе непосредственно по пробужденіи въ остатки сновидѣній. Благодаря такому упражненію не только дѣлается постепенно легче и полнѣе припоминаніе, но и, какъ кажется Гислеру, уже во время самаго сна образы его пріобрѣтаютъ большую неподвижность и опредѣленность“. Доказательствомъ этого служитъ то, что Гисслеру не разъ приходилось замѣчать, какъ хорошо и много припоминалъ онъ такихъ сновъ, которые прямо нужны были ему въ качествѣ матеріала той главы сочиненія о снахъ, какою онъ занимался въ то или иное время [2]).

б) Сны не подлежатъ точной передачѣ по самой своей природѣ, какъ безсвязныя сплетенія образовъ, при этомъ большею частію незаконченныхъ и способныхъ превращаться одинъ въ другой [3]).—Относительно этого должно замѣтить, что, во первыхъ, сны не всегда бываютъ лишены логической связи, въ особенности сны той категоріи, изслѣдованію

---

[1]) *Giessler* p. 1 f.

[2]) *Giessler* 3 f. Кромѣ этого Гисслеръ рекомендуетъ и еще средство, во всѣхъ отношеніяхъ странное и невозможное: Da ferner die Traumvorstellungen auf Vorstellungen aus dem wachen Leben basieren und die Zurückfuhrung auf letztere fur die Betrachtung von grosser Wichtigkeit ist, ein Nachspüren aber dann mehr auf Erfolg rechnen kann, wenn die Erlebnisse des Tages nicht zu zalhreich und mannigfach gewesen sind, so begunstigt ein zurückgegones Leben das Traumstudium in viel höherem Masse, als ein wechselvolles».—Ibid.

[3]) *Spitta* p. p. 241. 242 f.

которыхъ посвящено наше сочиненіе; во-вторыхъ, память наша, какъ извѣстно всякому, способна сохранять въ себѣ образы, совершенно лишенные логической связи, какъ: болѣе или менѣе длинные разговоры въ гостинной, событія дня и проч. въ этомъ родѣ.

в) Сличеніе сновъ съ дѣйствительностью является новымъ условіемъ искаженія сновъ. „Сновидѣнія помнятся смутно,—происходитъ потомъ событіе, которое напоминаетъ намъ извѣстный сонъ; мы стараемся припомнить его подробности и не замѣчаемъ, что, припоминая, значительно перестраиваемъ картину“, говоритъ г. Гротъ [1]). Въ доказательство такого подлога разсказывается, съ комментаріями, слѣдующій, заимствованный у Гильдебрандта, сонъ: „одинъ нѣмецкій миссіонеръ христіанства между евреями ведетъ во снѣ крупный разговоръ съ жидомъ, который кончается тѣмъ, что пасторъ сбрасываетъ его съ лѣстницы и дѣлается виновникомъ его смерти. *Пока онъ разсказываетъ этотъ сонъ женѣ своей* (пусть читатели замѣтятъ эту подробность), входитъ Еврей — проситель, и миссіонеръ съ ужасомъ узнаетъ въ немъ свое видѣніе. Затѣмъ между ними дѣйствительно происходитъ крупный разговоръ, который однако кончается благополучнымъ удаленіемъ гостя, такъ какъ его собесѣдникъ, подъ вліяніемъ сновидѣнія, сдерживаетъ свой гнѣвъ. Любопытнѣйшимъ моментомъ представляется здѣсь для насъ... отождествленіе видѣннаго образа съ даннымъ объектомъ, которое, думаетъ нѣмецкій ученый, основывается на „однообразіи восточнаго типа“, заставившемъ принять сходство за полное согласіе (тождество?)“. Любопытнѣйшимъ можетъ представляться само это разсужденіе съ той именно стороны, что оно наглядно характеризуетъ пріемы и способы мышленія, находящагося подъ давленіемъ предвзятаго мнѣнія, любопытно и даже поучительно здѣсь наблюдать тѣ извороты и тѣ кривые пути,

---

[1]) *Гротъ* «Сновидѣнія какъ предметъ научнаго анализа» стр. 58 ср. *Spitta* p. 248 f. *Radestock'a* «Schlaf und Traum» p. 188 f.

къ которымъ прибѣгаетъ предвзятое мышленіе для обхода очевидной истины. Истина же въ данномъ случаѣ состоитъ въ томъ, что пасторъ не могъ „смутно“ помнить сонъ въ моментъ „отождествленія видѣннаго образа съ даннымъ объектомъ“: „данный объектъ“ является какъ разъ въ то время, когда пасторъ разсказываетъ еще только свой сонъ женѣ; на этомъ основаніи онъ и признаетъ въ „данномъ объектѣ“ видѣнный имъ образъ. Если бы, отвергнувъ эту очевидность мы вмѣстѣ съ Гильдебрандтомъ и Гротомъ приняли ту новую истину, что природа создала всѣхъ восточныхъ людей на одно лицо, такъ что ихъ и различить трудно [1]), то и тогда еще оставался бы открытымъ вопросъ, по этой-ли причинѣ или вслѣдствіе точнаго припоминанія воспослѣдовало отождествленіе видѣннаго образа съ даннымъ „объектомъ“. Случаевъ такого рода мы, конечно, не отрицаемъ, но они относятся не къ пророческимъ снамъ, и факта не колеблютъ. Скажете, г. Гротомъ примѣръ выбранъ неудачно? Конечно, но иной выборъ едва-ли возможенъ по существу дѣла: пусть читатели просмотрятъ факты, приведенные нами въ III главѣ (со стр. 130 и д.), и они увидятъ, что въ нихъ не можетъ имѣть мѣсто послѣдующее исправленіе сновидѣній. Вспомнимъ нѣкоторые изъ нихъ. Одинъ пасторъ, ночуя въ Эдинбургѣ, видитъ во снѣ, что его домъ въ селѣ горитъ, а дѣти— въ большой опасности. Проснувшись, онъ поспѣшно отправляется въ свое село, куда и приходитъ во время, едва успѣвъ спасти изъ пламени забытаго въ домѣ сына. Вообще цѣлыя группы сновъ какъ сны, предвѣщающіе опасности (сонъ Симонида, русской помѣщицы, принцессы де-Конти), сны съ предвѣщаніемъ смерти (своей), не допускаютъ примѣненія вышеуказаннаго пріема.

Слѣдующіе факторы искаженія сновъ, указываемые учеными, представляются неважными, какъ *не всеобщіе* и *не не-*

---

[1]) Слѣдуя такому пріему пришлось бы признать «однообразіе римскаго типа»: см. сонъ Квинта Катулла на стр. 139 нашего сочиненія.

обходимые: г) наклонность къ невинной лжи въ разсказахъ подъ вліяніемъ живой фантазіи („Hang zum arglosen Lügen“ по Канту) [1]) д) мистическая настроенность и особенно вѣра въ сны [2]), е) незаписываніе сновъ тотчасъ по пробужденіи [3]).

Есть еще другой способъ, при помощи котораго стараются свести къ нулю самое существованіе пророческихъ

---

[1]) *Spitta* p. 245 ср. *Abercromlie* «Jnquiries concerning the intellectual Powers and the Investigation of Truth»: Many of these histories, there is every reason believe, derive their marvellous character from embellishment and exaggeration (p. 217 f).

[2]) *Strümpell* p. 6, *Spitta* p. 249. Весьма важно отмѣтить то обстоятельство, что разсказы о пророческихъ снахъ мы имѣемъ не отъ однихъ вѣрующихъ въ сны, но и отъ скептиковъ, такъ въ сборникѣ сновъ у *Splittgerber'a* «Schlaf uud Tod» на p. 85 приводится сонъ въ передачѣ его видѣвшаго Dr. Lisius'a, который trotz der Erfullung dieser und ähnlicher prophetischer Gesichte, die ihm sowohl im Traum, wie im Wachen zu Theil wurden, sie stets von seinem philosophishen Standpunkt aus bezweifelte und nie den seltsamen Widerwillen aufgab, welchen der nüchterne Mann gegen alle Geschichte dieser Art in seinem, Jnnern hegte 185 p.). Поэтому нельзя согласиться съ *Мори*, когда онъ разсуждаетъ: Notons qu'aujourdh'ui la foi aux rêves) ayant disparu, on ne cite plus que rarement des songes prophétiques, tandis que l'antiquité nous en a rapporté un grand nombre; ce qui prouve qu'il y avait dans tout cela plus un effet de la superstition que de l'observation. «Accidunt somnia talia vaticinium habentia, écrit Albert le Grand, quibuslibet hominibus indifferenter et non accidunt viris prudentissimis et optimis» (а Сократъ и др.? См. гл. III)—*Maury* Le sommeil et les rêves p. 314 f.

[3]) *Spitta* p. 244. Это далеко невѣрно: ученые изслѣдователи, какъ Гиссперъ, Шернеръ, Мори, насколько извѣстно, всегда точно записывали свои сны, особенно Мори, приказывавшій даже будить себя во время сна для записи видѣннаго (см. Le sommeil et les rêves chp. I: Ma méthode d'observation); замѣчательные же сны, какъ это вполнѣ естественно, записываются и неучеными изслѣдователями, и въ сборники сновъ (напр. у *Splittderber'a* p 101). не мало внесено фактовъ съ такихъ записей.

сновъ, когда, обращая вниманіе на процентное отношеніе между пророческими и пустыми снами (1%—1000), въ общей подавляющей массѣ сновъ первые объявляются простою случайностью. „Не можетъ быть сомнѣнія, говоритъ *Макничъ*, что нѣкоторые наши сны дѣйствительно сбываются; но это рѣшительно должно быть разсматриваемо, какъ дѣйствіе случая, и на одинъ вѣрный сонъ выпадаетъ по крайней мѣрѣ, тысяча невѣрныхъ“ [1]). Такимъ образомъ, въ природѣ не положено различіе между пустыми и пророческими снами: если хотите, то, по французской пословицѣ, tous songes sont mensonges (всякіе сны ложны): различіе же это устанавливается совершенно произвольно людьми, ради одного сбывающагося сна забывающими, что однако понятно, о тысячѣ несбывающихся сновъ. „Обыкновенно забываются, пишетъ Радстоккъ, сотни и тысячи не сбывающихся сновъ за однимъ сбывшимся, и хотя въ литературѣ, особенно въ объемистыхъ такъ называемыхъ „Magasinen“ прошлаго и нынѣшняго столѣтія, а также у *Шуберта*, *Шернера* и *Перти* собрано множество примѣровъ исполнившихся пророческихъ сновъ, однако-же можно сдѣлать вопросъ въ родѣ того, который сдѣлалъ извѣстный древній грекъ предъ изображеніемъ спасшихся отъ кораблекрушенія помощію боговъ: гдѣ же здѣсь тѣ, которымъ счастье не улыбнулось и предчувствія которыхъ не оправдались?“ [2]). Радстоккъ дѣлаетъ ссылку на Лацаруса, а г. *Гротъ* на одного своего знакомаго, которые нарочито записывали сны *казавшіеся* имъ пророческими (напр. сны съ угрожающимъ предвѣстіемъ смерти близкихъ) и сны которыхъ не оправдывались на дѣлѣ [3]).

Въ основѣ всѣхъ этихъ соображеній, опирающихся на процентное отношеніе сновъ пророческихъ (сбывающихся)

---

[1]) *Macnish.* Philosophy of Sleep p. 71.

[2]) *Radestock* p. 187; ср. *Maury* p. 313 f.

[3]) *Гротъ* стр. 62.

къ пустымъ (несбывающимся), лежитъ грубая ошибка, именно—ни на чемъ неосновательное предположеніе, что или всѣ сны должны быть пророческими, или ихъ должно быть гораздо больше. Но что дѣлать, если самою природою пророческихъ сновъ и условіями естественной дивинаціи во снѣ устанавливается именно такое, а не иное процентное отношеніе, и сновъ пророческихъ гораздо меньше пустыхъ? [1]). Что подумали бы мы о человѣкѣ, который сталъ бы отрицать существованіе елей въ лѣсу на томъ основаніи, что сосенъ въ томъ же лѣсу болѣе елей въ тысячу разъ? Но совершенно такого же рода аргументація ученыхъ въ данномъ случаѣ.

Объявляя сны пророческіе *случайными* совпаденіями съ дѣйствительностью, научная теорія въ то же время находитъ возможнымъ не слишкомъ часто прибѣгать къ случаю „въ виду дѣйствительнаго *психологическаго* соотношенія сновидѣній съ фактами жизни“ въ [2]) справедливомъ соображеніи, что „съ понятіемъ „случая“ слѣдуетъ вообще обходиться осторожно“ [3]). Подъ указаннымъ же „дѣйствительнымъ психологическимъ соотношеніемъ сновидѣній съ фактами жизни“ (т. е. съ исполнившимися событіями) разумѣется почти то же самое, что у Аристотеля. Сны по отношеніи къ вѣрно предсказаннымъ событіямъ не только συμπτώματα (случайны), но и служатъ ихъ причиною (αἰτια), знаками или симптомами (σημεια) или слѣдствіями событій, вѣрными отраженіями дѣйствительности: а) объективной и б) субъективной, а сама дѣйствительность является причиною или поводомъ ихъ. Кромѣ того удачныя предсказанія во снѣ объясняются при помощи *предчувствія*. Такимъ образомъ всѣхъ главныхъ спо-

---

[1]) См. гл. II.

[2]) *Гротъ* стр. 57.

[3]) Тамъ же. На дѣлѣ эта осторожность совсѣмъ не соблюдается, и уже на 63 стр. попадается фраза: «впрочемъ, это совпаденіе можетъ также удобно быть приписано случаю».

собовъ къ объясненію сновъ, какіе предлагаются наукою, собственно мы можемъ насчитать четыре: σημεῖα, συμπτώματα, αἴτια, предчувствіе. Конечно, если принимать во вниманіе и побочные способы (напр. потенцированіе психической жизни во снѣ), то объяснительныхъ принциповъ можно будетъ насчитать больше, не говоря уже о тѣхъ частныхъ пріемахъ, которые должны примѣняться къ отдѣльнымъ объясняемымъ случаямъ. По Фолькману пять способовъ объяснительныхъ: 1) во снѣ истолковываются темныя органическія ощущенія, какъ симптомы приближающихся болѣзней; 2) слѣдуютъ дальнѣйшему развитію заключенія по законамъ пропорціи и аналогіи, недоведенныя до конца въ эпоху бдѣнія; 3) выводятся заключенія изъ посылокъ, разъединенныхъ наяву; 4) автоматически быстро даются отвѣты на мимолетныя, ясно отпечатлѣвшіяся воспріятія (напр сонъ принцесы де-Конти); 5) образуются настроенія, отражающіяся на нашей сознательной дѣятельности. Г. Гротъ, на основаніи сходства пунктовъ 2, 3 и 4 (потенцированіе спящаго ума), сводитъ пять категорій Фолькмана къ тремъ: 1) потенцированіе органическихъ ощущеній; 2) дедуктивной работы ума (способности къ вѣрнымъ заключеніямъ) [1]; 3) образованіе новыхъ ассоціацій, вліяющихъ иногда на ходъ мыслей на яву (αἴτια по Аристотелю, *интеллектуальная реакція* сновъ по терминологіи г. Грота). Въ заключеніе своего очерка о снахъ г Гротъ пишетъ: „Мы конечно не имѣли намѣренія въ предъидущемъ дать полное перечисленіе *всѣхъ* пріемовъ, какими возможно объяснять теорематическое значеніе сновъ. Мы указали на тѣ, которые пришли намъ въ голову“ [2])... Знакомый съ литературою вопроса хорошо знаетъ, что г. Гротъ при всемъ добромъ желаніи и не могъ представить какихъ-

---

[1]) Пунктъ 2-й у г. Грота соотвѣтствуетъ 2—4 у г. Фолькмана; это такъ называемое предчувствіе, сводимое въ научной теоріи къ безсознательному мышленію. Читателямъ уже извѣстно наше мнѣніе о гипотезѣ безсознательнаго мышленія.

[2]) *Гротъ*, стр. 64.

нибудь новыхъ пріемовъ объясненія и что представленное имъ взято не изъ указаннаго источника, но является довольно вѣрнымъ отраженіемъ западно-европейской литературы по данному вопросу, вращающейся въ сущности въ четырехъ категоріяхъ Аристотеля (σημεια, συμπτώματα, αιτια и предвѣдѣніе).

1. Σημεῖα. Сюда относятся патагномическія сновидѣнія, возникающія какъ симптомы состояній тѣлеснаго организма при помощи потенцированія органическихъ ощущеній во снѣ [1]) Здѣсь теперь нѣтъ надобности снова разъяснять сущность этого явленія, котораго мы, какъ читателямъ извѣстно, не отрицаемъ. Но мы не находимъ возможнымъ распространять объясненіе этимъ пріемомъ на всѣ случаи предсказаній во снѣ болѣзни, выздоровленія и смерти. Не говоря уже о томъ, что этимъ пріемомъ не объяснимы сновидѣнія съ предсказаніемъ о другихъ, не объясняются относящіяся къ самому сновидцу, когда онъ, а) будучи, приговореннымъ къ явной смерти (вспомните сонъ Грачева), видитъ сонъ съ предсказаніемъ полнаго выздоровленія, и б) будучи вполнѣ здоровымъ—видитъ сонъ съ предсказаніемъ не только болѣзни, но и смерти своей! Натяжки, къ которымъ стали бы, безъ сомнѣнія, прибѣгать для объясненія такихъ случаевъ, были бы въ сущности злоупотребленіемъ понятіемъ о „скрытой болѣзни“, которое по достоинству можетъ оцѣнить здравый смыслъ, не говоря уже о медицинѣ: эти случаи именно и поражаютъ своимъ контрастомъ между предсказаніями и дѣйствительными органическими состояніями сновидцевъ.

Другой классъ этой категоріи составляютъ сны, соотвѣтствующіе 2—4 пунктамъ у Фолькмана, т. е. являющіеся отраженіемъ или результатомъ предшествующихъ сну состояній ума или, по терминологіи Мори и Максъ-Симона, préoccupation de l'esprit, когда спящему ясно представляется

---

[1]) *Liebeault.* Le sommeil et des états analogues p. 171; *Maury* p. p. 321—322; *Radestokk* p. 189 f.

во снѣ то, о чемъ онъ догадывался и на яву, не отдавая себѣ отчета, „Мы, говоритъ Мори, большею частію видимъ во снѣ, что занимало насъ ранѣе, иногда безъ вѣдома нашего сознанія. Жизнь, полная дѣятельности и впечатлѣній, часто мѣшаетъ намъ останавливаться вниманьемъ на своихъ мысляхъ и безпокойствахъ, однако оставляющихъ въ нашемъ мозгу соотвѣтственные слѣды. Но во снѣ les préoccupations берутъ надъ нами полную власть, и чувства или идеи, занимавшія насъ безвѣдома сознанія, теперь свободно обнаруживаются съ тѣмъ большею силою, что во снѣ они пріобрѣтаютъ объективный характеръ. Во снѣ видишь смерть тѣхъ, за чью жизнь долго въ тайнѣ тревожился, видишь отсутствующихъ друзей, свиданія съ которыми давно жаждалъ.... узнаешь объ осуществленіи своихъ желаній, успѣхѣ задуманнаго предпріятія или о разрушеніи надеждъ“ и т. п. [1]). Одинъ офицеръ, знакомый Мори, ожидавшій войны съ Россіею и назначенія въ дѣйствующую армію, видѣлъ въ 1852 г. во снѣ, что онъ былъ посланъ въ армію и убитъ, что и случилось. Максъ-Симонъ разсказываетъ объ одной знакомой дамѣ, что въ ночь передъ отъѣздомъ на пароходѣ она видѣла свое на немъ путешествіе и взрывъ котла, что и случилось [2]). Однимъ словомъ, „случаевъ, которые можно истолковать этимъ пріемомъ, весьма много“, говоритъ г. Гротъ. Сюда относятся почти всѣ предполагаемыя предсказанья во снѣ о болѣзни и смерти нашихъ родныхъ и друзей; объ опасностяхъ, грозящихъ намъ или нашимъ близкимъ; о вѣроятномъ исходѣ нашихъ частныхъ дѣлъ, или же какихъ нибудь политическихъ событій“ и т. д.„ [3]) таковы, напр., сны кальпурніи о Цезарѣ и Симонида, разсказанные нами въ III-ей гл.

Само по себѣ это объясненіе не представляетъ ничего невозможнаго, но приложеніе его встрѣчаетъ препятствія

---

[1]) *Maury* p. 315 f; см *Radestock'a* p. p. 192—193.

[2]) *Max-Simon* Le monde des rêves p. 64.

[3]) *Гротъ*, стр. 61.

именно по отношеніи къ той категоріи случаевъ, къ которымъ оно по Гроту болѣе относится, т. е. къ предсказанію смерти близкихъ лицъ. На несчастье теоріи въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъ самаго разсказа о предсказаніяхъ этого рода несомнѣнно явствуетъ совершенное отсутствіе всякихъ préoccupations de l'ésprit и даже ихъ *невозможность*. Въ качествѣ только образчика приводимъ случай, заимствуя его у *Макнича*, пережитый имъ самимъ въ Августѣ 1821 года. „Мнѣ снилось, говоритъ Макничъ, что мой близкій родственникъ, находившійся отъ меня въ 300 миляхъ, внезапно померъ. Тотчасъ я пробудился въ состояніи сильнаго непонятнаго страха, какой бываетъ, напр., при кошмарѣ. Въ тотъ же день я полушутя—полусерьезно упомянулъ въ письмѣ домой объ этомъ снѣ, по правдѣ сказать—очень опасаясь насмѣшекъ надъ вѣрою въ сны. Однако въ промежутокъ времени между этимъ письмомъ и отвѣтомъ на него я находился въ состояніи весьма сильнаго недоумѣнія. У меня было предчувствіе чего-то страшнаго, и я никакъ не могъ освободиться отъ него. Каково же было мое удивленіе, когда я получилъ черезъ три дня письмо (написанное на другой день послѣ моего) съ извѣщеніемъ, что родственникъ, видѣнный мною во снѣ. за день передъ этимъ померъ внезапно отъ удара параличемъ, т. е. въ утро того самаго дня, какъ я видѣлъ сонъ. Мои друзья получили мое письмо два дня спустя послѣ того, какъ послали свое ко мнѣ, и естественно были удивлены этимъ обстоятельствомъ. Я могу подтвердить, что мой родственникъ былъ совершенно здоровъ до этого роковаго происшествія. Оно случилось съ нимъ, какъ громовой ударъ, когда онъ не могъ имѣть и малѣйшаго предчувствія какой-бы то ни было опасности“ [1]) По ходу разсказа, такимъ образомъ. видно, что

---

[1]) *Macnish* p. 13 f. Интереснѣе всего, что это передается Макничемъ, защитникомъ разсматриваемаго пріема объясненія сновъ изъ préoccupation de l'ésprit: см. p. 71 f.

Макничъ не имѣлъ и не могъ имѣть безпокойства о здоровьи своего родственника; надо полагать, онъ совсѣмъ и не думалъ о немъ. Отсюда нѣтъ никакой возможности къ объясненію этого сна по пріему préoccupation de l'ésprit, единственно только и подходящему къ данному случаю по научной теоріи. Допуская даже возможнымъ примѣненіе разсматриваемаго пріема къ данному и подобнымъ снамъ, теорія какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ наталкивается на такое неодолимое препятствіе, устраненіе котораго внѣ ея силъ: объясняя *сюжетъ* сна, теорія совершенно не объясняетъ *исполненія* сна, т. е. точнаго совпаденія дѣйствительности со сномъ. Она принуждена будетъ здѣсь ссылаться на *случай*, ему приписывать совпаденіе это, что въ научномъ отношеніи равняется отказу отъ объясненій явленія и точной науки недостойно. Точная наука, допускающая *случай*, т. е. явленіе безъ причины, невозможна. Нѣтъ явленія безъ причины, не можетъ быть безъ причины и разсматриваемое явленіе (пророческіе сны), за объясненіемъ котораго мы обращаемся къ наукѣ. Что же она говоритъ намъ? Она заявляетъ, что это явленіе не имѣетъ причины, какъ случайное, и подъ случаемъ разумѣетъ это, а не иное; къ сожалѣнію, это вовсе не объясненіе, а заявленіе лишь въ благовидной формѣ своего непониманія явленія, причины котораго она не можетъ указать своими средствами. Этотъ наивный пріемъ, не достойный ни науки, ни человѣческаго ума, есть явленіе въ наукѣ—однако общее: на основѣ его построено все современное механическое міросозерцаніе (эволюціонизмъ); на немъ, какъ на основѣ, строится въ сущности и научная теорія „объясняющая“ пророческіе сны.

Какъ ни поразительна нетребовательность ума, удовлетворяющагося такимъ „объясненіемъ“, какъ это, однако при ближайшемъ разсмотрѣніи она окажется вполнѣ понятною: приходится удовлетворяться и такимъ „объясненіемъ“ явленій, когда другими не располагаешь; вспомнимъ также,

что различныя идеи и цѣлыя міровоззрѣнія зачастую источникъ свой имѣютъ не въ объективно-логическихъ, а въ субъективно-психологическихъ условіяхъ, и что случаевъ, когда умъ нашъ не требуетъ многаго, безчисленное множество. Таково, по нашему мнѣнію, происхожденіе „случая“ въ наукѣ, какъ гносеологическаго пріема ея. Свой raison d'être „случай“ имѣетъ не въ научной, а въ иной,— метафизической области, частнѣе въ телеологіи, и для науки терминъ „случай“ представляется лишь незаконнымъ заимствованіемъ изъ метафизики. Здѣсь подъ случаемъ разумѣется совпаденіе двухъ независимыхъ и несвязанныхъ между собою рядовъ явленій: я иду, напр. по улицѣ—это одинъ рядъ явленій; на меня падаетъ съ крыши камень— это другой рядъ явленій. То же паденіе камня будетъ не случайно, если оно брошено рукою злоумышленника. Только въ этомъ (телеологическомъ) смыслѣ и возможна, и дѣйствительно существуетъ случайность въ природѣ, а не въ „научномъ“, т. е. въ томъ, что существуютъ явленія безъ причинъ. Сколько въ самомъ дѣлѣ требуется дѣтской наивности, чтобы повѣрить въ случайность такого явленія. какъ пророческіе сны, поторявшагося не разъ и не два, а *постоянно* и *повсемѣстно* повторяющагося и засвидѣтельствованнаго въ разныхъ странахъ, временахъ и народахъ! Вы говорите, что пророческіе сны сравнительно съ пустыми рѣдкость? Но понятіе о количествѣ какъ вездѣ, такъ и здѣсь, весьма относительно: все зависитъ отъ того, на какомъ полѣ разсматривать это явленіе; по отношеніи къ одному лицу, извѣстному времени и мѣсту сны эти, конечно, могутъ быть рѣдкими явленіями, но если разсматривать или считать ихъ на болѣе широкомъ полѣ, т. е. по отношеніи къ большимъ періодамъ времени, цѣлымъ странамъ и народамъ, то эти явленія представляются совсѣмъ не рѣдкими, но постоянными и повсемѣстными и потому уже самому требующими объясненія. Вы говорите, что совпаденія сновъ съ дѣйствительностью случайны,—пусть; но самое повтореніе этихъ

случайныхъ совпаденій, повтореніе повсемѣстное и постоянное, становится неслучайнымъ—и вы обязаны, хотя бы съ своей точки зрѣнія, объяснить слѣдующее явленіе: постоянную и повсемѣстную повторяемость случайныхъ совпаденій сновъ съ дѣйствительностью. Ясно, что когда вопросъ ставится именно такъ (а онъ такъ и долженъ ставиться), то мѣста случаю уже совсѣмъ не остается. Можетъ быть, сознавая это, къ случаю прибѣгаютъ только тогда, когда другія объясненія невозможны, или въ связи съ этими послѣдними. „Я свожу всѣ такіе сны (съ предсказаніемъ смерти), говоритъ *Макнишъ*, къ случайнымъ совпаденіямъ“ [1]), и это единственный случай рѣдкой откровенности въ употребленіи этого пріема, намъ извѣстный. Посмотримъ теперь, какъ пользуются этимъ пріемомъ въ связи съ другими и особенно выше разсмотрѣннымъ (σημεῖα—préoccupation de l'ésprit)

2. Συμπτώματα.—Употребленіе этого пріема мотивируется у Макса—Симона слѣдующимъ образомъ: „сны съ предсказаніями сбывающихся событій въ общемъ довольно рѣдки, и, строго говоря, было бы достаточно для объясненія ихъ простаго закона совпаденій. Дѣйствительно, образы сновидѣній представляются нашему уму въ милліардахъ, и неудивительно, что въ такомъ большемъ количествѣ образовъ возможны самыя разнообразныя комбинаціи ихъ и совпаденіе нѣкоторыхъ образовъ съ явленіями дѣйствительной жизни“ [2]). Радстоккъ исполненіе сновъ объясняетъ случайнымъ совпаденіемъ дѣятельности фантазіи во снѣ съ дѣйствительностью, приписывая, такимъ образомъ, фантазіи способность предугадыванія, непринадлежащую ей и въ бодрственномъ состояніи [3]).

---

[1]) *Macnish* p. 75.

[2]) *Max-Simon* p. 63 ср. *Cicer* De divin. Lb. II. cap. LXIX p. 121. Ссылки другихъ на случай, какъ объяснительный принципъ: *Maury* p. 314. *Radestock* 188. 191; *Macnish* p. 71 f; *Гротъ* 57.

[3]) *Radestock* p. 188.

Послѣ сдѣланныхъ замѣчаній намъ остается только указать образчики примѣненія этого пріема въ связи съ другими.

Миссъ М., молодая лэди, уроженка изъ Россчайра, сильно полюбила офицера, сопровождавшаго Сира Джона Мура на войну. Постоянная опасность, угрожавшая ему, имѣла, очевидно, вліяніе на ея умъ. Она сдѣлалась блѣдна и задумчива вслѣдствіе постоянныхъ тревогъ за возлюбленнымъ. Среди роскоши и веселья, окружавшихъ ее, среди музыки и смѣха, раздававшихся вокругъ нея, она ходила какимъ-то задумчивымъ привидѣніемъ. Веселье было ей противно. Сонъ подтвердилъ ужасы, выдуманные ею, и довершилъ окончательно ея мрачное состояніе. Однажды ночью, послѣ предшествовавшей безсонницы, ей снилось, будто ея возлюбленный, весь въ крови и съ раною на груди, входитъ въ комнату, раздвигаетъ пологъ кровати и тихо говоритъ, что его убили въ одномъ сраженіи, при чемъ проситъ не печалиться. Сонъ ея исполнился: газеты сообщили, что молодой человѣкъ былъ убитъ въ сраженіи при К. въ ту самую ночь, когда лэди видѣла его во снѣ [1]) Это совершенно удостовѣренное сообщеніе, комментируетъ *Макничъ*, есть одинъ изъ самыхъ характерныхъ образчиковъ совпаденія сновъ съ дѣйствительностью, насъ занимавшею до сна, но совпаденія чисто случайнаго. Душа лэди глубоко была заинтересована судьбою ея возлюбленнаго, и умъ ея былъ поглощенъ мыслью о событіи, котораго она всего болѣе боялась.—его смерти. Время этого событія, совпавшее со сномъ, есть конечно курьёзъ, но пока въ этомъ

---

[1]) Кстати сказать, подобныя явленія умирающихъ въ моментъ смерти близкимъ любимымъ лицамъ дотого обычны, что въ наукѣ получили особое названіе—телепатіи, таково, напр., явленіе умершаго студента Крылова въ Бозѣ почившему митр. Кіевскому Платону въ бытность его инспекторомъ СПб — ской д. акад., извѣстное со словъ самого митр. Платона (см. «Свѣтъ» 1891 г. № 231).

нѣтъ ничего, что можетъ уполномочить насъ обращаться къ какому-нибудь иному объясненію этого, чѣмъ случай [1]).

Аберкромби подробно демонстрируетъ нѣсколько сновъ подобнаго рода. Одинъ сонъ, демонстрированный имъ, приводитъ у себя г, Гротъ, удержавъ и объясненіе его у Аберкромби. Одинъ пасторъ изъ окрестностей Эдинбурга отлучился въ этотъ городъ изъ своей деревни по дѣлу и, заночевавъ тамъ, видѣлъ во снѣ, что домъ его загорѣлся и одно изъ дѣтей—въ опасности. По пробужденіи спѣшитъ домой и находитъ все въ томъ видѣ, какъ ему снилось. Въ своемъ объясненіи этого сна, которое г. Гротъ называетъ „остроумнымъ“ [2]), Аберкромби допускаетъ нѣсколько предположеній,—всѣ въ пользу своей теоріи (такимъ образомъ исходная точка „объясненія“, наклоненнаго въ извѣстную сторону, является неправильною). Онъ предполагаетъ, что у этого пастора была служанка, многократно обнаруживавшая наклонность къ неосторожному обращенію съ огнемъ; во вторыхъ, онъ предполагаетъ, что отсутствіе въ этотъ вечеръ еще болѣе увеличивало опасеніе пастора; въ третьихъ, передъ отходомъ ко сну пасторъ вспомнилъ, что въ этотъ день былъ праздникъ въ его селѣ, на который обыкновенно ходила его служанка и откуда возвращалась въ нетрезвомъ видѣ. „Совершенно натурально, говоритъ Аберкромби, что всѣ эти впечатлѣнія воплотились у пастора въ сновидѣніе о пожарѣ его дома, и что тѣ же самыя обстоятельства повлекли за собою исполненіе этого сновидѣнія“ [3]). Со своей стороны г. Гротъ прибавляетъ еще четвертое предположеніе, что. помѣщеніе, въ которомъ спало одно изъ его дѣтей, можетъ быть, было таково, что возбуждало серьезныя опасенія на случай пожара“ [4]). Конечно, было бы неболь-

---

[1]) *Maenish* p. 72 f.

[2]) *Гротъ* стр. 61.

[3]) Abercrombie p. 214.

[4]) *Гротъ* стр. 61.

шимъ трудомъ прибавить и еще десятокъ предположеній, если бы такой трудъ самъ по себѣ не свидѣтельствовалъ о пристрастіи и предвзятости, и если бы, въ частности, для представленныхъ преположеній имѣлись какія-нибудь данныя,—если бы указаны были хоть какія-нибудь основанія къ предположенію, что служанка была и пьяница, и небрежна въ обращеніи съ огнемъ и проч. На основаніи самаго разсказа о событіи мы можемъ напротивъ прямо признать совсѣмъ непригодными приведенныя предположенія. Если принять эти послѣднія, то мы должны будемъ допустить, какъ ихъ слѣдствіе, что пасторъ не одинъ разъ, а часто долженъ былъ видѣть подобные сны при постоянномъ поводѣ къ нимъ; между тѣмъ изъ разсказа можно догадываться, что этотъ сонъ пасторъ видѣлъ въ первый разъ: онъ вѣритъ ему, что невозможно было-бы при частомъ повтореніи сна. Само собою разумѣется, что Аберкромби и и Гротъ не могутъ объяснить совпаденія сна съ дѣйствительностью, допуская даже правильность ихъ предположеній: они принуждены приписать его случаю.

При помощи подобнаго же пріема г. Гротъ, насилуя текстъ разсказа, объясняетъ сонъ Ломоносова у Погодина (стр. 168). Ломоносову, находившемуся за границею, снилось, что отецъ его, во время рыбной ловли, погибъ на необитаемомъ островѣ Бѣлаго моря, къ которому въ молодости онъ самъ вмѣстѣ съ отцемъ былъ однажды принесенъ бурею. Оказалось, что дѣйствительно около этого времени отецъ его пропалъ безъ вѣсти, а тѣло его послѣ долгихъ поисковъ было найдено на томъ самомъ островѣ. Поразительный сонъ превращается въ самый простой путемъ слѣдующей операціи: „мы можемъ“, говоритъ г. Гротъ, „сдѣлать два или нѣсколько предположеній“. Съ какою цѣлью, спросимъ его?—Съ непремѣнною цѣлью доказать, что пророческихъ сновъ не бываетъ (въ смыслѣ спеціальныхъ средствъ къ узнаванію будущаго). Такова операція съ логической своей стороны; дальнѣйшее же, т. е. выдумываніе

предположеній, не составляетъ ни какой трудности, разъ побѣждена главнѣйшая трудность на пути къ теоріи — сама логика. Г. Гротъ, не приводя даже основаній и такимъ образомъ избавляя насъ отъ труда опровергать его, предполагаетъ, что Ломоносовъ безпокоился объ отцѣ, долго о немъ не имѣлъ извѣстій и т. п. Изложимъ еще одинъ случай примѣненія этой операціи къ пророческимъ снамъ у Аберкромби для полной иллюстраціи пріемовъ, которыми руководствуются въ современной „точной“ наукѣ. Одинъ господинъ изъ Эдинбурга болѣлъ воспаленіемъ подколѣнной артеріи. Консиліумъ изъ двухъ выдающихся хирурговъ приговорилъ его къ операціи, для которой и былъ назначенъ день. За два дня до назначеннаго для операціи времени, жена паціента видѣла во снѣ, что совершился кризисъ въ его болѣзни, вслѣдствіе котораго операція уже не требовалась. Осмотрѣвъ опухоль утромъ, паціентъ удивленъ былъ открытіемъ, что пульсація въ ней со всѣмъ прекратилась и что, однимъ словомъ, болѣзнь пошла на излѣченіе сама собою. Для неспеціалистовъ необходимо, говоритъ Аберкомби, упомянуть, что излѣченіе аневризма подколѣнной артеріи безъ операціи есть случай очень рѣдкій и вообще маловѣроятный. Однако, вѣроятно, лэди слышала о возможности такого конца и ея тревога за исходъ болѣзни естественно воплотилась въ этотъ сонъ, исполненіе же его есть, конечно, дѣло весьма замѣчательнаго совпаденія (coincidence) [1]). Въ разсказѣ самомъ есть уже элементъ, совершенно враждебный теоріи: это - естественная невозможность для профановъ въ медицинѣ мысли о возможности счастливаго исхода указанной болѣзни безъ операціи. Впрочемъ, даже и допуская правильность предположенія Аберкромби, объясняющаго *сюжетъ* сна, самое *исполненіе* сна, его *пророческое значеніе* остаются необъяснимыми: дѣлается ссылка на случай, т. е. заявляется незнаніе или неумѣнье объяснить явленіе

[1]) *Abercrombie* p. 214.

3. Аітια. Подобно тому какъ въ снахъ отражается дѣйствительность, такъ и въ дѣйствительности иногда отражаются сны, зароняющіе въ мозгу спящаго идеи, которыя при соотвѣтственномъ поводѣ могутъ переходить въ дѣйствіе. Аберкромби сообщаетъ, какъ одинъ англійскій офицеръ видѣлъ во снѣ, что находится на вершинѣ Этны, пытается спуститься въ кратеръ вулкана, но, поскользнувшись, падаетъ въ пропасть. Десять лѣтъ спустя, попавъ съ полкомъ въ Сицилію, офицеръ этотъ однажды отправляется съ товарищами посмотрѣть Этну, гдѣ и возникаетъ у него мысль спуститься въ кратеръ, что и осуществляется имъ вмѣстѣ съ однимъ изъ товарищей [1]). „Намъ кажется, говоритъ г. Гротъ, что въ данномъ случаѣ нѣтъ надобности вмѣстѣ съ Аберкромби прибѣгать къ понятію „какого нибудь простого совпаденія“ (some *natural* coincidence), такъ какъ дѣло гораздо лучше объясняется [2]) тѣмъ фактомъ, чмо мысль, однажды прошедшая черезъ наше сознаніе, хотя-бы и во снѣ, легко можетъ возникнуть снова, когда явилась потребная для того ассоціація. Весьма возможно, что тѣмъ же принципомъ реакціи объясняется и вѣщій сонъ Карамзина [3]), приводимый Погодинымъ, который могъ произвести глубокое впечатлѣніе на умъ и повліять на теченіе будущихъ событій (выборъ себѣ жены?!) Впрочемъ, добавляетъ г. Гротъ, это совпаденіе можетъ также удобно (ср. выше сказанное) быть приписано случаю [4]). Отсюда видно, что и принципомъ „интеллектуальной реакціи“ не сполна объясняются явленія, и на лице остается роковая неизбѣжность дополнять или, лучше, замѣнять его „случаемъ“.

---

[1]) Ibid. p. p. 211—213.

[2]) Весьма замѣчательное признаніе негодности «случая» въ смыслѣ объяснительнаго принципа.

[3]) См. у насъ гл. III.

[4]) *Гротъ* 62 f.

Подобнымъ образомъ сны могутъ вліять и на скептиковъ; но еще сильнѣе ихъ вліяніе на волю чрезъ посредство вѣры въ сны, ихъ предсказанія: „Пульхерія Ивановна, говоритъ г. Гротъ, стала чахнуть послѣ того, какъ черный котъ перебѣжалъ ей дорогу, главнымъ образомъ, въ силу *вѣры*, что черный котъ предсказываетъ близкую смерть... То же можно сказать и относительно тѣхъ случаевъ, когда кто-либо видитъ во снѣ. что умретъ въ извѣстный годъ, день или часъ, и дѣйствительно умираетъ въ данное время. подъ психическимъ давленіемъ суевѣрнаго страха“ [1]). Эта вѣра есть своего рода *внушеніе*, аналогичное тому, какое имѣетъ мѣсто, напр., въ *гипнотизмѣ*. По этой-то причинѣ весьма обстоятельное обслѣдованіе явленія съ медицинско-патологической точки зрѣнія мы находимъ у Либо (въ гл. IX). „Предвидѣніе какого-нибудь событія или перемѣны въ организмѣ у другихъ или у себя есть всего чаще дѣйствіе внушенія въ продолженіе сна или аналогичнаго состоянія, дѣйствіе, обнаруживающееся потомъ въ точно указанное время спящимъ-ли лицемъ. или какимъ-нибудь другимъ [2]). Когда предвидѣніе касается другихъ. оно есть внушеніе; когда относится къ самому себѣ, оно—самовнушеніе. Во всѣхъ этихъ случаяхъ „всецѣлая вѣра лицъ въ то, что имъ предсказываютъ или въ чемъ ихъ увѣряютъ, есть причина предсказываемаго результата. Довольно рѣдко встрѣчаешь людей, которые по пробужденіи были въ подобномъ расположеніи вѣрить снамъ. Однако по Сальверту, бывали случаи, когда люди изъ мести причиняли смерть другимъ торжественнымъ предсказаніемъ ея... Лицо, къ которому относилось предсказаніе, такъ глубоко проникалось убѣжденіемъ въ неизбѣжности своей смерти, что потрясенный организмъ его переставалъ дѣйствовать“. Далѣе Либо ссылается на свидѣтельство медицины, въ лѣтописяхъ которой самые рѣз-

---

[1]) Тамъ же стр. 63. ср. *Radestock* p. 190 f.

[2]) *Liébeault* Le sommeil et des états analogues p. 176.

скіе случаи этого рода значатся самыми обычными, также на свою докторскую практику. „Хотя бы я встрѣчалъ въ своей практикѣ излѣчимыхъ больныхъ, я напередъ зналъ. что они не выздоровѣютъ, когда они говорили: я умру, я не выздоровѣю и т. п. при чемъ приводитъ случай смерти по самовнушенію почти совсѣмъ здороваго человѣка; этимъ же способомъ внушали себѣ его паціенты и болѣзни (см гл. IX).

Мы не отвергаемъ возможности отношеній между снами и дѣйствительностью по категоріи αἰτια, точно также въ частности—ни „интеллектуальной реакціи", ни самовнушенія и внушенія; но нельзя не видѣть, что значеніе самовнушенія и внушенія въ объясненіи занимающаго насъ феномена пророческихъ сновъ весьма небольшое: имъ объясняются нѣкоторые сны, но именно такіе, которые удовлетворяютъ выставленнымъ здѣсь условіямъ. Во первыхъ, объясненіе самовнушеніемъ и внушеніемъ простирается лишь на сны съ предсказаніемъ явленій совершающихся въ организмѣ: болѣзни и смерти; во вторыхъ, на такіе сны, субъектами предсказаній которыхъ, главнымъ образомъ, служатъ сами сновидцы; что же касается другихъ лицъ, то Либо недостаточно выяснилъ, какимъ образомъ имѣетъ мѣсто по отношеніи къ нимъ внушеніе; во всякомъ же случаѣ даже допуская возможность соннаго предсказанія о другихъ черезъ посредство внушенія имъ идеи предсказываемаго (путемъ пересказа сна), остается громадная область сновъ, не подлежащихъ этому пріему объясненія, когда спящіе видятъ событія, касающіяся лицъ имъ далекихъ, даже почти незнакомыхъ, вообще такихъ, съ которыми они не входятъ и не могутъ входить въ сообщеніе какого-бы то ни было рода, а потому внушеніе представляется немыслимымъ. Въ третьихъ, для внушенія безусловно обязательна всецѣлая вѣра во всякіе сны; но, по свидѣтельству самого же Либо, случаи такой необходимой для самовнушенія вѣры весьма рѣдки. По сличеніи фактовъ съ теоріею, читатели и сами

откроютъ въ первыхъ много и другихъ сторонъ, неукладывающихся въ рамки научной теоріи.

Для полноты изложенія научной теоріи остается еще упомянуть только о предчувствіи, на которое она ссылается для объясненія нѣкоторыхъ случаевъ; но объяснительное значеніе предчувствія въ томъ смыслѣ, какой даетъ ему теорія, весьма ясно слѣдуетъ изъ выше данной подробной оцѣнки ученія науки о предчувствіи [1]). Въ концѣ же концовъ мы нисколько не прогрѣшимъ, если скажемъ, что теорія держится главнымъ образомъ на „случаѣ“, какъ на своей опорѣ: συμπτώματα—случай, σημεῖα—случай, αἰτια—опять добавленія „случаемъ“... Другими словами, „научное положеніе“, что вѣра въ сны есть суевѣріе, въ свою очередь есть *суевѣріе* въ полномъ смыслѣ слова, ничѣмъ недоказанный предразсудокъ, мнѣніе, котораго наука не подвергаетъ и не можетъ подвергнуть безпристрастному обслѣдованію. Мы имѣли уже случаи видѣть степень научнаго безпристрастія, обнаруживаемаго наукою въ изслѣдованіи занимающаго насъ феномена, что выражается въ способахъ и пріемахъ, образцы которыхъ даны выше. Здѣсь мы должны сказать, что научное изслѣдованіе явленія въ самомъ исходномъ своемъ началѣ, въ самой точкѣ отправленія заключаетъ въ себѣ источникъ ошибокъ, ложь: наука исходитъ не изъ стремленія обслѣдовать явленіе,—нѣтъ, она имѣетъ дѣло не съ явленіемъ, а съ идеями, она не явленіе изслѣдуетъ, а отстаиваетъ свой кругъ научныхъ идей, заслоняющихъ отъ нея самое явленіе. Не изслѣдованіемъ фактовъ устанавливается положеніе, что вѣра въ сны суевѣріе, а факты и объясненія подгоняются къ этому положенію. Откуда же это послѣднее? Оно предполагается общими началами, самыми посылками общаго научнаго міросозерцанія. Мы сейчасъ убѣдимся, что на изслѣдованіе пророческихъ

[1]) См. гл. II.

сновъ въ наукѣ рѣшающее вліяніе имѣютъ нѣкоторыя метафизическія предположенія, и что въ изслѣдованіи этого частнаго явленія наука отправляется отъ общихъ своихъ метафизическихъ основоначалъ. Ошибочность вѣры въ сны, говоритъ Макничъ, „не можетъ подлежать сомнѣнію: люди, занимающіеся изслѣдованіемъ человѣческой души и законовъ ея жизни во снѣ, приходятъ къ убѣжденію, что ни при какихъ условіяхъ, если не допускать чуда, преобѣждающаго обыкновенные законы природы, не можетъ быть здѣсь мѣста этому феномену. Св. писаніе свидѣтельствуетъ, что чудеса были обыкновенными въ прежнія времена; но, я думаю, ни одинъ человѣкъ здравомыслящій не будетъ думать, что они совершаются въ настоящемъ состояніи міра. Для правильнаго сужденія о настоящемъ, мы должны отбросить совсѣмъ сверхестественное вліяніе и оцѣнивать явленія согласно съ общими законами, установленными Великимъ Владыкою природы для управленія вселенной. Если бы можно было представить себѣ теперь пріостановку этихъ законовъ, то она должна была бы, какъ и въ прежніе вѣка, имѣть въ виду какія нибудь важныя цѣли и событія, съ которыми связывались бы общечеловѣческіе интересы; но, допуская чудо въ современныхъ снахъ, мы должны были бы предполагать, что Богъ пріостанавливаетъ законы для очень мелкихъ и безполезныхъ цѣлей, какъ, напр., увѣдомить человѣка, что его бабушка умретъ въ такой-то день, что любезная матушка сломала себѣ шею и т. п.“ [1]). Этотъ катихизисъ научный лежитъ въ основѣ изслѣдованій не одного, конечно, Макнича, но и всѣхъ другихъ; но не всѣ одинаково откровенны. Впрочемъ, Либо совѣтуетъ при встрѣчѣ затрудненій въ изслѣдованіи, какъ наше, держаться слѣдующаго пріема, какъ самъ онъ ста-

---

[1]) *Macnish* Philosophy of Sleep. p. 70. Если читатели припомнятъ сказанное въ III-й гл., то легко поймутъ, что возраженіе Макнича совсѣмъ не попадаетъ въ цѣль.

рался дѣлать.— „лучше остановиться и снова потомъ взяться за работу, чѣмъ теряться въ туманѣ философскихъ объясненій и прибѣгать къ сверхъестественному, этому убѣжищу нищихъ духомъ и умомъ“ [1]). Вотъ почему ученые совсѣмъ не соблюдаютъ никакой осторожности въ выводахъ, спѣшатъ обобщеніями, устанавливаютъ закругленныя положенія прежде надлежащаго изслѣдованія явленія. Надо отдать большую честь нѣмецкому ученому Штрюмпеллю, откровенно и прямо заявившему о незначительности компетенціи науки современной въ области онирологіи, пока еще почти не обслѣдованной; по его убѣжденію, наукѣ въ настоящее время доступно объясненію (т. е Zerlegung eines Traumes in seine Elemente und die Zurückführung ihrer Combinationen) лишь небольшое количество сновъ перваго класса нашей классификаціи. именно Nervenreizträume (сны внѣшнихъ чувствъ и внутреннихъ органическихъ ощущеній по Штрюмпеллю) [2]). Какую же цѣну послѣ этого заявленія изъ самого же научнаго лагеря можетъ имѣть укоръ, бросаемый наукою въ цѣлые вѣка и народы, вѣрующіе въ сны, что ихъ вѣра—суевѣріе? Что это, какъ не дѣло своего рода научнаго суевѣрія, ослѣпленія, пристрастія и преждевременной смѣлости сужденія, на которую наука не получила еще права? Закончимъ харектеристику методовъ и пріемовъ научнаго изслѣдованія въ маленькой области, нами взятой (дай Богъ, чтобы эта характеристика только къ ней относилась!), откровеннымъ и весьма наивнымъ объясненіемъ г. Шпитта секрета операцій, лежащихъ въ основѣ его „научной“ онирологической теоріи. „Я считаю, говоритъ ученый, болѣе удобнымъ пользоваться и хорошо удостовѣренными снами только какъ *примѣрами,* поясняющими мою те-

---

[1]) *Liébeault* p. 126.

[2]) *Strümpell.* Die Natur und Entstehung der Träume p p. 96 f.— Это признается и другими, см. напр. *Грота* стр. 64 f.

орію, но никахъ не наоборотъ—теорію выводить изъ сообщеній о снахъ и на нихъ строить ее: это былъ бы со всѣмъ непригодный пріемъ“ (Dies wäre ein völlig verkehrtes Verfahren) [1]). Впрочемъ, и безъ этого наивнаго заявленія, что не теорія въ „точной наукѣ“ строится на фактахъ, а факты подгоняются къ теоріи, всего вышесказаннаго достаточно для надлежащей оцѣнки научной стоимости положенія „точной“ науки, что вѣра въ сны—суевѣріе, и что нѣтъ пророческихъ сновъ. Наукѣ предстоитъ, можетъ быть, тяжелая, но плодотворная работа: „вынимать бревна“ изъ своихъ глазъ, прежде чѣмъ замѣчать „сучцы“ у другихъ. Цицеронъ нѣкогда писалъ: superstitione tollenda religio non tollitur. „Наука“ того рода, съ которою мы имѣли здѣсь дѣло, могла бы не безъ пользы для себя, въ виду этой предстоящей ей работы, передѣлать изрѣченіе Цицерона въ: superstitionibus tollendis scientia non tollitur.

[1]) *Spitta*. Die Schlaf—und Traumzustande p. 258. См. также ibid. на p. 94 f., гдѣ, впадая въ petitio principii, авторъ для объясненія сновъ напередъ принимаетъ, какъ доказанное, положеніе, что Schlafen und Wachen... stehen im Causalzusammenhang und konnen nur etc. (См. нашего изслѣдованія стр. 14).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Введеніе	3— 18
Глава **I.** Сонъ и сновидѣнія	19— 66
Глава **II.** Магическія способности души и ихъ возбужденіе во снѣ	67—121
Глава **III.** Міръ необыкновенныхъ сновидѣній .	122—150
Глава **IV.** Библейское ученіе о пророческихъ снахъ.	151—165
Глава **V.** Вѣра древнихъ въ сны.	166—185
Глава **VI.** Вѣра въ сны передъ судомъ науки .	186—212

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.		СТРОКА	НАПЕЧАТАНО	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ
3	снизу	3	свидѣтельствуетъ	свидѣтельствуютъ
4	сверху	2	послѣдованіямъ	изслѣдованіямъ
9	снизу	3	сну	ему
13	сверху	7	«Ὀνειροκριτικον»	«Ὀνειροκριτικόν»
14	снизу	6	скрытная	скрытая
15	*примѣч.*	1	enlhalt	enthält
31	снизу	14	Принимаетъ	принимаетъ
49	сверху	10	I p. 60	I, p. 60
70	—	12	по времени	отъ времени
73	снизу	7	дѣйсвительно	дѣйствительно
86	—	5	exercést	exercés
97	сверху	13	Исаи	Исаіи
99	—	7	похода,	похода;
119	снизу	15	не служатъ	служатъ
113	сверху	17	блогопріятныя	благопріятныя
125	—	5	днемъ“	днемъ
—	—	9	философіи	философіи,
133	снизу	3	§ 113 f.	p. 113 f.
140	сверху	11	взаимно общенія	взаимообщенія
141	—	7	незчислимые	неизчислимые
153	—	14	*говоритъ премудрый*	говоритъ премудрый
164	снизу	11	Феликсъ	Феликсъ,
—	—	9	къ всѣмъ	ко всѣмъ
176	*Примѣч.*		Сципіонъ	Сципіонъ
182	сверху	5	наблюдаемы	наблюдаемыя
—	снизу	9	симптомати	симптомами
189	*Примѣч*	2	zuruckgegones	zuruckgezogenes
197	снизу	4	кальпурніи	Кальпурніи
202	сверху	9	за возлюбленнымъ	за возлюбленнаго
207	снизу	7	Однако	Однако,